

реальность фантастики

№11 2010

Повесть:

Александр Розов
«ПОТЕРЯВШИЙСЯ
ДЕМОН»

Рассказы:

Ольга Чибис
«И ПОМНИ
ОБ УЛИТКЕ!»

Михаил Зипунов
«ЖИЛИ-БЫЛИ...»

Юлия Сиромолот
«Опера головоногих»

Критика:

Павел Амнуэль
«КАРАВАН НИОТКУДА»

Лев Гурский
«ЖЕНЩИНА НА ГРАНИ
И ЗА ГРАНЬЮ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 11 (87) 2010

1. Александр Розов	/ ПОТЕРЯВШИЙСЯ ДЕМОН	4
2. Ольга Чибис	/ И ПОМНИ ОБ УЛИТКЕ!	42
3. Михаил Зипунов	/ ЖИЛИ-БЫЛИ	55
4. Вальдэ Хан	/ ГЕНИЙ.	68
5. Станислав Бескаравайный	/ НАШ БРОНЕПОЕЗД	80
6. Юлия Сиромолот	/ ОПЕРА ГОЛОВОНОГИХ	92
7. Эдуард Шауров	/ ТВАРИ ТВОРЦА	103
8. Сергей Пальцун	/ ЗУРОЧЕНИЙ САМСОН АБО РАДИО СОТНИКА ДЕПОПАЛО	114
9. Марина Ясинская	/ SANGUIS SANCTUS	123
10. Святослав Логинов	/ БЕЗДОМНЫЙ	131
11. Сергей Вакуленко	/ УЭЙН ИДЕТ В БРАЙТ	138
12. Арт Глушин	/ АППАРАТ ХОЛЬЦМАНА.	145
13. Федор Березин	/ ТОПЛИВО ДЛЯ КОСМОСА	152
14. Юлиана Лебединская	/ КОРОЛЕВСКАЯ КОШКА И КРАСНОБОРОДЫЙ МУЖ	157

Очерк

15. Павел Амнуэль	/ КАРАВАН НИОТКУДА	160
-------------------	------------------------------	-----

Критика

16. Алексей Караваев	/ ВСЁ, ЧТО ВЫ ДУМАЛИ О КРИТИКЕ, НО СТЕСНЯЛИСЬ СКАЗАТЬ	172
----------------------	--	-----

Рецензии и отзывы

17. Алексей Ионов	/ О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР	191
18. Константин Колесник	/ МАРИОНЕТКА КЛИО	195

19. Алексей Салаяев / ВАМПИРЫ КАК ОНИ ЕСТЬ. 197

Кинопортал

20. Лев Гурский / ЖЕНЩИНЫ НА ГРАНИ И ЗА ГРАНЬЮ. 199

Репортаж

21. Олег Силин / ВЕСЬ ПАРТЕНИТ — КОНВЕНТ, А ЛЮДИ В НЁМ —
ФАНТАСТЫ 204
22. Владимир Ларионов / «БРОНЗОВЫЙ ИКАР» — ШЕСТОЕ ВРУЧЕНИЕ. . . . 211

Opus mixtum

23. Разные прекрасные новости 215

АЛЕКС РОЗОВ

ПОТЕРЯВШИЙСЯ ДЕМОН

*Богов было много и некоторые из них
были не просто жестокими, они были
безумными... Жестокость сама по себе была
непонятна. Когда она соединялась с безумием
— все становилось на свои места.*

С. Кинг. Мизери

ПРОЛОГ

— Ф

ермеры с утра сидят в баре, — сказал Джек, делая пару глотков из выданной ему банки пива. Джеку было лет 15 и он был довольно шустрым мальчиком на побегушках. Чаевые он зарабатывал тем, что кроме мелких покупок разносил также все местные новости, источником кото-

рых, за отсутствием местных средств масс-медиа, служил единственный в городке бар.

— Ну и что говорят? — поинтересовалась Элис Оукенгейт. Заметим, что Элис была симпатичная и общительная молодая женщина, недавно купившая здесь коттедж. Она была юристом, следовательно, по местным понятиям, человеком весьма состоятельным и перспективным подателем чаевых. Все эти обстоятельства стимулировали красноречие Джека.

— Приехали какие-то копатели. Назвались археологами, но Дайв Ши говорит, что они будут искать в горах уран. А археологами назвались для секретности и еще чтобы не получать лицензии. Дайв Ши был барменом, а также местным авторитетом в области политики и бизнеса.

— Ты бы предупредил Дайва, чтобы он поменьше болтал, — заметила Элис, — если эти парни подадут в на него в суд, он запросто может лишиться своего бара.

Элис как раз сегодня предстояло сочинять иск от компании «Аквакомфорт интернэйшнал» к местному отделению «Гринпис» о возмещение ущерба, нанесенного деловой репутации на сумму, превышающую раз в десять стоимость бара вместе с напитками, постоянными посетителями и барменом.

— Дайв сам хочет обратиться к шерифу. Он говорит, что если они

археологи, то он — королева Мая. Они, говорит, привезли такую хреновину, которой можно просверлить остров до самого океана. Выдав еще пару-тройку новостей, Джек получил доллар на чай и помчался дальше на своем велосипеде.

«Выдумают тоже — уран, — подумала Элис, — вот что бывает, когда с утра пьют ром вместо кофе», — и забыла про это на долгих две недели.

1. СТРАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Она проснулась от какого-то громкого звука. Включила свет. За окном, в теплой и темной ночи надрывались мириады цикад. На часах было 2.40. «Перебили сон, — с некоторым раздражением подумала Элис, — вечно кто-то мешает хорошо поспать, когда этого хочется».

Теперь она уже поняла, что ее разбудил выстрел. Даже на таком маленьком острове, как Тэфо, всегда найдется хотя бы один идиот, который будет по ночам пилить доски древней бензопилой, или глушить динамитом рыбу, или стрелять Бог знает во что.

В конце концов, разбудили так разбудили. Было очень даже неплохо принять прохладный душ, шлепнуться голой и мокрой на диван, выпить кофе и выкурить сигарету. Затем она взяла наугад один из свежих журналов и собралась было найти там что-нибудь достойное внимания, когда раздался стук в дверь. Очень громкий.

«Как будто звонка нет, — подумала Элис, — и вообще, какого черта, ночь все-таки». Стук повторился. Чем-то твердым и изо всей силы. Элис нажала кнопку селектора:

— Ну, в чем дело?

— Откройте немедленно! — раздался хриловатый мужской голос, — мы знаем, что он здесь.

— Если вы из полиции, потрудитесь разговаривать повежливее, — ответила Элис.

— Обойдемся без полиции, — сказал другой голос, — он здесь, черт возьми. Он не мог уйти далеко. Если вы не откроете дверь, мы ее выломаем.

В подтверждение последних слов раздался сильнейший удар, на который металлическая дверь отозвалась густым звоном. Такого безобразия не потерпел бы ни один из Оукенгейтов, топтавших эту грешную землю последние триста лет. Элис, разумеется, не была исключением. Тем более, в силу своей профессии, она имела ясное представление о том, какие меры она имеет право применить к визитерам, ломающим среди ночи ее дверь.

Во-первых она достала из ящика стола армейский пистолет и, вставив обойму, передернула затвор, во-вторых, она погасила свет, а в-третьих, тихо вышла на балкон. В этот момент дверь содрогнулась от нового удара.

— Если какой-нибудь ублюдок еще раз дотронется до двери, я буду стрелять в любого, кто попадет на мушку, — предупредила она, — патронов у меня целая куча.

— Мы вам дурного не хотим, — объявила одна из темных фигур у двери, — пускай только он выйдет и дело с концом.

— Убирайтесь к чертовой матери с моей земли, — ответила Элис, — считаю до трех, потом стреляю. Раз.

— Вы так не шутите, мисс, — с некоторым беспокойством произнес кто-то.

— А я не шучу. Два.

— Эй, мисс, мы с вами не ссорились!

— Три, — сказала она и, прицелившись поверх голов в наименее симпатичное из растущих в нескольких шагах от двери деревьев, открыла огонь.

БОМ! БОМ! На землю посыпались куски коры и сухие ветки. Остро запахло горелым порохом. Кто-то вскрикнул и что-то тяжелое грохнулось на землю. Кто-то испуганно выругался.

БОМ! Пуля звонко чиркнула по козырьку над дверью.

— Эй, не стреляйте! Мы сейчас все объясним!

— Двадцать шагов от дома по дорожке, — скомандовала Элис, — вот так. Теперь объясняйте, только быстро.

— Вы думаете, он человек, мисс, — сказал один из стоящих на дорожке мужчин, — а он и не человек вовсе. Он демон, оборотень, понимаете?

— В доме нет никого кроме меня, — сказала Элис, — я понятия не имею о ком вы говорите.

— Я подстрелил эту нечисть здесь, у ручья, но похоже, он еще жив. Если его не добить, он выживет и прикончит всех нас. Мы будем искать дальше, вдоль дороги.

— Валяйте, ищите, — сказала Элис.

— Если он появится здесь — стреляйте, — добавил другой мужчина. Мы услышим. Я так думаю, в него надо дюжину пуль всадить, чтобы он издох, никак не меньше... Доброй ночи, мисс.

— Доброй ночи, — ответила она и, удостоверившись, что странная компания направилась в сторону дороги, вернулась в гостиную. Вынула из пистолета обойму и, после некоторого размышления, добавила туда четыре патрона. Пистолет положила на журнальный столик.

«С этими засранцами действительно можно поверить в любую чертовщину. Господи, это же надо, сидеть ночью с заряженным пистолетом из-за компании нетрезвых фермеров, испугавшихся трухлявого пня. Разве можно в тридцать лет быть такой душой?»

Элис налила себе чуть-чуть бренди и включила телевизор. В ночных новостях показывали очередную войну в какой-то дерьмовой стране, аварию танкера и запуск очередного «шаттла». По другому каналу шел эротический фильм. Кого-то добросовестно и скучно трахали. Наконец, Элис нашла канал по которому шел мультфильм со смешными зверушками.

Пока симпатичные зверушки решали свои игрушечные проблемы, Элис сварила себе кофе и удобно устроилась на диване. В этот момент раздался звонок в дверь.

— Ну, — спросила она, включив селектор, — кому еще нечем заняться этой ночью?

— Я ранен, — сообщил спокойный мужской голос, — вы не могли бы мне помочь?

— Здесь частное владение, — сказала Элис, — не проходной двор и не госпиталь. У дороги есть знак ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. А вам нужен госпиталь. Там тоже есть знак и на нем так и написано: ГОСПИТАЛЬ.

— Мне до туда не добраться, — в голосе незнакомца звучало искреннее сожаление, — мне всадили в спину здоровенный кусок свинца, а если меня увидят — безусловно добьют. На дороге меня точно увидят.

— Кажется, я начинаю понимать. Какие-то фермеры искали здесь то-ли демона, то-ли оборотня. Это случайно не вас?

— Боюсь, что меня.

— Хорошенькое дело, — задумчиво произнесла Элис, — окей, сейчас я включу свет у входной двери и посмотрю, что вы из себя представляете.

Она щелкнула выключателем, взяла со столика пистолет и вышла на балкон.

Рядом с дверью сидел вполне обычный человек в защитного цвета куртке и брюках. Он поднял глаза и спокойно спросил:

— Надеюсь, вы не собираетесь в меня стрелять?

— Если будете себя прилично вести — то нет. Встаньте пожалуйста и повернитесь спиной.

— Маленькая проверочка? — спросил он, с трудом поднимаясь на ноги.

— О, черт! — только и смогла выдохнуть Элис.

На месте правой лопатки на куртке незнакомца в пол-спины расплылось свежее пятно крови, посреди которого виднелась дыра, размером с карманные часы.

«Все, — сказала она себе, — пора вести себя как нормальный человек».

Спустившись на первый этаж, она зажгла свет и открыла дверь.

— Проходите в ванную. Это направо.

— Спасибо, — сказал незнакомец и проследовал через холл, не обращая внимания на направленное ему в грудь дуло. Элис заперла дверь и последовала за ним. Он открыл кран холодной воды начал жадно пить. Элис сунула пистолет за пояс, взяла с полочки сигареты и нервно закурила.

Сейчас она имела возможность рассмотреть своего ночного гостя. Он был среднего роста, плотного телосложения, загорелый. Крутое лицо, курносый нос, широко расставленные серые глаза, слегка оттопыренные уши, светлые волосы ежиком. Он с трудом освободился от куртки и бросил ее на пол. Куртка упала с таким звуком, как будто была набита гвоздями.

— Я сейчас сделаю резкое движение, — предупредил незнакомец, — не пугайтесь пожалуйста. Он взялся левой рукой за воротник футболки и резко дернул.

Раздался звук рвущейся ткани и то, что осталось от футболки также

полетело на пол. Незнакомец повернулся и подставил спину под струю воды.

— Я полагаю, следует вызвать врача, — заметила Элис, — и, вероятно, полицию.

— Не стоит.

— Почему?

— Потому, что сначала надо разобраться, в какую историю я влип, — пояснил незнакомец.

— Кстати, кто вы?

— Гарри Келин, к вашим услугам.

— Элис Оукенгейт к вашим. Повернитесь-ка спиной ко мне, Гарри Келин. Я хочу оценить масштабы бедствия.

— Вы что-нибудь понимаете в огнестрельных ранах? — поинтересовался он.

— Разберусь по ходу дела.

Вблизи рана выглядела весьма внушительно: вокруг входного отверстия образовалась опухоль лилового цвета. Крови практически не было.

— По-моему пуля застряла в лопатке, — сообщила Элис, — может, попробовать ее вытащить?

— Если вы готовы попробовать, можно я дам вам пару советов?

— Валяйте.

— Значит так. Нам нужен длинный пинцет, нож, желательно острый, бинт, пластырь и спирт.

— Спирта нет, — сказала она, — есть виски «Джонни Уокер». Я все равно его не пью.

— Сойдет. И, если можно, сигарету.

Через некоторое время Элис, вооружившись щедро проспиртованными ножом и пинцетом с некоторой растерянности разглядывала спину Гарри Келина.

— Для начала следует разрезать опухоль, — сообщил он, — затем попытаться дотянуться пинцетом до пули.

— Боюсь, что вам будет очень больно.

— Не расстраивайтесь, все будет нормально.

— Хочется надеяться, — сказала она, делая надрез.

Через несколько минут ей удалось нащупать пинцетом что-то твердое и после нескольких неудачных попыток извлечь наружу. Однако это был лишь обломок кости. Второй раз ей повезло больше. Пинцет захватил что-то более крупное.

— По-моему вы ее зацепили, — прокомментировал Гарри, — попробуйте распатать. Как зуб.

— Пытаюсь.

По мере того, как Элис распатывала пинцетом невидимый предмет, струйка крови из раны становилась все шире. Неожиданно сопротивление

пропало и на свет появился сплюснутый кусок металла. Из раны брызнул фонтанчик крови и тут же иссяк. Гарри с облегчением вздохнул.

— Блестяще, — сказал он, — осталось только залепить как следует и дело в шляпе.

— Не сглазьте, — сказала Элис, накладывая на рану сложенный в несколько раз бинт, на котором почти сразу же появилось алое пятно, — кстати, что мне теперь с вами делать?

— Бросить до утра на какой-нибудь диван.

— Я слышала, что при большой потере крови полезен сладкий черный кофе и шоколад.

— Похоже на правду, — согласился Гарри, — но мне не хотелось бы доставлять вам лишние хлопоты.

— Ну, после того, что было, это уже пустяки, — успокоила Элис.

2. ВЫЯСНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Гарри лежал на диване, укрытый пледом, пил кофе и жевал шоколад, а Элис курила, устроившись в просторном кресле.

— Не сочтите за праздное любопытство, — сказала она, — но за что все-таки вас хотели убить?

— Не ЗА ЧТО, а ПОЧЕМУ, — уточнил он.

— Хорошо, тогда ПОЧЕМУ.

— Потому, что я — оборотень. Или демон.

— По-моему, ни того ни другого не существует в природе, — заметила Элис.

— Ну, по крайней мере, я — именно то, что здешние пейзажи называют этими словами.

— И в чем же проявляются ваши демонические свойства?

— По-моему, ни в чем, — сказал он, — если вы не хотите спать, я могу рассказать, как это все получилось.

— С удовольствием послушаю, если конечно история интересная, — сказала Элис, устранившись в кресле поудобнее.

— Вы когда-нибудь слышали о флоте Неарха? — спросил Гарри.

— Кажется, нет.

— Неарх был вроде адмирала при Александре Македонском. В черт знает каком году до Рождества Христова он вышел со своим флотом из Индии в сторону Аравии. Часть флота, вроде бы, повернула к Югу, на поиски сокровищ Лемурии. Больше года они болтались по Индийскому океану и вместо сокровищ Лемурии привезли первоклассную легенду о ее гибели. Сейчас попробую ее воспроизвести. Значит, так. В совершенно доисторические времена из недр земли посреди Лемурии появился страшный сукин сын Тифон, нечто вроде самоходного вулкана Кракатау. Произошла битва Тифона и Зевса. Вы в курсе, кто был Зевс?

— В курсе, — сказала Элис, — продолжайте пожалуйста.

— Так вот, — продолжал Гарри, — за подробности я не ручаюсь, но в общем, Зевс метнул целую охапку молний и раздолбал Тифона вместе со всей Лемурией. На то, что осталось от Тифона, Зевс навалил кучу камней и получился остров. Посреди острова образовалось озеро, которое оставшиеся в живых лемурийцы считают священным и каждый год приносят ему дары, а на самом острове живут лишь Хранители, которые — цитирую — «от отца к сыну должны передавать этот рассказ, чтобы не трогали припавшие люди сокровищ озера и не тревожили сон чудовища в его каменной могиле, потому что способен дух Тифона вселиться в человеческое тело и вновь принести на землю разрушение и гибель». Остается добавить, что остров, под которым погребен Тифон назван его местным именем...

— Тэфо! — закончила Элис, — вы историк, Гарри?

— Честно говоря, нет. Эту легенду мне рассказал человек по имени Питер Рамон.

— Тогда какое отношение к вам имеет эта легенда?

— Я ведь еще и до половины не дошел, — пояснил он, — итак, македонцы поверили Хранителям и, испугавшись что Тифон проснется и задаст всем перца, за сокровищами не полезли. Когда в конце девятнадцатого века на Тэфо появились англичане, вся эта история уже основательно подзабылась. От нее осталось лишь табу на все Центральное плато. Англичанам было наплевать на табу, но и на плато им было наплевать, поскольку, судя по всему, там не было ничего, кроме жареных на солнце камней. Англичане объявили остров владением короля Георга и основали этот вшивый городишко, который с тех пор не особенно вырос. Разумеется, некоторые из колонистов забредали на плато, но мало кто из них возвращался, а если и возвращались, то полными придурками. Постепенно колонисты усвоили местное табу и много лет на это озеро никто не ходил, пока некто Питер Рамон, довольно известный археолог, еще более известный, как искатель древних кладов, не раскопал всю эту историю и не отправился сюда на поиски лемурийского клада. Как я оказался в его компании — отдельная история. Мы прибыли на Тэфо два месяца назад. К настоящему моменту из четверых в живых остался я один.

— Что же случилось с остальными? — спросила Элис.

— Вы верите в магию и прочие оккультные штучки? — в свою очередь спросил Гарри.

— Честно говоря, не особенно.

— В таком случае, я попытаюсь обойтись без ссылок на чертовщину, хотя это довольно сложно.

— Я вся внимание, — сказала Элис, наливая себе и ему очередную порцию кофе.

— Собственно говоря, Центральное Плато — это пустынная каменная чаша с маленьким озером в центре на высоте полутора километров. Ни единой травинки, ни одной ящерицы или птицы. Вообще ни черта. В таком

месте можно спятить без всяких тифонов. У нас такая ерунда началась сразу же и у всех четверых, когда мы начали раскапывать дно озера. Наш доктор назвал это «чужие сны». Стоит вам заснуть или просто слегка задремать, как вам снится кусок чьей-то жизни, необычайно яркой и насыщенной, но совершенно для вас дикой. Это не кошмарный сон в обычном смысле, это гораздо страшнее. Вам когда-нибудь снились кошмары, в которых вы теряли власть над собственным телом?

— Пожалуй, да, — сказала Элис, — меня однажды душили собственные руки. В ту ночь было очень душно, а накануне я перегрелась на солнце.

— Тогда попытайтесь представить себе потерю власти над собственным СОЗНАНИЕМ. Когда ваше сознание размышляет, вспоминает, принимает решения, но это не ваши воспоминания, не ваши размышления и не ваши решения. Ваше «Я», загнанное в самый дальний угол сознания с ужасом наблюдает, как кто-то чужой орудует на освобожденной от вас территории. Иногда он натывается там на ваши воспоминания и начинает как бы прокручивать их, и вы видите свою жизнь сквозь чужое «Я». Случается, что после этого проснувшись вы обнаруживаете, что кусок ваших воспоминаний бесследно исчез, а на его месте образовались ЧУЖИЕ воспоминания.

— Этого я уже не понимаю, — призналась Элис.

— Это трудно объяснить, — сказал Гарри, наливая себе бренди и закуривая сигарету, — у вас было в жизни что-то, что вы любите вспоминать?

— Разумеется.

— Тогда назовите одно из таких воспоминаний.

— Ну, например, как я впервые ходила под парусом.

— Прекрасно. А теперь представьте себе, что в один прекрасный день, при попытке вспомнить подробности той прогулки под парусом, вам вдруг вспоминается нечто среднее между затяжным прыжком и полетом на дельтаплане в штормовую погоду. Нечто такое, что происходило не с вами. Причем ваше «Я» испытывает ужас, но большая часть сознания — в восторге. Что же касается подробностей вашей прогулки под парусом — они просто стерлись.

— Говорят, нечто похожее испытывают люди, принимающие ЛСД, — заметила Элис.

— Доктор тоже вначале считал, что дело в испорченных консервах, потом решил, что виновата местная геомагнитная аномалия, а потом стал выдавать всем фенамин.

— Зачем?

— Чтобы не спать, — пояснил Гарри, — пока ты не спишь, ничего не происходит. Дело вроде бы пошло на лад. На дне озера мы обнаружили совершенно уникальные по словам Рамона статуэтки и еще всякую всячину. А потом Рамон погиб. Просто не всплыл после очередного погружения. Я пытался найти тело, но видимо оно оказалось в одной из подводных пещер.

Гарри сделал глоток бренди и продолжил:

— Вероятно, инженер просто недозаправил баллон Рамона и у того кончился кислород, когда он был на дне. Инженер, как выяснилось, уже съехал с катушек от лошадиных доз фенамина. Он засунул куда-то батарейки, мы не могли воспользоваться рацией и вызвать вертолет. Тогда я отобрал у них фенамин. В ту же ночь Доктор наглотался каких-то других таблеток и умер во сне. Я даже не знаю, было ли это сознательное самоубийство. Инженер так и не смог найти чертовы батарейки и пришлось выбираться пешком. Он умер по дороге. Вот, собственно и все.

— Я правильно поняла, что вы сами как-то обходились без фенамина? — спросила Элис.

— Абсолютно правильно, — подтвердил он, сладко зевая.

— Как же вам это удавалось?

— А я просто не боялся спать. При известной тренировке можно спокойно относиться и к более страшным вещам, чем «чужие сны». Последнее время я даже стал находить в них что-то привлекательное. И еще мне стало казаться, что тот, который хозяйничает в моем сознании, когда я сплю, тоже начал находить что-то привлекательное в моих воспоминаниях. Это выглядит так, как будто мы с ним стали немного понимать друг друга.

— В каком смысле?

— Ну, с некоторых пор я заметил, что он перестал стирать мои любимые воспоминания, а я перестал целенаправленно забывать «чужие сны». Произошло нечто вроде взаимного признания, — пояснил Гарри и закрыл глаза.

— Вам плохо? — спросила она.

— Нет, просто я засыпаю, — ответил он и через несколько минут заснул глубоким сном. Элис выкурила еще одну сигарету и отправилась в ванную, чтобы убрать беспорядок, оставшийся после импровизированной операции. Закончив уборку, она прихватила с собой простреленную куртку и, убедившись в том, что Гарри продолжает спать спокойным сном, устроилась на диване в своем кабинете. После некоторого размышления, она пришла к выводу, что исследование содержимого многочисленных карманов куртки вполне оправдано. Поочередно на свет появились:

Бумажник.

Пачка сигарет и зажигалка.

Внушительного вида выкидной нож.

Коробка патронов.

Плоский автоматический пистолет.

Далее начались значительно более необычные вещи:

Массивное золотое кольцо с квадратной печаткой в центре которой изображен шар со стилизованными птичьими крылышками, а по углам — четыре символа, напоминающие зодиакальные.

Диск из зеленовато-желтого металла размером с чайное блюдце, на

котором глубоко выгравированы пять групп непонятных символов или букв (заклинания? или молитвы?).

Миниатюрная статуэтка из серебристого металла, изображающая приготовившегося к полету дракона с тремя изумрудными глазами.

И, наконец, самое необычное:

Восемь совершенно одинаковых золотых фигурок в палец длиной. Фактически это были слитки с пропорциями стилизованного женского тела (ноги вместе, руки прижаты к телу, широкие бедра, большие груди, головы — гладкие шарики).

На всех предметах, несмотря на их прекрасную сохранность лежала печать чудовищной древности. Быть может, они были ровесниками пирамид, а, быть может, были гораздо старше...

Интересно, когда существовала эта чертова Лемурия? Если существовала вообще. А еще более интересно, почему же все-таки вполне мирные фермеры хотели убить Гарри Келина? Белые фермеры, охраняющие от посягательств святыни аборигенов. Это даже не смешно.

С этой мыслью Элис Оукенгейт и заснула.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНТРАКТА

Она проснулась около одиннадцати утра. Тропическое солнце било прямой наводкой через незапущенное окно. Элис с удовольствием потянулась, переместилась в полулежачее положение и тут же увидела разбросанные на столе лемурийские сувениры, а также свой собственный пистолет, лежащий рядом с подушкой.

Итак, все происшедшее ночью ей не приснилось. Она встала и заглянула в гостиную. Гарри продолжал спать сном праведника. Решив, что сон — лучшее лекарство, Элис решила его не беспокоить. Она не спеша выпила кофе и вышла на балкон выкурить сигарету. Ей в глаза немедленно бросился велосипед, прислоненный к дереву в полусотне метров от дома и сидящий рядом на траве Джек.

— Привет, — сказала она, — что ты там делаешь?

— Доброе утро мисс. Вот, сижу, жду когда мисс встанет.

— Ты обычно приезжаешь позже, — заметила она.

— Верно, мисс. Только я хотел убедиться, что здесь ничего не случилось.

— А что могло случиться?

Джек пожал плечами.

— Заходи-ка в дом, — предложила Элис.

Она провела юношу на кухню и, после того, как он выставил на стол все покупки, сказала:

— А теперь, если хочешь, возьми в холодильнике пиво, сядь и расскажи, что тут могло случиться. Кстати, сколько я тебе должна?

— Двадцать три доллара и двадцать центов.

Она протянула ему двадцатку и пятерку.

— Сдачу оставь себе.

— Спасибо, мисс, — Джек вскрыл жестянку и сделал пару глотков, — мисс очень смелая. Она одна напугала четверых мужчин. Еще говорят, что она спрятала в доме подстреленного тре-тре.

— Кого спрятала? — переспросила Элис.

— Ну, такого... — Джек задумался и глотнул пива, — вроде человека с гор.

— Откуда ты все это узнал?

— Фермеры с утра сидят в баре, — пояснил Джек, — Билл Харди всем рассказывает, как он всадил тре-тре пулю прямо между лопаток. А вы правда прячете его у себя?

— Я никого не прячу, Джек, а просто помогаю человеку, которого ранили прошлой ночью.

— Так он сейчас здесь? — прошептал Джек и его лицо из шоколадного стало пепельным.

— Ну да, — ответила Элис, — чего ты испугался?

— Он ведь ничего плохого мне не сделает, да мисс?

— Успокойся, Джек. С какой стати он тебе будет делать что-то плохое.

— Действительно, с какой стати? — раздался насмешливый голос Гарри, — доброе утро, Элис.

Он появился на кухне настолько бесшумно, что это выглядело немного пугающе. Его правая рука висела на сделанной из пояса перевязи, а в остальном он выглядел вполне здоровым. Он уселся за стол и подмигнул сжавшемуся от страха Джеку.

— Не бойся, малыш, я не ем детей старшего школьного возраста.

— Как вы себя чувствуете, Гарри? — спросила Элис.

— Спасибо, неплохо. Я слышал, вы тут обсуждали мою персону. Можно мне поучаствовать?

— Разумеется. Похоже, Джек в состоянии объяснить, почему вас считают демоном, или на местном сленге — тре-тре.

— Отлично, юноша, — сказал Гарри, поворачиваясь к Джеку и извлекая из кармана помятую пятидолларовую бумажку, — у тебя есть реальный шанс заработать пятерку. Что ты знаешь об этом тре-тре?

— Я сам не знаю, но слышал, как старый Саймон Лоа рассказывал, — с некоторой неохотой сказал Джек, — там, за Перевалом, есть Проклятое Озеро. Это — запретное место. У человека, который проведет там три дня и три ночи, Озеро возьмет или его жизнь, или (так рассказывал Саймон Лоа) его душу. Тогда с гор вернется тре-тре. У него будет тело человека, а душа Озера. Некоторое время после этого, тре-тре еще можно убить и душа Озера вернется к себе домой, но если промедлить с этим, то к тре-тре вместе с душой Озера перейдет и его сила, и тогда погибнет все живое на острове, как погибло все живое вокруг Озера.

— А что, до меня такое случалось? — поинтересовался Гарри, закуривая сигарету.

— Когда я был маленьким, лет десять назад охотник по имени Ксао провел у Проклятого Озера три дня и три ночи. Он вернулся с гор и убил много людей пока не попал в засаду. В его теле было не меньше десяти пуль и только после этого он перестал двигаться, но никто не верил, что он умер. Поэтому его тело разрубили на много частей и сожгли, а пепел бросили в море, чтобы он не мог ожить. Фермеры хотели также сделать с вами, мистер, чтобы вы не начали убивать всех, как охотник Ксао. Теперь они боятся и хотят ехать к шерифу, чтобы он защитил их.

— Ладно, юноша, получай свою пятерку, — сказал Гарри, протягивая ему деньги. Джек с некоторой опаской взял бумажку и молниеносно сунул в нагрудный карман.

— Спасибо, мистер. Если вам что-нибудь нужно, я вам куплю.

— Больше не боишься, что я — тре-тре? — спросил Гарри.

— Конечно вы — тре-тре, но ваши деньги такие же, как у других, — с беспечным цинизмом ответил Джек.

Когда Джек ушел, Элис с некоторой иронией заметила:

— Вот еще одна победа здорового прагматизма над суеверием.

— Суеверие? Но ведь что-то убило моих компаньонов.

— Ну, может быть, это какое-нибудь природное явление. Говорил же ваш доктор о геомагнитной аномалии. А ваших компаньонов убил фенамин.

— А как насчет «чужих снов»? — поинтересовался Гарри.

— Бывают же наркотики, вызывающие невероятные галлюцинации и разрушающие память, — ответила Элис, — почему такой же эффект не может вызываться той же геомагнитной аномалией. И хватит об этом. Давайте лучше позавтракаем, вы наверняка проголодались.

— Как волк, — подтвердил он.

После весьма обильного завтрака (который, по причине позднего времени, мог также считаться обедом), они устроились на балконе в шезлонгах.

— Я случайно обнаружила вашу коллекцию, — сказала Элис.

— Я уже понял. Ну и как она вам?

— Я плохо разбираюсь в таких вещах. Это и есть часть того самого лемурийскогоклада?

— Рамон полагал, что да.

— И сколько же всему этому лет?

Гарри пожал плечами.

— Рамон говорил, что Лемурия погибла задолго до египетских фараонов. Я, правда, не знаю точно, когда жили фараоны...

— По-моему, веков пятьдесят назад, — сказала Элис, — и что вы собираетесь делать со всем этим?

— Не знаю. Наверное, попытаюсь связаться с коллегами Рамона и получить свою долю монет. С другой стороны, из-за этих вещей погибли три человека, а я оказался по уши в дерьме. Чем дальше, тем труднее будет убедить кого-либо, что это не я шлепнул Рамона и остальных.

— Если вы хотите, я могла бы помочь вам в качестве юриста.

— Вы — юрист? — удивленно спросил Гарри.

— Да, а что в этом странного?

— Просто не понимаю, чем может заниматься юрист на этом вшивом острове.

— В основном работаю с филиалом компании, занимающейся аквариумными рыбками, — сообщила Элис, — их офис на острове Миндэ, в сорока километрах отсюда. Эти рыбки оказывается один из самых сквалыжных видов бизнеса. Мои клиенты с похвальной регулярностью судятся по два-три раза в месяц.

— Боюсь, что я не буду для вас самым выгодным клиентом, — заметил Гарри.

— Зато вы внесете в мою работу приятное разнообразие.

— Спасибо на добром слове.

— Впрочем, — добавила Элис, — с моей точки зрения, самое главное на текущий момент — это ваше выздоровление.

— Я уже почти здоров, — возразил Гарри, — с другой стороны, мое пребывание в вашем доме становится для вас опасным.

— Вы имеете в виду очередной визит охотников на тре-тре?

— Это вряд ли. Полагаю, их больше волнует, как бы я не нанес визит им.

— Тогда в чем же дело?

— Дело прежде всего в том, что ни вы, ни я не знаем, ЧТО Я ТАКОЕ или ЧЕМ Я МОГУ СТАТЬ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ.

— Знаете, Гарри, я очень тронута вашей заботой о моей безопасности, но на мой взгляд, вы слишком серьезно относитесь к местным суевериям.

— Просто я привык принимать факты, как они есть, — сказал он, — а факты говорят о том, что я потенциально опасен.

— Что вы называете фактами? — поинтересовалась Элис.

— Сначала я должен разобраться в этом сам. У меня в бумажнике имеется приличная сумма денег. Часть я возьму с собой, а часть оставляю на случай непредвиденных расходов.

— Каких еще расходов?

— Минутку, — сказал он, — я еще не договорил. У меня будет к вам большая просьба, составить опись этого лемурийского антиквариата, а также описание обстоятельств, при которых он у вас оказался.

— В том числе и то, что мне известно с ваших слов? — уточнила она.

— Да, если возможно. Я дам вам телефон офиса Питера Рамона в Бомбее. Я надеюсь, что когда его компаньоны узнают что здесь случилось, у них хватит ума приехать и разобраться во всей этой каше. При этом желательно напомнить, что они должны мне кое-какие деньги. Кстати, было бы неплохо узнать, сколько примерно стоят эти бирюльки.

— Если я правильно поняла, вы хотите, чтобы я была вашим поверенным в этом деле?

— Именно так, — подтвердил он.
— Тогда было бы неплохо зафиксировать это на бумаге. Вы сможете написать несколько строчек?
— Смогу. Рука уже почти работает.
Через четверть часа необходимый документ был составлен и подписан.
— Ну, — сказал Гарри, вставая из-за стола, — теперь я, пожалуй, пойду.
— Куда?
— Не беспокойтесь, Элис, теперь я уже в состоянии о себе позаботиться.
— Лучше бы вам остаться здесь на пару дней. Вапа рана..
— Уже зарубцевалась, — перебил Гарри, — я скоро дам о себе знать.
Уже стоя у входной двери, он добавил:
— Вы самая замечательная девушка на свете. Я хочу, чтобы вы это знали.
Через мгновение он исчез, как будто растворился в жарком послеполюденном мареве.

4. МНЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

Элис включила компьютер и по свежим следам набрала в черновом варианте всю историю рассказанную Гарри Келином. Затем закурила сигарету и начала не спеша редактировать. Именно за этим занятием ее застал звонок в дверь. Выйдя на балкон, она увидела стоящего внизу крупного мужчину в голубой рубашке с кобурой на поясе и шерифской звездой на груди.

— Входите, — со вздохом сказала Элис.

Через минуту мужчина, отдуваясь, вошел в гостиную.

— Мисс Оукенгейт, если я не ошибаюсь, — сказал он.

— Не ошибаетесь.

— Ужасная жара сегодня, — добавил он.

— Выпьете чего-нибудь вроде виски с содовой? — спросила Элис.

— С удовольствием. Меня зовут Эдвин Лоури. Я здешний шериф.

— Присаживайтесь, мистер Лоури.

Он опустился на стул, скрипнувший под его тяжестью и вытер мокрый лоб огромным носовым платком. Когда Элис поставила перед ним стакан, он тяжело вздохнул, сделал большой глоток, еще раз вздохнул и произнес:

— Мисс Оукенгейт, не могли бы вы рассказать, как вы провели прошлую ночь?

— Фантастически! Начнем с того, что в половине второго меня разбудил выстрел. Потом появились какие-то ненормальные фермеры и стали требовать, чтобы я пустила их в дом. Разумеется, я их не пустила. Потом...

— Простите, — перебил шериф, — на сколько мне известно, вы обстреляли их из автомата.

— Из пистолета, — поправила Элис, — причем я стреляла в воздух, причем только после того, как они стали ломать дверь, причем я их дважды предупредила.

— Понятно. А они как-то объяснили свои действия?

— Они утверждали, что охотятся на нечистую силу. Я лично не считаю это объяснением. Я не давала разрешения охотиться на кого-либо на моей земле. Но, впрочем, расстались мы вполне мирно.

— И что же было потом?

Элис закурила сигарету и откинулась на спинку стула.

— Еще через некоторое время в дверь позвонил незнакомый мужчина. Он был тяжело ранен и я его впустила.

— И вы не испугались? — удивился шериф.

— Я испугалась, что он умрет на пороге моего дома, — отрезала Элис.

— Он действительно был так плох?

Элис ни слова не говоря вышла из гостиной, а вернувшись, бросила на стол сплюснутый кусочек металла.

— Пуля? — спросил шериф, — откуда она у вас?

— Из правой лопатки мистера Келина. Я извлекла ее оттуда собственными руками.

— Вы врач, мисс Оукенгейт?

— Нет. Но врача было негде взять.

— Вы чертовски смелая женщина, — сказал шериф, разглядывая пулю, — это двенадцатый калибр. Слона можно убить. Кстати, а где сейчас мистер Келин?

— Понятия не имею.

— Когда он ушел отсюда?

— Примерно два часа назад.

— Он сам ушел? Я имею в виду, своими ногами?

Элис пожала плечами:

— Естественно.

— Вы полагаете? — спросил шериф, — а мне кажется, что после такого ранения даже очень сильный человек не сможет самостоятельно передвигаться несколько дней.

— А мне кажется, что вас, как представителя власти, должно гораздо больше интересовать кто всадил Келину пулю в спину, а не почему он после этого может самостоятельно передвигаться.

— Мне известно, кто стрелял в Келина, — спокойно ответил шериф.

— Надеюсь, этот человек арестован? — спросила Элис.

— Арестовать его я всегда успею. Сейчас гораздо важнее найти Келина.

Увидев, что Элис собирается перебить его, он жестом остановил ее и продолжал:

— Демон тре-тре — не легенда, мисс Оукенгейт. Я встретился с ним девять лет назад, но до сих пор вспоминая это, я ощущаю страх. Это был безобидный простоватый юноша, который жил охотой на диких кроликов, до тех пор, пока его не занесло на Проклятое Озеро. Вернувшись он за четыре дня убил 11 человек. Он убивал их с такой легкостью, как вы убиваете мух, просто за то, что они

его раздражали. Последних троих он убил за то, что они хотели убить его. Он был безоружен, а нас было четверо и мы были вооружены, но в живых остался я один. Он двигался с такой легкостью и точностью, что двое из нас успели сделать лишь по одному выстрелу прежде чем он приблизился к ним на расстояние вытянутой руки. Он убил их одним прикосновением. Третий успел выстрелить еще дважды и прожил после этого не более секунды. Я стоял чуть дальше и расстрелял всю обойму, а потом побежал. Восемь пуль было в его теле, но он гнался за мной еще две мили, пока не перестал двигаться от потери крови. И он был еще жив, пока его не разрубили на куски и не сожгли.

— Что-то похожее на амок, верно? — спросила Элис.

— Нет, не верно, — шериф вздохнул, — никакое безумие не может объяснить сверхъестественных способностей тре-тре.

— Извините, мистер Лоури, но пока вы говорили только о большой физической силе, ловкости и живучести, а это как раз довольно обычное явление при маниакальных состояниях.

— Но не в такой степени и не в такой форме, — возразил шериф.

— Для того, чтобы судить о степени и форме надо быть специалистом, — отрезала Элис.

— В данном случае достаточно было это видеть, — уверенно сказал шериф.

— Пусть так, — согласилась Элис, — но какое все это имеет отношение к Келину?

— Самое прямое. Он провел более недели на Проклятом Озере — это раз. Он проявляет невероятную для человека живучесть — это два. Это — явные признаки тре-тре.

— Я поставлю вопрос иначе, — сказала Элис, — для чего вы ищите Келина?

— Он опасен, — ответил шериф, — я наводил о нем справки. Он был армейским инструктором, участвовал в боевых действиях, потом работал шефом охраны какого-то шейха и наконец связался с этим ненормальным Рамоном. Он был опасен даже до своего превращения в тре-тре, а сейчас он крайне опасен.

— Так для чего же вы его ищите?

— Келина надо остановить.

— Остановить? Вы имеете в виду «убить»?

— Если не удастся остановить его другим способом. Ему нельзя позволить свободно разгуливать по острову, иначе в один прекрасный день он устроит здесь битву народов.

— Вы отдадите себе отчет в том, что готовитесь убить человека на основании его ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ? Я что-то не припомню, шериф, чтобы подобная практика отправления правосудия предусматривалась законом. Или для вас больше значат местные дикарские табу?

— Для меня больше значит безопасность жителей острова, — ответил шериф, — если Келин сдастся мне, я обещаю что отправлю его в метрополию живым и невредимым. Под конвоем, разумеется. В противном случае...

— Я поняла, — перебила Элис.

— Вот и хорошо. Надеюсь, вы найдете способ передать это Келину.

5. ПРЕЛЮДИЯ К ПРОДОЛЖЕНИЮ

Проводив шерифа, Элис почувствовала себя совершенно разбитой. Ее не покидало ощущение, что все происходящее представляет собой затянувшийся кошмарный сон.

Это ощущение только усилилось после звонка в Бомбей. Некий Дэн Джолли, отрекомендовавшийся как менеджер, внимательно выслушал ее, весьма подробно расспрашивал о ранении Келина, затем выразил сожаление по поводу гибели Рамона в краткой форме: «выходит, накрылся старина Пит», после чего спросил: «надеюсь, эти фенечки у вас в сейфе?». Получив утвердительный ответ, он дважды переспросил, как найти дом Элис, без комментариев выслушал вопрос о причитающихся Келину деньгах, сказал что вылетает «как только соберется вся команда» и повесил трубку.

«Интересно, где этот тип учился менеджменту? В Синг-синге?» — подумала Элис, у которой сленг мистера Джолли вызвал устойчивые ассоциации с университетским курсом криминальной психологии.

Параллельно у нее возник еще один вопрос: «Интересно, а сколько приблизительно стоят все эти, как выразился Джолли, «фенечки»?»

После некоторого размышления, она сочинила короткую и банальную историю из серии «наследство клиента» и позвонила в Найроби доктору Патрику Мак-Гиру, который являлся единственным известным Элис членом достаточно солидного общества коллекционеров древностей в радиусе пяти тысяч миль.

Войдя в курс дела, Мак-Гир сначала заявил, что все это чуть собачья, а саму Лемурию выдумали арабы в тринадцатом веке. Затем он все же попросил Элис описать что-нибудь из предметов. Первый раз он сказал «о, черт!» при упоминании о картинках вокруг крылатого шара на печатке. Второй раз — при упоминании о статуэтке трехглазого дракона. Когда дело дошло до восьми золотых фигурок, он заявил, что вылетит на Миндэ завтра же и Элис стоило большого труда его отговорить. Еще большего труда стоило добиться того, чтобы он назвал хотя бы приблизительную цену подобной коллекции.

От названной суммы Элис чуть не упала с дивана. Как выяснилось, один из частных коллекционеров не так давно обратился к Мак-Гиру с просьбой помочь в поиске и приобретении собрания довольно странных по описанию культовых предметов. Поскольку ни про что подобное Мак-Гир никогда не слышал, он подумал, что этот коллекционер, будучи любителем, просто начитался каких-нибудь шарлатанских книжек об Офире или

Атлантиде. Такого мнения Мак-Гир придерживался до тех пор, пока Элис не описала ему минуту назад несколько предметов из заказанного собрания. Под конец разговора Мак-Гир пообещал звонить каждый день, на случай, если клиент Элис все же будет продавать коллекцию. После телефонного разговора Элис волевым усилием выбросила из головы все, связанное с лемурийским кладом, сварила себе кофе и села за компьютер сочинять протест по поводу действий малагасийской таможни, письмо в страховую компанию и контракт на поставку партии пресноводных улиток с непронизимым латинским названием. В это же время Гарри Келин, забравшись в брошенную пастухами хижину, спал без задних ног. На этот раз ему снился кусок собственной жизни.

Он снова прятался на залитых водой рисовых полях, которые прочесывали люди в желто-коричневых комбинизонах, вооруженные АКМ. Иногда кто-нибудь из них давал короткую очередь в какой-нибудь подозрительный буторок или в место всплеска от прыгнувшей лягушки. У него же оставался только револьвер с двумя патронами и нож. Солнце ползло к зениту и над полями плыло удушливо-жаркое марево. Второй день у него не было во рту ничего кроме глотка затхлой теплой воды, вторые сутки он не спал.

Плотная цепь желто-коричневых приближалась, и он знал, что если не сумеет проскользнуть сквозь нее, одна из выпущенных наугад очередей попадет в него. Или же его оттеснят за край поля, где он будет виден как на ладони, и пристрелят.

Тогда ему было страшно, но он все же сумел проскользнуть сквозь цепь, хотя это и стоило ему нескольких погружений с головой в грязную воду по полторы-две минуты каждое. Этот страх он испытывал каждый раз, когда в кошмарных снах вновь переживал этот эпизод. Но теперь почему-то все было иначе. Он безмятежно отдыхал, лежа в приятно теплой воде, а медлительные полуслепые-полуглухие люди безуспешно пытались найти его. Этим людям было страшно и со страху они стреляли по зазевавшимся лягушкам. В принципе, ему ничего не стоило проползти сквозь их цепь незамеченным, но ему было лень двигаться и он ждал, когда они пройдут мимо. Он знал, что может с легкостью убить двух-трех из них, так что остальные даже не поймут что произошло и будут так же бестолково палить в белый свет. Но сейчас у него не было желания кого-либо убивать, поэтому он просто дождался, когда цепь пройдет, не заметив его. Потом он не торопясь поплыл на спине в сторону, противоположную той, куда удалялась цепь и... проснулся. Утреннее солнце светило сквозь дыры в травяной крыше хижины. Выходит, он проспал весь вечер, ночь и часть утра. Генри потянулся, сначала очень осторожно, чтобы не беспокоить рану, но боли в лопатке не было. Тогда он потянулся смелее, затем вылез из хижины, встал и, надев ботинки, направился к ручью. Найдя небольшую заводь, он с удовольствием выкупался, затем, выложив на землю содержимое карманов, выстирал одежду и, развесив ее сушиться, улегся на траву,

подставив спину солнцу. С удовольствием закурил сигарету. Он снова вспомнил свой сон и попробовал четко сформулировать, что же он видел и чувствовал в этом сне. После нескольких неудачных попыток, ему это более или менее удалось. Чтобы оценить эту формулировку, он несколько раз проговорил ее про себя: МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО Я — ЭТО ЧУЖОЙ, ИЗ ЛЮБОПЫТСТВА ПРИМЕРИВШИЙ НА СЕБЯ ТУ СИТУАЦИЮ НА РИСОВОМ ПОЛЕ.

Оставалось только определить, кто такой «Я» и кто такой «ЧУЖОЙ», но именно этого Гарри не мог объяснить себе даже в первом приближении. Самое удивительное заключалось в том, что подробности того случая не стерлись, как это бывало с его воспоминаниями в первые дни на Проклятом Озере, когда он ощутил присутствие ЧУЖОГО. Изменилась лишь эмоциональная окраска этих подробностей. Она стала такой, какой оказалась во сне и никакой другой.

Кому принадлежали эти эмоции, ему или ЧУЖОМУ? Может быть, обоим вместе? Гарри вынужден был признать, что не может дать ответа на этот вопрос. Также без ответа остался вопрос о том, каким образом в течение полутора суток зажила рана, нанесенная пулей 12-го калибра. В том, что она зажила, Гарри не сомневался, поскольку его правая рука двигалась совершенно свободно и безболезненно, а единственным ощущением в правой лопатке был легкий зуд, обычно сопутствующий последней стадии заживления любой раны.

В конце концов, он просто плюнул на эти вопросы. Главное он был здоров и зверски хотел жрать. Проблему питания он решил довольно быстро. Решение состояло из пары слегка недозрелых кокосовых орехов и кучки запеченного в углях сладкого картофеля. Теперь он мог спокойно обдумать свое нынешнее положение и решить, что делать дальше. Прежде всего следовало дожидаться приезда компаньонов Рамона и поменять бирюльки на свою долю денег. При этом вполне вероятно, что они попытаются его надуть.

Получив деньги тем или иным способом, следовало сматываться с острова. Куда? Скорее всего — в Австралию. Не исключалась также ЮАР и Новая Зеландия...

Итак, попытаются ли компаньоны Рамона надуть его с деньгами? С одной стороны — вряд ли компаньоны Рамона заинтересованы в скандале вокруг лемурийского клада. С другой стороны — вряд ли им хочется расставаться с двадцатью процентами стоимости клада (именно столько причиталось Гарри с учетом смерти доктора, с которым он был связан договором о взаимном наследовании на манер пиратов «берегового братства»).

Гарри прикинул так и сяк и пришел к выводу, что для компаньонов Рамона самое разумное решение — это не просто надуть, а физически избавиться от Гарри и Элис. Где уже есть три покойника, никого не удивит еще два. Учитывая психологию компаньонов Рамона, за кладом, стоимость

которого, по словам Рамона, составляла более двух миллионов долларов, скорее всего явятся ВСЕ претенденты. Это означает, что предстоящая дележка будет ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ, и те, кто получают свою долю, позаботятся, чтобы остальные НИКОГДА не потребовали свою. Гарри решил, что этот вариант его вполне устраивает.

6. НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Элис никак не ожидала, что вернувшись домой обнаружит в гостиной компанию из трех человек, мирно попивающих ее бренди.

— А вот и мисс Оукентейт, — произнес толстенький субъект в клетчатой рубашке и шляпе, — садитесь, малышка, все нормально. Я — Дэн Джолли. Мбала, будь добр, плесни девушке чего-нибудь выпить.

Смуглый гигант, сидевший рядом с Дэном, степенно положил себе на колени автомат, который держал в руках, налил стопку бренди и вновь взял автомат в руки.

Третий тип, худощавый и жилистый, изобразил тонкими губами что-то отдаленно напоминающее улыбку и пододвинул Элис стул.

— Это Ларвик, — пояснил Дэн, — он очень вежливый.

— Неплохо устроился, — заметила Элис, садясь за стол.

— Ага, — согласился Дэн, — неплохо. Можно попросить у вас ключ от сейфа?

Элис пожала плечами и бросила ключ на стол. В конце концов, она обещала Гарри только вести дела, а не охранять его собственность от налета.

— Благодарю, малышка. Приятно иметь дело с понятливыми людьми.

— Постарайтесь не перепутать там документы, — сказала она, закуривая сигарету.

— Ну, что ж, — сказал Дэн, подбрасывая ключ на ладони, — пойду посмотрю.

— МЫ ВСЕ пойдем и посмотрим, — поправил Ларвик, вставая из-за стола, — а сержант пусть присмотрит за девчонкой.

Мбала пробурчал что-то в знак согласия и тоже встал.

— Окей, — сказал Дэн и, повернувшись к двери, крикнул:

— Сержант!

В гостиной появилась огромная почти квадратная фигура в комбинезоне болотного цвета.

— Присмотри, чтобы девчонка не сбежала.

Тот, кого называли сержантом, молча кивнул. Трое направилась на второй этаж. Сержант пересек гостиную и уселся в кресло в углу. Короткоствольный автомат, казавшийся в его руках игрушечным, был нацелен на входную дверь.

Минут пять ничего не происходило. Элис молча курила. Сержант так же молча сидел в углу, наблюдая не то за ней, не то за входной дверью. А затем события стали разворачиваться в таком темпе, что лишь значительно позже Элис смогла восстановить их последовательность.

Новое действующее лицо (только секунду спустя Элис поняла, что это — Гарри Келин) появилось в гостиной не через дверь, а со стороны лестницы. Его появление сопровождалось коротким цокающим звуком, значение которого стало понятно, когда сержант обмяк в кресле и начал сползать на пол. Из его левой глазницы торчала рукоятка ножа, лезвие которого вошло в мозг на всю длину.

— С вами все в порядке? — спросил Гарри.

— Там еще трое, — прошептала Элис, показывая пальцем на потолок.

— В том же виде, — добавил Гарри спокойным голосом, — думаю, нам надо сматываться отсюда.

— ВАМ надо сматываться, — отрезала Элис, — а МНЕ надо звонить в полицию и расхлебывать все это дерьмо.

— А вы уверены, что вам удастся его расхлебать?

— Да. Как и в том, что эту процедуру я включу вам в счет по двойному тарифу. А теперь забирайте свои побрякушки и катитесь на Миндэ. Закажите номер в отеле «Сюфрен» на имя, ну скажем, Гейт, и ждите меня к вечеру.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

— На мой взгляд вы уже достаточно порезвились. Выметайтесь, я звоню в полицию.

С этими словами она сняла трубку и набрала 999.

— Алло, полиция? Убийство. Верхняя кольцевая, 8... Меня зовут Элис Оукенгейт, я хозяйка этого дома.

Повесив трубку, она обернулась, чтобы поторопить Гарри, но он уже исчез. К моменту появления полиции, она уже успела выкурить сигарету и полностью сформулировать свою версию случившегося.

— Не говорите, что я вас не предупреждал... — начал было шериф, но Элис немедленно перебила его:

— О чем предупреждали?

— Вы знаете, о чем. Как это случилось?

— Понятия не имею. Я вошла в дом и обнаружила труп. Позвонила вам.

— То есть, убийство произошло в ваше отсутствие?

— Совершенно верно.

— Вы когда-либо раньше видели убитого?

— Нет.

— Как он попал к вам в дом?

— Не знаю.

— В доме был кто-либо кроме вас?

— По крайней мере, я никого не видела.

В этот момент бригада добралась до второго этажа. Послышался возглас: «О, черт!»

— Что там у вас? — спросил шериф.

— Еще трое покойников. Кто-то передошил их, как куриц. Думаю, это

произошло меньше часа назад. Похоже, они не успели сделать ни единого выстрела.

— Мисс Оукенгейт, вы абсолютно уверены, что ничего не видели и не слышали?

— Да.

— Тогда как вы объясните, что за час до вашего звонка все эти люди были еще живы?

— Послушайте, шериф, я не знаю, когда и почему кто-то был жив, зато я точно знаю, что не намерена более находиться в эпицентре бесчинств вооруженных банд. Если у вас есть ко мне конкретные вопросы, то задавайте их сейчас. Потом я соберу вещи, оставлю вам ключи от дома и уеду на Миндэ.

— Никуда вы не уедете, пока мы не разберемся с этой историей.

— Посмотрим, — сказала Элис, вставая и убирая в сумку сигареты и зажигалку, — освободите мне дорогу.

— Если вы не успокоитесь, мне придется арестовать вас по подозрению в убийстве, — предупредил шериф.

— Четверых вооруженных бандитов, — добавила Элис, — это даже не смешно.

— Мисс Оукенгейт, мы ОБА знаем, что это мог сделать только один человек. Или НЕ человек.

— Если вы и так все знаете, то я вам не нужна. Так что пропустите меня. Или арестуйте и посмотрим, как вы будете рассказывать свои байки про оборотней и демонов в суде.

— Хорошо. Но вы обещаете позвонить мне завтра в течение дня.

— Не беспокойтесь, позвоню. Когда закончите, не забудьте запереть дверь. За ключами я зайду к вам, когда вернусь.

7. ВТОРАЯ ПАМЯТЬ

... Неожиданно хлынула в его сознание, как прорвавшая плотину река, унесла его куда-то к черту на рога и вместе с ним низверглась в бездонную пропасть, где не было ни верха, ни низа, ни даже времени — и он мог только падать, ПАДАТЬ, ПАДАТЬ в никуда и беззвучно кричать: меня зовут Гарри Келин... ГАРРИ КЕЛИН... ГАРРИ КЕЛИН... Имен здесь было много, но они были не именами, а лишь разрозненным набором образов...

Потом все вдруг прекратилось и он осознал себя в сидящем в кресле и тупо глядящим в телевизор, включенный на канал новостей. По его лицу струйками стекал холодный пот, а мокрая от пота рубашка прилипла к спине. Ему понадобилось несколько минут, чтобы понять, что он находится в номере отеля «Сюффрен», где он ждет Элис Оукенгейт. Потом он вспомнил то, что произошло на Тэфо — неуклюжая засада на него и короткий бой, точнее даже не бой, а истребление. Он не испытывал ни жалости к убитым, ни радости победы. Он всего лишь поступил в соответствии с ситуацией.

Как во время войны с драввами, когда он вынес знание Великой Пустоты за пределы храма Аш-Тарат, Праматери Хаоса, и использовал свою способность превращаться в тень, чтобы убивать мгновенно, бесшумно и незаметно, среди ночи или в яркий полдень. И он делал это до тех пор, пока драввы в ужасе не отступили от стен Шеол-Саа. Как тогда, так и сейчас он убивал не из ненависти, а в силу сложившейся ситуации. Здесь все было понятно и, следовательно, правильно.

Непонятно было другое — как он, побеждавший целые армии, оказался заживо похоронен на срок, столь огромный, что суша поменяла свои очертания, а звезды сдвинулись со своих мест...

Стоп! Его звали Гарри Келин, он понятия не имел ни о каких драввах, он никогда не слышал об Аш-Тарат, Праматери Хаоса, он не знал города под названием Шеол-Саа... Или все-таки знал?

Гарри Келин закурил сигарету и прошелся по комнате. Выглянул в окно. Чудовищная послепопуденная жара уже спала и на улице стала появляться публика. Появились лоточники, торгующие фруктами, орехами, сувенирами и вообще всякой всячиной. Некоторые из постояльцев выползли под полотняный навес недалеко от входа и неспешно попивали пиво и молодое пальмовое вино. Несколько минут Гарри постоял под холодным (в той степени, в которой это было возможно) душем, оделся и вышел на улицу. У него не было ни малейшего желания оставаться наедине с тем, что он только что испытал, поэтому он устроился за одним из свободных столиков под навесом, неподалеку от веселой пьяной компании, распевавшей гавайские песни под аккомпанемент банджо и целой армии надрывававшихся в кустах цикад, взял кувшин пальмового вина со льдом, лепешки с кокосом и тарелку креветок, и погрузился в атмосферу вечернего безделья.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда в его поле зрения наконец появилась Элис. Не дожидаясь особого приглашения, она уселась за его столик и, окинув взглядом компоненты ужина, спросила:

— Надеюсь, это все съедобно?

— Вполне. Надеюсь, у вас все обошлось без лишних неприятностей?

— Смотря какие неприятности вы считаете НЕ лишними, — сказала она, запивая кусочек креветки изрядным глотком вина, — надеюсь, в номере есть телефон и душ?

— Есть.

— Ну, значит все не так плохо, — заключила она, продолжая пытаться, — кстати, я правильно поняла, что вон тот тип в шортах заменяет в этом шалмане официанта?

— Это и есть официант.

— Тогда пусть он притащит бутылку бранди, пачку сигарет и пару бутылок какого-нибудь сока. Надеюсь, он обернется пока я ем.

В номере Элис немедленно позвонила по телефону в Найроби и сообщила доктору Мак-Гиру, что лемурийская коллекция, все же, продается,

причем достаточно срочно. Затем она исчезла в душе и фыркала там не менее четверти часа. Появившись из душа в чем-то среднем между халатом и кимоно, она удобно устроилась в кресле, закурила сигарету и сообщила:

— Вот теперь я, наконец, чувствую себя человеком. Если к тому же нам удастся благополучно завершить это мероприятие, я буду просто счастлива.

— У вас есть какие-то серьезные опасения на этот счет? — спросил Гарри.

— А вы что, уверены что те претенденты, из-за которых я полдня объяснялась с полицией, были последними?

— О цели экспедиции Рамона знали только Ларвик, Джолли и Мбала. Сержант Фарроу мог догадываться, хотя вряд ли. Он был туп, как пробка.

— Они могли с кем-нибудь поделиться информацией, — заметила Элис.

— А заодно и кладом, — добавил Гарри, — в таком деле это одно и то же. А они, как вы наверное заметили, предпочитали избавляться от пайщиков, а не приобретать новых.

— Значит, вы догадывались, что они попытаются от вас избавиться?

— От нас, — поправил Гарри.

— Я — то здесь при чем? — удивилась Элис.

— Вы знали о кладе, значит были в доле.

— Вот как? Значит, меня запросто могли шлепнуть. Если мне не изменят память, мы так не договаривались.

— По-моему, я в достаточной степени контролировал ситуацию, — заметил Гарри.

— Они вполне могли нанять каких-нибудь головорезов, и что бы было тогда?

— Насколько я понимаю, они так и сделали.

— И куда же эти головорезы подевались? — спросила Элис.

— В водостоке, потом на клумбе, где оранжевые цветочки, еще в траве возле живой изгороди и на крыше. Разве полиция их не нашла?

— Нет.

— Значит, найдет.

— Вы что, их — тоже...

Гарри пожал плечами:

— Не дожидаться же, пока они — меня. Будем надеяться, что этот ваш доктор Мак-Гир не играет в такие игры.

— Мак-Гир — честнейший человек! — возмутилась Элис.

— Каждый коллекционер — прежде всего, коллекционер, — возразил Гарри.

— Не говорите ерунды, лучше налейте мне бренди.

— Развезет вас, как морскую свинку, — заметил Гарри, выполняя ее просьбу.

— Посмотрим. Кстати, пару минут назад кто-то говорил о доле.

По-моему, самое время обсудить размеры моего гонорара.

— Окей. Предлагаю одну треть от всего. Устраивает?

Элис ошарашено посмотрела на него.

— Одну треть от ВСЕГО? Вы хоть представляете, сколько это?

— Вполне. Это примерно в два раза меньше, чем две трети. Ну так что, по рукам?

— По рукам, — сказала она, — надеюсь, вы не станете делиться со мной так же, как со своими бывшими партнерами?

Он замолчал и его лицо приобрело крайне задумчивое выражение. Потом он закурил сигарету и, откинувшись в кресле, уставился в потолок.

— По-моему я ляпнула что-то лишнее, — нерешительно заметила Элис.

— Нет, все в правильно. Вы знаете, что у меня было шесть партнеров и все шестеро мертвы. Трое погибли на Проклятом Озере, и какие у вас основания считать это несчастным случаем? Мои слова? Но трех остальных я заманил в ваш дом и убил практически на ваших глазах.

— Гарри, я просто глупо пошутила.

— Если вы и пошутили, то далеко не глупо, — он грустно улыбнулся и покачал головой, — в каждой шутке есть доля шутки. В этой шутке она очень и очень маленькая.

— Послушай, мы оба прекрасно знаем, как это было...

— Вот именно. Поэтому надо обсудить гарантии того, что получив свою долю ты уйдешь отсюда целой и невредимой.

— Ну, вот что, Гарри Келин, — сказала она, вставая и упирая кулаки в бока, — ты можешь сам придумать гарантии, а потом засунуть их себе в задницу.

Его рука защелкнулась на ее запястье, как стальной капкан.

— Да ты просто нахалка, Элис, — удивленно произнес он.

— Мне больно, — сообщила она.

— Извини, — рука разжалась и тут же обхватила ее за талию. В следующую секунду Элис уже сидела у него на коленях.

— Как это понимать? — спросила она.

— Я уже говорил тебе, что ты самая замечательная девушка на свете?

— И еще, что я — нахалка, — добавила Элис, обнимая его за шею.

— Давай считать это комплементом, — предложил он.

Никто не знает точно, что такое любовь. В наше время принято считать, что когда люди занимаются сексом не по принуждению (внутреннему или внешнему), не за деньги и не от нечего делать, а по каким-то другим соображениям, то эти соображения и называются «любовь». Отсюда многочисленные в литературе описания любви, как переживаний индивида до, в процессе, и после.

Итак, можно считать, что Гарри и Элис любили друг друга. И, если не вдаваться в детали, то единственное, что отличало их ощущения от ощущений тысяч людей, занимавшихся тем же самым, это удивительное чувство обретения чего-то потерянного много лет назад, чуть ли не в детстве, а

сейчас совершенно неожиданно вновь найденного. Может быть, это было то ощущение радости, размером с целую жизнь, но волшебным образом помещающееся в небольшой кусочек времени, которое иногда называют счастьем...

8. НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ

... Офис Южно-Азиатского торгового банка в Миндэ был идеальным местом для совершения сделок подобного рода. Как выяснилось, Мак-Гир заранее абонировал комнату для переговоров и даже заказал кофе. Несмотря на некоторую предвзятость и определенную долю взаимного недоверия, Гарри почувствовал к этому пожилому человеку с на редкость живым и легким характером, определенную симпатию. Он вообще симпатизировал людям, делающим что-либо легко и профессионально.

— Ну что, давайте смотреть? — сказал Мак-Гир, усаживаясь и раскладывая на столе несколько портативных приборов.

— Давайте, — согласился Гарри, открывая свой кейс.

Анализ длился около получаса. Последняя проверка была несколько необычной: Мак-Гир положил рядом с золотым диском лист бумаги со сложным рисунком и некоторое время сравнивал символы на рисунке и на диске. Наконец он убрал рисунок и выпрямился.

— Невероятно! — объявил он, — эти вещи подлинные.

— Как вы так быстро определили это? — поинтересовалась Элис.

— Очень просто. Этим вещам никак не меньше тридцати тысяч лет. Таким образом, они как минимум на пятнадцать тысяч лет старше любой из известных цивилизаций, создававших изделия из металла, и любой культуры, создавшей письменность. При этом женские статуэтки без лиц выполнены в том же стиле, что Ориньякско-Солотрейские глиняные «Венеры», которые до сих пор были древнейшими из известных скульптур и считались атрибутами палеолитического культа «прародительниц». «Венеры» датируются примерно двадцатым тысячелетием до рождения Христа. Иначе говоря, они могут оказаться всего лишь поздними копиями с лемурийских золотых статуэток. Это во-первых.

— А во-вторых?

— А во-вторых, мой клиент подробно описал мне ряд предметов, среди которых есть и эти, а также предоставил копию нескольких фрагментов надписей, сходных с надписями на вашем на диске. Кстати, я затрудняюсь даже классифицировать этот тип идеографического письма. Распифровка этой надписи, возможно, займет годы.

— Все это ужасно интересно, — заметила Элис, — а сейчас давайте совершим все необходимые формальности, связанные с перечислением денег.

— Вы правы, — согласился Мак-Гир, — но вы не откажетесь после этого уделить мне час времени? Обещаю, что задам не очень много вопросов, зато расскажу много интересного.

* * *

— По-моему, у нас теперь есть все основания хорошенько перекусить в каком-нибудь тихом месте — заметил Гарри, когда они вышли из банка.

— Я бы даже сказала, устроить праздничный завтрак, — добавила Элис.

— Поддерживаю, — сказал Мак-Гир, — куда едем?

— К Центральному парку. А дальше я покажу.

Это уютное местечко Элис облюбовала с первого дня своей работы на Миндэ. Открытое кафе, окруженное таким количеством зелени, что здесь даже в полдень было сравнительно прохладно. Кроме того, оно работало с раннего утра до позднего вечера.

Мак-Гир начал задавать вопросы едва они успели сесть за столик.

— Прежде всего, я хотел бы спросить, где примерно был найден клад. Меня не интересует конкретное место. Просто скажите, это к Востоку от Сейшельских островов?

— Примерно так, — подтвердил Гарри.

— Все эти предметы были найдены в одном и том же месте?

— На сколько мне известно, да.

— А не слышали ли вы о каких-либо странных событиях, сопровождавших извлечение клада?

— Можно узнать, почему вас это интересует? — в свою очередь спросила Элис.

— Есть одна любопытная легенда, — пояснил Мак-Гир.

— Были странные события, — сказал Гарри, — по крайней мере, достаточно странные, чтобы после них поверить в любую легенду. Так что рассказывайте.

— Эту легенду я прочел в копии храмовой летописи, якобы вывезенной Платоном во время его путешествия по Египту. Такие летописи велась жрецами на протяжении тысячелетий. В копии, которую удалось получить моему клиенту, речь шла о Тапробане, архипелаге в Индийском океане, прародине шумеров и дравидов, или, как ее называли позже, Му (от шумерского обозначения воды) или еще позже — Лемурии. Собственно легенда рассказывала о некоем правителе-полубоге по имени Оатахар, или Те-Хоар. Он был чем-то вроде шумерского Оа, египетского Тота или греческого Прометея, но наделенного, помимо сверхчеловеческого знания, еще и сверхчеловеческой жестокостью. Он правил несколько веков, создал колоссальную морскую империю, простиравшуюся от Маскаренских островов на Юге до Персидского залива на Севере и от Африканского побережья на Западе до Суматры на Востоке. Легенда гласит, что Оатахар умел создавать из пленных людей и пойманных демонов неких существ смешанной природы — химер. Эти монстры, внешне не отличаясь от людей, обладали чудовищной силой, быстротой, живучестью и другими паранормальными способностями, но при этом были безумны и очень недолговечны, поскольку состояли из двух взаимоисключающих сущностей, стремящихся разъединиться. Для того,

чтобы использовать способности химер, Оатахар совершил некое совершенно противоестественное деяние — соединил будущего ребенка с демоном в момент зачатия. Таким образом, ребенок (впоследствии получивший имя Миатар или Атар) появился на свет двойственной сущностью — получеловеком-полудемоном, химерой по рождению. В отличие от обычных химер, созданных из двух уже сформировавшихся существ, Атар оказался вполне разумным и жизнеспособным, что же до паранормальных способностей, то они были многократно сильнее, чем у обычных химер.

Когда Атар вырос, Оатахар мог спокойно оставаться в метрополии, отправляя Атара в длительные военные экспедиции, либо отправляться в подобные экспедиции самому, поскольку Атар один без всякой армии мог защитить метрополию от возможных нашествий диких племен. Но однажды Атар восстал на Оатахара, похитив у него некий талисман, с помощью которого надеялся одержать победу. В этой войне Оатахар победил, но созданная им империя погибла. Атар скрылся в недрах земли вместе с талисманом, содержавшим в себе часть некоего тайного знания. С тех пор Оатахар странствует по земле в поисках Атара, чтобы вернуть талисман и отомстить за предательство.

— Красивая легенда, — заметила Элис, — но при чем тут странные события?

— Одна из найденных вами вещей, по мнению моего клиента, может оказаться похищенным талисманом Оатахара. Его возвращение на свет не могло не вызвать явлений мистического характера, — пояснил Мак-Гир.

— Скажите, доктор в вашем источнике не упоминалось названия городов Тапробана, имена богов, которым там поклонялись, народов, с которыми торговали или воевали? — поинтересовался Гарри.

— Жители Тапробана поклонялись Солнцу, Огню и Великой Матери. Золотые статуэтки без лиц как раз посвящены ей, — ответил Мак-Гир.

— Похоже, я могу вас обрадовать, доктор, — сказал Гарри, — ваш клиент прав. Наверное, даже слишком прав. Именно поэтому мне очень любопытно, кто он.

— К сожалению, этого я сказать не могу.

— А если, к примеру, я расшифрую надпись на диске?

— Вы шутите, — улыбнулся Мак-Гир.

— Я вполне серьезно. Как на счет маленького обмена, доктор?

— Если вы при мне расшифруете надпись, можете задавать мне любые вопросы.

— Отлично! — сказал Гарри, — давайте вашу копию. Теперь объясняю. То, что вы видите — запись основных доктрин веры. Из ритуальных соображений надпись состоит из пяти стихов, расположенных как бы крестом. Читается в следующем порядке: из центра — вверх, затем влево, вправо и вниз.

Гарри вырвал лист из блокнота и нарисовал схему из стрелок, после чего дополнил ее надписями:

ВЕРХ:

Хаос — это единственное, что
существует и не существует
вместе, он есть и его же нет.

Мир — это то, где разделяется
до и после, ближе и дальше

ЦЕНТР:

боги создают миры из Хаоса
демоны сохраняют в них равновесие
люди видят мир изнутри
создания нарушают равновесие мира

ЛЕВАЯ СТОРОНА:

демоны обладают сущностью вне мира, а
люди — внутри мира, но эмоции людей
проникают сквозь границы мира

ПРАВАЯ СТОРОНА:

демоны и люди равно обладают сознанием
но сознание демонов лишено разума
а сознание людей лишено силы

НИЗ:

когда равновесие нарушается
демоны проникают внутрь мира,
люди проникают наружу
мир возвращается к Хаосу
и рождаются новые боги.

Отложив ручку в сторону он спросил:

— Я удовлетворил ваше любопытство, доктор?

— А можно еще раз и поподробнее?

— Окей, — сказал Гарри и минут двадцать объяснял еще раз и поподробнее.

— Это очень похоже на правду, — сказал Мак-Гир, рассматривая рисунок и его расшифровку, — но вы ведь не историк и не лингвист. Откуда вы узнали...

— В результате тех самых явлений мистического характера, — перебил Гарри, — итак, кто ваш клиент?

— Один мексиканец. Его зовут Хосе Тассел. Он частный коллекционер.

— Как он выглядит?

— Очень колоритная личность. Метра два ростом, фигура борца-тяжеловеса. Смуглый брюнет со светло-серыми глазами. Носит бороду. Возраст — лет сорок — сорок пять.

— На кой черт ему понадобились эти лемурийские сокровища и откуда он узнал, как они выглядят?

— Он занимается какими-то оккультными науками. По крайней мере, у меня нет другого объяснения.

— Ну, что ж, обойдемся пока этим, — резюмировал Гарри, — приятно было с вами побеседовать.

* * *

— Мне даже не верится, что эта авантюра с лемурийским кладом так удачно закончилась, — сказала Элис, когда они вышли из кафе.

— Будем надеяться, что она **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** закончилась, — добавил Гарри.

— Ты подозреваешь, что это еще не все?

— Будем считать это обычной осторожностью. Не обращай внимания. Кстати, какие у тебя планы на ближайшее будущее?

— У меня как-то не было времени об этом подумать. А у тебя?

— Собираюсь съездить куда-нибудь, где еще не был. Возможно, пожить там некоторое время, если мне там понравится.

— Там — это где? — спросила Элис.

— Скорее всего, в Австралии. Перт или Мельбурн. Как ты насчет Австралии?

— А при чем тут я?

— Я имел в виду, почему бы нам не поехать вместе.

— Теперь понятно.

— Тогда начинай улаживать свои дела на островах. Тебе хватит пары дней?

— Между прочим, я еще не решила... — она собираюсь объяснить, что для решения вопроса надо ли вообще куда-то ехать, ей требуется некоторое время, но ввиду возникновения паузы, Гарри понял эту мысль совершенно иначе и немедленно отреагировал:

— Решим на месте. Говорят, Мельбурн уютнее всего, но лучше проверить самим. Вот, некоторые еще хвалят Брисбен. Можно и туда заехать.

— На месте, так на месте, — неожиданно для себя согласилась она.

— В любом случае, — резюмировал Гарри, — сегодняшний день мы имеем право потратить на развлечения. пляж, луна-парк и все такое прочее.

Они вернулись в отель после заката, вдоволь наплававшись в лагуне и исследовав все местные аттракционы. В номере Элис заявила, что теперь она будет спать, спать и еще раз спать, разделась, улеглась в кровать и немедленно заснула, свернувшись калачиком.

Гарри тихо вышел на балкон и закурил сигарету. Внизу, под навесом снова кипели вечерние развлечения. Та же пьяная компания, что и вчера, горланила под звуки того же старенького банджо те же гавайские песни, а в кустах на все лады звенели цикады. Обычная релаксация после успешно завершеного дела прошла и теперь следовало бы обрести обычное спокойствие, но сейчас к спокойствию примешивалась неясная тревога. Избавившись от лемурийского клада, он так и не избавился от **ЧУЖОГО**. Более того, он понимал, что постепенно слился с **ЧУЖИМ** и вместе

с непонятными снами приобрел и целый ряд необъяснимых свойств. Правда, он еще не успел как следует освоиться с ними. Они накладывались то на его осязание — и он начинал чувствовать удаленные и даже скрытые за преградой предметы так, как будто прикасался к ним и одновременно видел их с близкого расстояния, но в какой-то неопишуемой цветовой гамме, то на его рефлексы — и он начинал использовать приемы, о которых никогда не слышал и до конца не понимал, как они действуют. Он не склонен был переживать по этому поводу. В конце концов, это здорово помогло ему на Тэфо и могли помочь в дальнейшем. Однако, наследство ЧУЖОГО к сожалению, не исчерпывались непонятными снами и свойствами.

Это был кусок личности (памяти? сознания?) человека (или не совсем человека), жившего Бог знает сколько тысяч лет назад и продолжающего отчасти жить, как ветка, привитая к его, Гарри, личности, памяти и сознанию. И Гарри решительно не представлял, чем это может кончиться. В конце концов, решив, что поскольку ничего ужасного из-за этого до сих пор не произошло, то возможно и не произойдет, он окончательно успокоил себя рюмкой бренди и еще одной сигаретой и отправился в постель.

Элис проснулась и, обняв его за шею, тихо сказала:

— С ума сойти. Я собираюсь лететь в Австралию с человеком, с которым знакома всего четыре дня. Гарри, я ведь о тебе ничего не знаю. Ты обо мне, кстати, тоже.

— Совершенно ошибочное мнение, — ответил он, — я, например, знаю о тебе массу вещей.

— Например?

— Например, что ты спасла меня, когда мне продырявили шкуру. Что ты большой спец по делу аквариумных рыбок, по продаже кладов и по облапошиванию полиции. Что ты прекрасный партнер во всех смыслах этого слова. По-моему, это не так уж мало. Но если вдруг тебе покажется, что я знаю слишком мало, ты всегда можешь рассказать мне что-нибудь еще. А я всегда могу рассказать что-нибудь тебе, правда?

Она ничего не ответила, а только крепче прижалась к нему и через минуту снова заснула.

9. ПУТЬ К ФИНАЛУ

— ... Я очень не хочу отпускать тебя одну, — сказал Гарри.

— Это самое большое два дня, — заметила Элис, — и потом я буду звонить тебе каждый вечер и каждое утро. А твое появление на Тэфо немедленно создаст проблемы с полицией.

— Берегись Тассела, — добавил Гарри, — мне кажется, что у нас с ним слишком разные взгляды на некоторые вещи.

— В смысле?

— Мне кажется, что я с ним уже когда-то встречался и ничего хорошего

из этого не вышло. Так что если он появится на Тэфо — немедленно сма-
тывай удочки.

— Хорошо.

— Немедленно — значит сразу, — уточнил Гарри.

— Ты зануда, — сказала Элис и потерлась головой о его плечо.

* * *

Итак, женщина отправилась в плавание. Хосе Тассел знал, что если она не вернется, Атар обязательно придет за ней на Шеол-Саа, ставший теперь островом Тэфо. Потому, что подобно людям он не умеет без сожаления терять то, что любит. Он поразмыслил некоторое время об этом и осознал свои желания. Ничто более не держало Тассела на Миндэ и он решил отправиться в путь немедленно. Он просто сел на первый же отходящий от причала катер, который ему понравился. Люди, находившиеся на катере — их было четверо — хотели помешать ему — мимоходом он убил их. Он стоял на мостике — один, как триста веков назад — и порывистый ветер бросал ему в лицо соленые брызги.

Боги покинули этот наскучивший им мир. Некоторые ушли в другие миры или создали себе собственные миры по своему вкусу и замкнулись в них или, наконец, сами превратились во что-то совершенно новое и недоступное пониманию. Они покинули этот мир и оставили после себя некоторые игрушки, или созданные ими специально для этого мира и бесполезные в других мирах, или просто надоевшие им.

Теперь эти игрушки или разрушались, или жили собственной жизнью, иногда даже разумной, а иногда направленной к какой-то забытой или вообще несуществующей цели. Некоторые из них существовали в огромном количестве похожих друг на друга экземпляров, другие же были единственными в своем роде и оттого еще более загадочными.

Одной из таких игрушек был демон Балор. Кем и для чего он был создан, почему и кем назван таким именем и чем он являлся в действительности — давно забылось. Триста веков назад, когда Хосе Тассел был еще Те-Хоаром, он узнал о существовании Балора и обеспечил себе возможность владеть им — в той степени, в которой вообще можно владеть такой вещью (или демоном, или существом, или принципом). Но однажды эту возможность похитили у него и сделал это ни кто иной, как Атар — собственное создание Те-Хоара, химера, существо низшего порядка. Существо, специально созданное для того, чтобы обеспечивать контроль над Балором.

Будь Те-Хоар богом — он или не придавал бы этому значения, или одним желанием вернул бы Балор, или наконец, без видимых усилий, создал бы другого Балора. Но Те-Хоар не был богом (по крайней мере, в полном смысле этого слова) и потому мог лишь найти Атару, силой подчинить его себе и, таким образом, вновь обладать Балором...

По возвращении на Тэфо, Элис первым делом посетила шерифа Лоури. Для начала она вынуждена была ответить на дюжину неприятных вопросов относительно побоища в ее доме и местонахождения Гарри Келина. Она без лишних слов повторила все, что говорила непосредственно после упомянутого события, а в отношении Гарри Келина попросту отказалась от каких-либо объяснений, сославшись на неприкосновенность частной жизни.

После этой процедуры она наконец получила обратно свои ключи и отправилась домой.

* * *

Когда впереди возникли скалы Тэфо, Тассел без особого труда нашел единственную на острове пристань. У причалов стояло около дюжины судов разного размера. Ни одно из них не должно иметь возможность уйти. С помощью двухсот литров топлива и ящика фальшфейров, Тассел превратил катер в огромный зажигательный снаряд. Когда до причала оставалось менее пятидесяти метров, Тассел бросил в трюм зажженный фальшфейр и нырнул в море. Ему пришлось проплыть под водой метров полтора, прежде чем он смог вынырнуть за пределами разливающегося по воде горящего мазута.

* * *

Глухой звук, похожий на вздох великана, заставил Элис обернуться почти у самых дверей своего дома. Там, где должен был находится причал, стремительно разрасталось облако черного нефтяного дыма. Она ненадолго задумалась, затем поднялась на второй этаж и, взяв мощный морской бинокль, вернулась к машине. Решительно выехала на шоссе и направилась к Лунным Скалам. С этого места открывался прекрасный вид на всю западную часть острова, включая бухту, причалы, административно-торговый центр, поднимающийся к плато серпантин и редкие коттеджи вдоль него, в том числе и ее собственный.

Выехав на обзорную площадку, Элис навела бинокль на бухту. Перед ней предстала картина, напоминающая боевые действия местного значения. Сами причальные сооружения были полностью закрыты непроницаемым слоем дыма, а по воде бухты плавали полосы горящего мазута. На берегу у границ дымного облака суетились люди.

Элис перевела взгляд на серпантин и увидела одиноко взбирающийся по нему лендровер. Она следила за ним, пока он не остановился у подъезда к ее коттеджу и из кабины не вышел человек. Она сразу поняла, кто это и что ему надо. Или просто догадалась об этом. Это был Тассел и ему была нужна она — Элис Оукентейт. Еще раз взглянув на серпантин, она обнаружила движущийся вслед за лендровером полицейский джип. Тассел вернулся

к лендроверу в тот момент, когда джип находился от него на расстоянии каких-нибудь двухста метров.

* * *

Бой был очень неравный и столь же короткий. Провинциальные полицейские, психологически не готовые встретиться с более серьезным противником, чем подвыпивший фермер, даже не успели достать оружие, когда в руках Тассела, как по волшебству, появился короткоствольный автомат. Менее, чем за пару секунд, все было кончено. Длинная очередь изрешетила всех находившихся в салоне джипа. Неуправляемая машина съехала с шоссе и, лениво переворачиваясь, покатила вниз по крутому склону. Тассел, на ходу сменив магазин, сел за руль лендровера и направился в сторону Лунных Скал. Женщина находилась там — он увидел это из легко различимых следов ее и ее машины. Чтение свежих следов не составляло для него никакой трудности.

Добравшись до Лунных Скал, он, однако, не обнаружил там ее машины. След вел вниз с обзорной площадки, по гладкому гранитному языку, тянущемуся вниз под углом около сорока пяти градусов и заканчивающимся обрывом на высоте около пятидесяти метров над морем. Тассел взглянул вниз. На блестящей под послеполуденным солнцем спокойной поверхности моря расплылось небольшое маслянистое пятно, рядом с которым покачивались на волнах пустая алюминиевая канистра и белая дамская сумочка. Итак, женщина Атара более не существовала среди живых. Но это не меняло ситуации, поскольку Атар не мог этого знать. Тассел будет ждать его здесь, на Лунных Скалах. Ждать столько, сколько будет необходимо. Впрочем, это, видимо, будет не очень долго.

10. ФИНАЛ

Гарри Келин не мог точно сказать, в какой момент он почувствовал неладное. В начале он принял это за обычное волнение, но оно все росло и росло, пока не превратилось в уверенность. Элис грозила опасность. Те-Хоар вернулся. Он желает вновь управлять Балором.

«Чертовщина какая-то, — подумал Гарри, — неужели легенда, рассказанная Мак-Гиром, продолжается и в настоящем, и если да, то откуда я об этом знаю?»

Впрочем, откуда-то пришло к нему знание древних символов, начертанных на диске, откуда-то пришли воспоминания о существовавшем в незапамятные времена городе Шеол-Саа и знания Великой Пустоты, вынесенные из храма Аш-Тарат, Праматери Хаоса. И уже в настоящем появился же откуда-то этот безумный Тассел, пожелавший купить за астрономическую сумму лемурийские сокровища и достоверно знавший, как они должны выглядеть...

В конце концов, имело значение только то, что Элис находится на Тэфо и что ей угрожает опасность. Значит, надо срочно оказаться на Тэфо. Катер

не годится — это больше часа. Откуда-то появилась уверенность, что времени катастрофически мало. Значит, остается вертолет. Необходимо раз и навсегда уничтожить Тассела — Те-Хоара. Почему-то Гарри был убежден, что это — одно и то же лицо. И по какой-то причине Гарри начал действовать сверхъестественно быстро и уверенно даже для человека с достаточно богатыми профессиональными навыками.

* * *

Тассел не удивился появлению еще двух автомобилей с вооруженными людьми. И, тем более, не был особенно озабочен вследствие этого. Он даже не потрудился спрятаться в какое-либо естественное укрытие, когда они рассыпались по склону и начали короткими перебежками приближаться к нему. Их было восемь человек, но они были слишком медлительны и неуклюжи, и вооружены слишком малоэффективным оружием, чтобы причинить ему какой-либо существенный вред. Эти восемь человек волновали его настолько мало, что он даже не стал бы открывать огонь, если бы они не сделали этого первыми. Но когда автоматная очередь хлестнула по обломку скалы, на которой он сидел мгновение назад, он воспринял это как вызов.

Тассел никуда не торопился, поэтому переставил переключатель на одиночный огонь. Первая выпущенная им пуля угодила в грудь человеку, совершавшему очередную перебежку, и тот рухнул в густые заросли зонтичной травы. Кто-то выглянул из-за камня и вторая пуля с математической точностью поразила его в центр лба. В ответ — еще одна автоматная очередь. И снова Тассел переместился на несколько метров в сторону раньше, чем пули прошли воздух там, где он находился мгновение назад.

Шерифа Лоури спасла от пули Тассела только случайность — поднявшись, чтобы сменить укрытие, он поскользнулся и начал падать, поэтому пуля, которая неминуемо попала бы ему в середину шеи, прошла по касательной к черепу, срезав клочок кожи над ухом. Он на некоторое время потерял сознание и скатился по склону в заросли колючего кустарника. Его помощнику повезло меньше — успев сделать два шага, очень быстрых по человеческим понятиям и до смешного медленных с точки зрения Тассела, он был поражен в солнечное сплетение и умер раньше, чем успел почувствовать боль.

* * *

Угнать вертолет морского патруля не составило для Гарри особого труда. Все произошло так быстро, что никому из свидетелей не пришло в голову сразу заподозрить неладное. А через минуту вертолет со скоростью более четырехсот километров в час, двигался по направлению к острову Тэфо. Всего пять минут лета потребовалось чтобы из моря перед ним начали вырастать знакомые контуры Лунных скал. Гарри приближался к ним со стороны клонящегося к закату солнца, уверенно перемещая вертолет по

замысловатой и, на первый взгляд, бессмысленной кривой, отдаленно напоминающей траекторию пчелиного танца. Он не понимал, зачем он делает именно так, но был уверен, что это — единственно правильные действия. Откуда-то всплыла чужая мысль: «Триста веков Балор ждал этого момента». У него не было никакого представления о том, что именно сможет сделать этот доисторический демон, но вместе с тем была полная уверенность, что у самого демона существует ясный план действий на ближайшие минуты.

* * *

Тассел заметил, что Атар приближается к нему, причем приближается необъяснимо быстро, когда было уже слишком поздно. Он поднял автомат и попытался поймать на мушку стремительно растущую черную точку, пляшущую в воздухе на фоне ослепительного солнечного диска. Тассел выпустил длинную очередь и своим вторым зрением увидел, как несколько пуль задели цель, не причинив ей впрочем особого вреда, остальные же бесполезно ушли в небо.

* * *

Шериф услышал звук приближающегося вертолета и, приподняв голову успел увидеть завершение еще одного короткого и неравного боя. Рядом с тем местом, где стоял человек с автоматом, на мгновение вспыхнуло что-то нестерпимо-яркое. Солнце и небо показались вдруг тускло-багровыми. И в тот же миг ударил короткий оглушительный гром, после которого наступила тишина. Лишь несколькими секундами спустя послышался треск пламени, пожиравшего кустарник в радиусе полусотни метров вокруг скалы. Но даже сквозь повисшую в воздухе пелену дыма, некоторое время просвечивала алым светом раскаленная поверхность скалы, от которой волнами шел жар.

* * *

... Он летел вдале от берега, сам не понимая, откуда ему так точно известно направление. Внизу расстиралось спокойное море. Через несколько минут он заметил, что в сотне метров под ними, на свинцово-серых волнах покачивается маленькая человеческая фигурка. Сделав широкий вираж, вертолет завис и мягко сел на воду метрах в пяти от плывущего человека.

Элис была так измотана, что не слышала даже гудения вертолета. При падении со скалы она успела только оттолкнуться от машины и сильно ударилась о воду. Все силы были потрачены на то, чтобы отплыть подальше от берега и теперь даже минимум движений, необходимый для того, чтобы не захлебнуться, вызывал тупую боль во всем теле, а каждый вдох — резь в пересохшем горле. Ее вывел из болезненно-полудремотного состояния громкий всплеск совсем рядом. А потом прямо над ее головой раздался гул винта и голос Гарри Келина.

— Ужасно рад тебя видеть!

Она хотела что-нибудь ответить, но язык одеревенел и не слушался.

Вертолет лениво покачивался на волне. Гарри вылез из кабины и, стоя на поплавке, поймал руку Элис. Следующим движением он буквально забросил ее в кабину.

— Ты живая? — спросил он, заботливо устранивая ее на сидении. Не услышав ответа, он поднес к ее губам фляжку, в которой оказался сладкий чай с ромом.

— Теперь, наверное, да, — сказала она и закрыла глаза. Вертолет еще не успел набирать высоту, а она уже провалилась в сон.

Когда они приземлился на шоссе в нескольких десятках метров от площадки, бешеное пламя на ней уже начинало затихать. Гарри вылез из кабины и спросил Элис:

— Посидишь десять минут, пока я выясню обстановку?

Она сонно кивнула.

... Убитых успели увезти, несколько полицейских и полдюжины фермеров маялись без дела, а врач и фельдшер оказывали первую помощь тем, кому она была еще нужна.

— Добрый вечер, шериф, — сказал Гарри, разыскав среди присутствующих шерифа Лоури с живописно перевязанной головой.

— Келин? — удивился тот, — вы-то как здесь оказались?

— В любом случае, я оказался здесь очень вовремя, не так ли?

— Сейчас нам трудно подобрать подходящие слова, — сказал шериф, — но будьте уверены, мы это сделаем, а сейчас... В общем, случилась большая беда, которая была бы намного больше, если бы не ваша помощь. И еще. У нас двое тяжело раненых. Вы могли бы перевезти их на Миндэ?

— Хорошо. Только имейте в виду, что этот вертолет я угнал.

— Зачем? — спросил шериф.

Вместо ответа Гарри кивнул в сторону площадки. Пламя уже погасло и стало возможным разглядеть то место, где закончился земной путь Хосе Тассела. На обожженных и кое-где оплавившихся камнях был четко виден черный отпечаток, точно повторяющий по размеру и форме тень, отбрасываемую человеческим телом. Увидев это, шериф Лоури побледнел и сплонул через левое плечо.

— Как вы это сделали, Келин?

— Не знаю. На самом деле, это не я. Или не совсем я.

Поняв бесполезность собственных объяснений, Гарри махнул рукой и подошел к оплавленной скале на столько, на сколько позволял исходящий от камней жар. Некоторое время он молча смотрел на черный отпечаток с каким-то ему самому непонятным сожалением.

— Так что насчет вертолета? — спросил он, наконец.

— Я свяжусь по рации с управлением и решу вопрос. Просто оставьте вертолет рядом с военным госпиталем.

— Хорошо, я так и сделаю.

— Еще два слова, мистер Келин, — сказал шериф, — мне очень жаль, но похоже мисс Оукенгейт погибла.

— К счастью, не совсем, — ответил Гарри, — она сидит в вертолете и я попросил бы вас в виде маленькой любезности отвезти ее домой.

ЭПИЛОГ

Было около десяти часов утра, когда Гарри и Элис проснулись и вышли на балкон выкурить по сигарете.

Подойдя к парапету и оглядев лужайку, Элис заметила велосипед, прислоненный к дереву в полусотне метров от дома и сидящего рядом на травке Джека.

— Привет, — сказала она, — что ты там делаешь?

— Доброе утро мисс. Вот, сижу, жду когда мисс встанет.

— Ты обычно приезжаешь позже, — заметила она.

— Верно, мисс. Только я подумал, что у вас кончились припасы.

— И ты не ошибся, — добавила Элис, — заходи и поднимайся наверх вместе с припасами. По дороге можешь взять в холодильнике банку пива.

— Спасибо, мисс.

Через минуту Джек появился на балконе и, увидев Гарри Келина, чуть не выронил жестянку, из которой примерялся сделать пару глотков.

— Привет, малыш, — сказал Гарри.

— Здра... здравствуйте сэр.

— На сколько ты напкупал на этот раз?

— Двадцать семь долларов и сорок центов.

— Остальное можешь считать гонораром за оперативную информацию, — сказал Гарри, протягивая ему две двадчатки.

— Как считать?

— Не важно. Просто оставь себе сдачу, понял?

— Спасибо сэр.

— Ну, и какие у нас сегодня новости?

— Фермеры с утра сидят в баре, — сказал Джек...

ОЛЬГА ЧИБИС

И ПОМНИ ОБ УЛИТКЕ!

Деньги снова не слушались. Банкноты выползали из всех карманов и пытались улизнуть, извиваясь гусеницами. Монеты как бы невзначай роняли себя и с насмешливым — самую малость, так, чтоб только немножечко порезвиться! — звоном катились по камням, отплясывая свои золотые танцы... Ювела издала привычный полустон и ухватила самую шуструю купюру:

— Ты куда? Совсем совесть потеряли, паршивцы этикие! Вот подождите, вернется тетушка... — Насмешливости в звоне прибавилось, но ей удалось, наконец, вернуть всех беглянок на место.

Как хорошо, что день закончился! Можно вздохнуть свободнее и порадоваться друзьям.

Все они, конечно, были в чайной: Вей, Илетта и Зигна. Делились впечатлениями о делах, чае и знаках.

И конечно, у самого столика деньги у нее вновь рассыпались.

— Ювела! — Илетта засверкала ей навстречу улыбкой. — Ты, как всегда, в вихре листопада?

— Да! — в тон ей отозвалась Ювела. Кому листопад, а кому головная боль. — Мы, денежные феи, все такие! — Охо-хо... Слышала бы тетушка!

Неловко распахив по карманам слегка помятые пачки, она боком уселась на стул. Вей подал ей еще одну изловленную бумажку и с улыбкой потер пальцы:

— Щекочется...

— Они ведь и покусать могут, — заявила Ювела невозмутимо. Ей нравилось видеть, каким становилось лицо Вей всякий раз, когда он соображал, шутит она или нет. — Илетта, кажется, что-то рассказывала?

— Да, мы сегодня экзамен на совместимость сдали, — оживилась Илетта (зубы у нее сверкнули, глаза тоже), и все придвинулись ближе к ней. К ней всегда все придвигались — уж такая она сверкучая. — Так вот. Заходим мы в зал. Все сидят такие серьезные, напряженные! Ведущий объявляет: «Первое упражнение!» — и подзывает феечку сюрприза, молоденькую совсем. Ставит два стула, раздвигает их чуть ли не на полметра и усаживает ее

посередине: «Задача — удержаться хотя бы десять минут, не касаясь ногами пола». А стулья — колченогие, низкие, но очень даже удобные и, строго-то говоря, ничего сложного в том, чтобы между ними удержаться, нет. А эта бедняжка просто испугалась. Уверена была, что не усидеть на двух стульях, и все тут! И остальные все — точно так же. Из пятнадцати мы с этим трое справились: Вей (еще бы эльфу везения не повезло — уж извините за каламбур!) и эльф равновесия (у того практики было больше и подготовка хорошая). Ну, а я как-никак — фея улыбки! — Илетта откинула голову и рассмеялась, заставив всех заулыбаться в ответ. — Наш девиз: «Из любой ситуации есть не только сложный, но и простой выход».

— Ну, и что же ты сделала? — поторопила Зигна.

Вей смотрел на Илетту почти с обожанием.

— Да просто легла, — купаясь во внимании, ответила та, — удобненько так, спиной на один стул, ногами на другой. Лежа-то удержаться куда как проще. И смеюсь. А ведущий растерялся слегка и говорит: «Да, так тоже можно. Только никто так не делает!» А я в ответ: «Ну, это уже не мои трудности!» — Последние слова утонули в общем радостно-одобрительном смехе.

Летающие морские коньки, помощники хозяйки, принесли для Ювелы ежевичный чай, и она молча уткнулась в бокал. Вот такая она, Илетта. Звонкая, как монетка. Все у нее получается как надо, а уж подать любое стеклышко сможет так, будто это топаз из венца фей изобилия! Взять хоть это лежание на двух стульях — Ювеле с первых же слов стало понятно, чем все закончится — но разве сумела бы она вызвать столько искреннего смеха?

— И остальные упражнения были в том же духе, — добавил Вей и специально для Ювелы пояснил: — Мы с Илеттой объединяемся. Начинаем прямо завтра. А ты с нами не хочешь? Тебе надо только экзамен сдать, но он же совсем не сложный, так, видимость одна — выполнить задания других фей. Или эльфов. Не столько чтобы тебя проверить, сколько чтобы всех познакомить.

Ювела промышала что-то неопределенное («Спасибооченьмилояподумаю»), пряча вздох. Хочешь — это не то слово. Работать с кем-то на пару — разве не об этом она мечтала! Объединялись в последнее время многие: сущности разрухи и хаоса начали действовать в союзах, и нужно было им как-то противостоять. Ювела с радостью присоединилась бы к Вею (и лучше бы без Илетты). Но — она слишком зависит от тетушки и не может отходить далеко от ее дома. А потому — какое уж тут «присоединиться», да еще «без»... Да еще экзамен... Это с ее-то сумасшедшими, наглыми деньгами? Хм. Неизвестно, что они в следующий миг выпьют.

Со стола тем временем убрали, и Зигна, розовощекая фея знака, высыпала прямо на середину горку крупных лоснящихся лепестков, ярко-белых и овальных, странно одинаковых.

— Ну что, поиграем?

— Да! — Вей с готовностью потер ладони. — Так. Сейчас я задам вопрос. И что же я сегодня хочу узнать?.. — Закрыв глаза, он посидел с полминуты, а затем протянул руку и, не глядя, ухватил один из лепестков.

— Ну, что там? — поторопила Илетта.

Вей подбросил лепесток, и тот вздрогнул и начал таять, оставляя в воздухе мерцающие малиновые буквы:

Чтобы найти свежее решение, дай полетать рыбке.

— И что это значит? — как обычно, задумался Вей. Буквы переливались, меняя цвет от красного к фиолетовому. Это было очень красиво.

— Что рыба имеет право полетать, если ей так уж хочется, — ответила Ювела, — а тебе не мешает посмотреть на что-то привычное под другим углом зрения. — Для нее это было очевидно. Каким бы ни был вопрос Вея, ответ оказался не столько для, сколько про него: ему всегда было сложно увидеть новое в старом. Вот здесь-то Ювела и могла бы ему помочь... в союзе...

— Правильно! — с удовольствием подтвердила Зигна. — Ювела, давай теперь ты. У тебя неплохо получается.

— Пожалуй, нет. — Ювела недолюбливала эту игру. Ответы всегда бывали либо слишком простыми (и потому бесполезными), либо слишком сложными (с тем же результатом).

— Тогда ты, Илетта!

Все сгрудились вокруг стола, и Ювела, ощутив себя в одиночестве, отступила, оставляя Вея с Илеттой — Вея, с его милыми глазами цвета корицы и приятным голосом, Вея, приносящего удачу... всем, кроме нее. И откуда только принесло эту фею улыбки — как раз тогда, когда Ювеле стало казаться, что у них с Веем окрепла взаимная симпатия?!

Деньги тут же воспользовались ее настроением — Ювела ощутила, как что-то, пощекотав ей колени, сползает по ногам и ныряет под соседний столик...

Перескочив через ограду, она побрела по дорожке к дому. Было довольно темно, потому что сад, основательно запущенный, возвышался над домиком этажа на четыре. «Запускала» его тетушка долго и старательно, именно чтобы «создать контраст» между хрупкой постройкой и буйными деревьями (Пальмы росли рядом с вековыми буками, клены в объятиях лиан мешались с кипарисами... Все это было перенесено из мира людей и, как подозревала Ювела, не должно было уживаться вперемежку. Но у тетушки ужилось.). Зато у домика вид и впрямь был очень трогательным: полупрозрачные, чуть светящиеся янтарные стены, изящные наличники, высокое крыльцо — новогодняя игрушка людей, да и только.

Подстать дому были и дорожки в саду, выложенные пятиугольными плитками медового цвета. Ювела опустила глаза, любуясь одной из них. И чуть не наступила на улитку.

Они все время приползали от людей, находя щелочки в Ткани между мирами. Как и филины, прилетающие поухать под окна к Ювеле, и мышши, для которых она по просьбе тетушки прорезала дырочку в двери. Тетушка считала, что грызуны приносят изобилие... Ювела любила животных и птиц из мира людей. Они были похожи на фей, только забавнее и проще. Но улитки — улитки вызывали у нее недоумение.

Взять эту красотку. Комок слизи с дрожащими рожами. Таскает на себе ракушку и воображает, что это защита. До чего нелепое, если разобраться, создание! И уж точно совершенно беспомощное. Убежать не может. Спрятаться — тоже. Ракушечный домик — ну разве это серьезно? Даже в мире фей на него рассчитывать не стоит.

Обычно Ювела отыскивала щель, сквозь которую просачивались — другого слова не подберешь — эти рогатые несуразности, и отправляла их домой. Но сегодня она была слишком подавлена, поэтому просто спрятала улитку под куст, подальше от дорожки.

Стоило ей войти в дом, как деньги, почуяв родные стены, запищали и ручейками ринулись из складок ее платья — прямо к огромному ларцу напротив входа. Ювела даже не стала их отчитывать. Стояла и терпеливо ждала, пока они все не заберутся в зеленоватый ящик.

Ларец был нужен для Ювель: здесь, рядом с ним, она начинала и заканчивала свой день, забирая утром пачки купюр и столбики монет и возвращая вечером остатки. Иногда ей приходилось возвращаться сюда днем, а иногда и не раз — если, например, паршивцы сбежали, испуганные чьими-то словами или чувствами... Тетушке достаточно было щелкнуть пальцем, чтобы нужное количество денег появилось из ниоткуда и послушно, с радостью устремилось туда, куда она хочет. Банкноты норовили поцеловать ей ручку, а монеты — прозвенеть дифирамбом. Ювела немела от восторга, глядя, как деньги, словно продолжение рук, стекают у тетушки с пальцев и, красиво кружась по спирали, падают в бездонный ларец, а та — иногда снисходительно, иногда сочувственно, а иногда и раздраженно — роняла: «Ты до сих пор не знаешь своей сути, дорогая. Как же ты можешь ими управлять?»

Ювела поднялась к себе, скинула босоножки и подошла к зеркалу. Зеркало поглотило ее, переварило в зыбких глубинах и вернуло обратно — во всем блеске изящной абсурдности.

— Ну? — Ювела послала поцелуй своему отражению, но получился он слегка скептическим. — Ты тут так и сидишь? — Отражение, как это водится, тактично промолчало. — Вот и я тоже. С тобою вместе. Ну и видок у тебя, подружка! — Отражение с ней полностью согласилось. Оно тоже с некоторым сомнением воспринимало Ювелу — симпатичное, но странно-ватое существо с мечтательными фиалковыми глазами и в многослойном мешковатом наряде, состоящем будто бы из одних карманов, из которых постоянно вываливались деньги.

Конечно, она с удовольствием носила бы короткие юбочки, благо ножки у нее что надо. И уж, конечно, была бы не против приталенных платиц, что подчеркнули бы фигурку-скрипочку. Но... На них же карманы не прицепишь! Не рюкзак же таскать за плечами, честное слово. Ювела уселась на край стола, чтобы можно было поболтать ногами, и повернула зеркало к себе.

— Помнишь, что сказала мне тетушка утром? Я пожаловалась на деньги. Как ни стараюсь — не могу их почувствовать! Не могу заставить их делать то, что мне нужно. Зато они, негодники, все понимают и вертят мной как хотят! А я ведь уже не то чтобы молоденькая, неопытная феечка... «Тебе надо просто утвердиться в себе. Как женщине. Ну, или хотя бы как фее». — Отражение вместе с Ювелой закатило глаза. — Прелесть, правда? Особенно это «хотя бы». Утвердиться-то как? Она считает, это раз плюнуть. — Тетушкиной веры в себя хватало на то, чтобы щекотать пчел, скакать по кактусам и превращать мыльные пузыри в дворцы. Сама фея пространства не стала бы с ней соперничать. Поговаривают, что этот дом — как раз один из ее экспериментов, причем не самый сложный. Сама она в ответ на вопросы Ювелы загадочно отмалчивалась.

А Ювеле не везло. Она пыталась договориться с деньгами — они соглашались, чтобы тут же обо всем забыть. Она бранила их — они лишь хихикали. Она вела разговоры с зеркалом, потому что кто-то уверил ее, что это хорошо помогает — посмотреть на себя и сказать: «У тебя все получится!» Она пробовала массу других способов...

Такой, например — Ювела выудила из кармана зазевавшуюся банкноту и свернула в трубочку. Банкнота протестующе хрустнула и попыталась оцарапать ее острым краешком. Ювела слегка тряхнула нахапку и вывела перед собой в воздухе золотистое:

Я в себя верю

Подумав, пририсовала восклицательный знак. Потом еще один, и еще.

Этот способ был одним из самых «наглядных», а потому действенных. Но действие почему-то заканчивалось при первой же стычке с деньгами... Ювела со вздохом отпустила купюру, и та скорей зазмеялась вон из комнаты — в ларец, где ее встретят приветственным писком.

Эх, быть бы феей улыбки! Как Илетта — лучистая, пепельнокудрая: «Из любой ситуации есть не только сложный, но и простой выход!» Все весело, и все с блеском. Она и расплывается улыбками — за земляничным чаем и новую тунику, за жилье и вход на вечеринки. Так же, как Вей за все платит удачей. Кто же откажется от кусочка удачи? А от полсотни улыбок? Это в мире людей охотнее всего принимают деньги, а у фей-то совсем наоборот. А уж если деньги с характером — вот как у Ювелы... Тогда вообще беда. Недавно фея чая, хозяйка их любимой чайной, заявила ей, доверительно

обняв за плечи: «Не хочу тебя обидеть, милая, но знаешь, те монеты, что ты оставила в прошлый раз, удрали от меня через полчаса, разбили вазу и распугали посетителей. Нет ли у тебя других денежек — ну, хоть немножечко послушней?» А ведь монеты — они самые смиренные! И как тут, спрашивается, поверить в себя? А об экзамене на совместимость страшно даже подумать. Ювела и не думала. Ну, нисколечко! Зачем он ей, этот экзамен? В том, чтобы работать одной, есть масса плюсов. Да.

И вообще — феи не выбирают, кем стать. Выбирают их. Ювелу выбрали деньги, так же, как многих из ее семьи. Илетту — искра улыбки. Вея — облако удачи. Такова жизнь.

Есть не только сложный, но и простой выход... Наверное, у денежных фей этот принцип не действует. И простого выхода у Ювелы нет. Был бы — давно бы нашелся! Либо ситуация у нее не «любая».

За ночь улитка выбралась из-под корней и теперь гордо сидела на ветке. Гигантский путь! Ювела почти с нежностью сняла ее и поднесла к глазам:

— О чем ты думаешь, бедная мокроножка? О чем мечтаешь? К чему стремишься, наконец?

Быстро отыскав щель, она отпустила за Ткань улитку и смотрела, как та вытягивает рожки, настраиваясь на долгий и, вероятно, опасный путь. Да, у каждого свои задачи и свои «ситуации». Вот уж кому совсем-совсем не позавидуешь! Ювела даже слегка повеселела.

Первый на сегодня заказ был от студента. Ювела окинула взглядом небольшую комнату, полную книг, рассмотрела хозяина в круглых очках, увлеченно читающего какой-то справочник, и прислушалась к его искреннему желанию: «Мне бы хоть немножко сейчас — лишь бы до конца месяца продержаться...» Ювела вздохнула: и вот так постоянно! Ну почему ей на таких везет?

Она постучала ноготками по Ткани миров. Нашла слабое место и надела — через лопнувшие края нехотя протиснулись с десяток банкнот и спиралью устремились к юноше. Скоро они исчезли из вида. Там, рядом с ним, они сами проложат себе дорогу. Возможно, родня захочет «подкормить бедного мальчика», а может, в учебной части вдруг примут решение выдать ему материальную помощь. Небольшую, конечно — но он ведь много-то и не просит! В том вся беда. «Мне б хотя бы чуть-чуть...» Ткань неспешно затягивалась, а Ювела все стояла и смотрела на стриженую мальчишескую макушку. Старательный. Экономный. Сразу видно: уже завел привычку во всем себе отказывать, и вряд ли сможет когда-нибудь от нее избавиться... Ей всегда было жалко таких трудяг, но, в конце-то концов, так ему и надо! Цель должна быть огромной, чтобы не промахнуться. Проси океан — получишь хоть лужу. А если ты сам не раздвигаешь свои горизонты, кто за тебя, по-твоему, это сделает? Нежели денежная фея?

Следующий вызов заставил ее напрячься. Он шел от молодой домохозяйки — она, правда, не просила денег, но очень хотела новое пальто.

Дело осложнялось тем, что жалованья она не получала, никаких пособий — тоже. День рождения был далеко — на подарки рассчитывать не приходилось. Но какие-то «денежные» лазейки у нее все-таки есть? У всех людей есть, значит, и у домохозяек тоже. Пускай деньги сами разбираются. Ювела проткнула Ткань и похлопала себя по карману. Но паршивцы не торопились его покидать. Пришлось на них прикрикнуть. После короткой перебранки («Ты иди!» — «Нет ты!») купюры и монеты худосочным ручейком, ворча, выползли было за Ткань, но тут же попятились и точно так же, гуськом, поползли назад. Что-то им явно не понравилось. Ювела прислушалась. Ну да, так и есть! Купюры, успевшие вернуться в ее карман, обиженно шуршали. Девушка в разношенном халате и без собственного источника дохода, нервно курящая на лестничной клетке, считает деньги «злом». Скажите, пожалуйста, какие мы высокомерные! Неудивительно, что рядом с нами деньгами не пахнет.

Ювела уже скользнула прочь, но тут открылась соседняя дверь, выпустив высокую элегантную брюнетку. Женщины поздоровались и начали радостно болтать. Ювела прислушалась и принялась. Тоже домохозяйка, но насколько другая! Такие без маникюра и мусор не выйдут вынести. Вот кому деньги нужны всегда — от нее они стаями разлетаются во все стороны, чтобы вскоре поторопиться назад. И запах у нее соответствующий — денежный, привлекательный... Банкноты притихли и высунули из карманов любопытные уголки. Что ж, можно и так. Ювела чуть раздвинула Ткань и выпустила в щель несколько бумажек... Скоро они доберутся до богатой домохозяйки, и она купит себе модную шубку (ровно такую, о какой сейчас мечтает). А старое (по ее меркам) пальто отдаст соседке-приятельнице. И все останутся довольны, включая Ювелу.

Ну что ж, два заказа выполнены. Деньги ведут себя вполне прилично, и вообще, жизнь, кажется, не так уж плоха. Ювела сверилась со своим списком и направилась к третьему просителю.

В чайную она вошла в самом что ни на есть мрачном настроении и то, что сразу услышала, его совсем не улучшило. Говорила Зигна:

— ...А я бы не стала. Она может помешать. Не зря же говорят, что деньги выбирают будущих неудачников...

— Какие глупости! — возмутился Вей. Он сидел спиной к Ювеле и видеть ее не мог. На секунду ей стало теплее. — Неудачниками не рождаются — уж мне-то поверь, пожалуйста, и вообще...

Она подошла к столику, и спор захлебнулся.

— Привет всем! — Ювела надеялась, что вид у нее не слишком кислый. — Какая же я голодная!

Ее с преувеличенным вниманием усадили за стол. Морские коньки уже несли ежевичный чай и блюдечко с кусочками апельсина. Вей забрал у них поднос и заботливо расставил всё перед Ювелой:

— Ну, как прошел день?

— Отлично, — буркнула она, вцепилась в апельсин и, чтобы успокоиться, принялась угощать оранжевой долькой конька.

День прошел, как всегда, насыщенно. О да. Особенно под конец, когда деньги стукнулись о преграду и с возмущенным верещанием разбежались во все концы. Она даже не стала возвращаться домой, чтобы выложить в ларец остальные. В конце концов, к приходу тетушки все они как миленькие вернутся сами.

Неудачница... Когда думаешь так про себя, это одно. Но как жестко и жестоко это, оказывается, звучит. И дело, конечно, не в том, что деньги якобы выбирают неудачников. Причем тут это? Тетушка вон тоже денежная фея — но разве кто-нибудь выдержит ее пронзительно-ироничный взгляд? Дело в самой Ювеле. Ларец наполнять не умеет: страх на деньги навести не может. Список заказов для нее до сих пор делает тетушка: сама она не рискует решать, чью выполнять просьбу, а чью нет. А как бы ей хотелось самой выбирать, к кому идти! Разве сунулась бы она тогда к этому сегодняшнему крестину?! Ювела даже сморщилась, вспомнив самоуверенного пузатого теоретика, строящего в мечтах замки из денег. Как выяснилось, на песке. Если ты ждешь больших денег, так не бойся их взять. Протяни руку! Открой дверь!! Расширь свою жизнь!!! Не внушай себе, что ты все равно не знаешь, что с ними делать. Ну что это такое, в самом деле: одной рукой по шерсти, другой — против. Конечно, деньги обиделись, когда перед самым их носом вдруг захлопнули дверь, а от заказа отказались. Конечно, они испугались. Ювела на них даже не рассердилась. Но все ее ночные упражнения перед зеркалом, раздумья и самоподбадривания разлетелись вместе с деньгами — так же, как предыдущую сотню раз. И когда же закончится этот круг?

— Мы решили, что мало приносить людям успех, — говорил тем временем Вей, — гораздо лучше научить его приманивать и закреплять. А для этого очень полезно улыбаться. Так что совместимость у нас, как видите, полная...

Они с Илеттой, перебивая друг друга, долго рассказывали о первом дне совместной работы, о людях, которые вдруг ощутили их присутствие в своей жизни, о маленьких победах и курьезных случаях... Ювела смеялась вместе со всеми, но чем больше она слушала, тем тошнее ей становилось. Да, они будут вместе и будут дарить людям восторг — смех и удачу. А она? Что она может кому-то дать? Платье? Пальто? Перчатки? Она даже не может подсказать человеку, как сделать так, чтобы деньгам было легче к нему пробраться. словно решив сыпануть перца на ее раны, Илетта сказала:

— Знаешь, завтра очередной экзамен на совместимость. Я вот что хочу спросить — на тот случай, если ты захочешь его сдать, чтобы работать с нами... Каким ты видишь наш союз? Зигна тоже подумывает в него войти. Но ее роль я вижу хорошо — научить людей видеть знаки успеха. А твои деньги — как они могут нам помочь? Что могут изменить в людях?

— Да ничего, — вяло отозвалась Ювела. Она уже никак не видела не то что союз, а даже экзаме́н. — Деньги не меняют людей — они лишь усиливают их настоящую суть. Щедрый становится еще более щедрым, а злой — злым.

Илетта недоверчиво хмыкнула:

— Ты хочешь сказать, деньги на людей не влияют?

Чай у Ювелы кончился, но ни один свободный конек поблизости не крутился, а звать не было сил.

— А зачем на них влиять-то? Пусть сами на себя влияют. Деньги помогают проявиться главному, а я просто делаю свое дело.

— Ну, знаешь... — Илетта подперла кулачком подбородок и задумалась. — Странно это, по-моему. Как это — не влиять? Люди слишком отличаются от нас, и, если мы не будем на них воздействовать так, как нам нужно, это сделают сущности хаоса, а нас просто выживут.

— Да ничем они от нас не отличаются. — Ювела мрачно уставилась в пустое блюдо. — Так же влюбляются и страдают, так же нуждаются в улыбках и успехе... Одним словом, соседи снизу. Только машины делать любят, а вместо персиков мясо едят.

Илетта, уловив наконец ее настроение, благоразумно не стала спорить. Вместо этого она потрепала Вею за локоны каким-то новым, «близким» жестом (Ювела закрыла глаза) — и бодро предложила:

— Ну что, как насчет вопросов? У меня один созрел!

Вей сдвинул посуду на край стола, Зигна начала раскладывать белые лепестки... Первым порывом Ювелы было встать и уйти. И пусть их делают что хотят. Пусть работают с кем хотят. Пусть играют во что хотят. Пусть кого хотят трогают!!! Но все же она осталась. Ну, уйдет она сейчас. И что? Кто, кроме нее, от этого пострадает?

— Готова! — сказала Илетта. Открыла глаза и с улыбкой взяла лепесток. Картинно трянула им — и над столом заискрилось:

Крылья сове даны — для того ли, чтоб к солнцу лететь?

— Хм! — Илетта счастливо улыбнулась. — Красота! Что бы сие ни значило.

— Ювела? — Зигна повернулась к ней, приглашая разгадать ответ.

Но Ювела помотала головой. Ответ она поняла очень четко: Илетта слишком любит быть на виду. Любит ловить восхищенные взгляды. А ведь магия улыбки ей дана не для этого — а именно чтобы «влиять на людей», если уж на то пошло. И если использовать ее не по назначению, можно пострадать. Но вряд ли стоит ей прямо так всё высказывать. Пускай лучше Зигна старается. В конце концов, это ее работа.

Зигна начала объяснять, осторожно подбирая слова. Илетта перестала улыбаться, Вей сочувственно погладил ее по плечу... А Ювела с тоской подумала о том, что сейчас вернется к тетушке, в прятничный домик среди

каштанов и кактусов, к бездонному ларцу, немым упреком встречающему ее каждый вечер, и нахальным банкнотам, которые только и ждут, чтобы сотворить какую-нибудь пакость, а завтра — завтра все начнется сначала, только она, скорее всего, останется одна... Вей обнял Илетту и начал ей что-то ласково говорить — Ювела, мысленно простонав: «Ну только этого мне не хватало! Что же, ЧТО мне сделать, чтобы это уже прекратилось?!» — неожиданно для себя цапнула ближайший лепесток и подкинула вверх:

Улитка мечтает промчаться верхом на черепахе.

Вот что сообщило ей Существование.

Сначала она просто таранилась на буквы, позабыв про всех остальных. Потом ей захотелось стукнуть себя блюдцем по лбу. Потом...

Сладко потянувшись, Ювела поднялась. Улыбнулась. Расплатилась («И чтобы тихо мне, без фокусов!» — «Конешшно!»). Попрощалась. И вышла... Нет, вылетела... Нет, выплыла. В общем, на улицу. Или домой. А, какая разница! К звездам!

Она ужасно обрадовалась, увидев на крыльце улитку. Подхватила ее и, поколебавшись, чмокнула шершавую ракушку.

— Прости, дорогая! Я думала, ты жалкое беспомощное создание. А на самом деле я сама — точно такая же улитка! Была. Да. Приползай в любое время. А хочешь, я тебя к себе заберу? Как только в свой домик переберусь — признаться, тетушкины лесопарко-джунгли мне не слишком нравятся.

Не задерживаясь в прихожей — притихшие деньги сами поспешили покинуть ее карманы и спрятаться в ларец — она поднялась прямо наверх и встала перед зеркалом. Отражение оглядело ее незнакомым взглядом. Оценивающим и слегка саркастичным.

— Что смотришь? — поддела Ювела. — Улитка и есть. Разве что ракушка к тебе с карманами. Ну, это очень просто исправить.

И что она, в самом деле, вцепилась в эту «черепаху»? Разве это её горизонты? Нет уж. Не такова ее суть. Она сильная, гордая птица — с орлиным размахом крыльев! — и ей не нужно ни за кого держаться, чтобы посмотреть, что там, за облаками.

Ювела щелкнула пальцами — и оказалась обнаженной. На минуту задумалась, медленно поворачиваясь вправо и влево. Так. С платьем понятно. Повращав немного правой кистью — больше ради эффекта, чем для пользы дела — она решительно направила на себя указательный палец. Отражение наблюдало с большим интересом.

— Поняла, подружка? Деньги — это новые возможности. Это уверенность — и это моя суть. Спасибо, тетушка! — Отражение энергично поддакнуло.

Деньги возникали из воздуха рядом с ее пальцами и стекали по телу, превращаясь в полотно — платье ей всегда хотелось светло-ежевичное,

приталенное, чуть ниже колен и чтобы подол заворачивался легкомысленным рулончиком.

— А ты что думала? Ведь деньги — часть меня. Как улыбки — часть Илетты. Конечно, они сделают все, что я скажу. — (Отражение мудро покивало). — Деньги выбрали меня потому, что я им нравлюсь! И вовсе они не вредные, а просто игривые, как котята.

Кушпюры, текущие с руки, изогнулись и попытались подлизаться. Ювела нахмурилась — поток немедленно выправился. Экзамен на совместимость — ну ей ли его не сдать? Ха. ОНА — уверенность и совместима со всеми! А «облагораживают» людей пусть те, кто для этого создан. Илетта, например.

Ювела занялась волосами. Все заколки и шпильки прочь, тут закудривить, тут покрасить в сине-каштановый, а тут показать линию затылка. Отлично! (Отражению тоже понравилось).

Союз с Веем... Она на миг замерла, потом пожала плечами — и по платью и волосам разбежались искристые изумрудные полосы. Вей очень, очень мил, и ей с ним тепло и уютно. Но с другой стороны — Ювела подмигнула зеркалу — ей всегда нравились эльфы золотой середины. Если уж думать о союзе, то зачем себя ограничивать? Цель должна быть огромной, чтобы не промахнуться. (А все-таки люди от фей почти не отличаются!) Ладно, посмотрим.

Беззаботно напевая, она оглядела свое преобразившееся отражение. Красотка. Настоящая фея. Но как будто чего-то не хватает? Да! Конечно. Ювела потерла правой рукой средний пальчик левой — на нем тут же появилось колечко в форме улитки. И витая ракушка была глубокого сине-зеленого цвета, а рожки покачивались, напоминая о «горизонтах».

* * *

В чайной была вечеринка. Хозяйке удалось вырастить лавандовый чай, и она устроила по этому случаю танцы.

Ювела пробралась между танцующими парами к знакомому столику. Все были в сборе. Илетта что-то оживленно рассказывала, Зигна и Вей смеялись.

Усевшись на свое обычное место, Ювела махнула морским конькам. Илетта и Вей продолжили разговор чуть тише, Зигна неодобрительно покосилась на нее. Не узнают, поняла Ювела. Думают, к ним нахально подседа чужая.

Морские коньки принесли ее любимый ежевичный чай. Они-то чуяли, кто перед ними — неважно, изменившийся или нет.

— Ювела! — наконец прозрел Вей.

— Ой, — распахнула серые глаза Илетта.

— Но... но... почему же ты раньше так не ходила? — воскликнула Зигна.

— Сама удивляюсь. — Ювела подняла прозрачный бокал и посмотрела на нее сквозь чай. — А вы чем тут занимаетесь? В знаки играете?

Зигна покачала головой:

— Сегодня я лепестки не принесла. У меня сумка совсем протерлась, а новой я пока не нашла. Для лепестков очень мягкая нужна, почти как они сами.

Ювела вытянула палец и сбросила на стол несколько купюр — они тут же завертелись спиралью, из которой возникла воздушно-белая сумочка, такая же, как была у Зигны. И даже наряднее.

— Подойдет?

— Да... — Зигна растерянно повертела сумку в руках. — Но я не могу взять...

— Да бери, — улыбнулась Ювела. — У нас же вроде праздник.

— А что вчера не пришла? — спросил Вей. Он смотрел на нее во все глаза.

— Днем работала. Очень, кстати, успешно. Вечером экзамен сдавала.

— Отлично! — обрадовался он, а Зигна с Илеттой принялись расспрашивать:

— И как? Упражнения сложные были? Сколько прошла?

— Девять из десяти.

Все замолчали, а Ювела принялась щекотать морского конька — тот довольно хихикал и не спешил улетать.

Вообще-то она слукавила. Прошла она восемь. Девятой по счету была фея подарков, которая проверяла, кто и как умеет использовать фантазию, выбирая, что подарить. Но, только глянув на Ювелу, она отчего-то смутилась: «Ты ведь племянница Лавелы, верно? Одно лицо. Ну, передавай мое почтение тетушке. Славная она у тебя фея!» На этом «упражнение» закончилось. Конечно: о тетушкиной фантазии ходили такие легенды, что, если Ювела и по характеру хоть немного похожа на нее, лучше не рисковать. Что ж, нечестно, зато мудро.

— Больше всего мне понравился эльф находчивости, — сказала она, улыбаясь. — Со своим «Ну вот как, как вы будете реагировать на неожиданность?!» Видно, до меня его кто-то сильно разозлил, потому что, когда я вошла, он подскочил весь взерошенный и — как набросится! «Жутко выглядишь! А платье! Нет, ну как можно — зеленое на красно-синем! Ты его подбирала под цвет лица?»

— Ужас! — искренне сказала Зигна. — А ты что?

— А я тут же сделала букет красных роз. С во-о-от такущими шипами. И ему бросила: «Осторожно, они колючие!» — Ювела допила свой чай и раздумывала, не заказать ли лавандового. Попробовать. — Он как-то сразу растерялся, и обзывать перестал.

— Ну еще бы, — протянула Зигна.

— Девять из десяти — это значит, с тобой многие захотят работать, — заметил Вей. — А к нам? Ты не раздумала?

— О! Моя любимая музыка! — всполошилась Илетта. — Идем же! — Схватив Вея за руку, она потащила его танцевать: — Извини, Ювела!

Вей оглянулся на нее несколько раз, но быстро затерялся за чужими спинами. Какой-то эльф тут же подхватил и закружил Зигну. Ювела осталась одна.

Вздохнула. Вей. Вей... Вздохнуть захотелось еще раз. Потом еще... Нет, так дело не пойдет. Она забарабанила пальцами по столу, и в глаза ей бросился сполох от кольца... Улиточка строго грозила рожками. Да, действительно. Спасибо, дорогая!

Ювела потянулась. Осмотрела зал. И поймала чей-то взгляд. Через два столика от нее сидела компания эльфов... золотой середины. Один с интересом смотрел на нее. Она в нерешительности погладила сине-зеленую раковинку на своем пальце. Ну а почему нет?!

Но на поддороге ноги у нее остановились. Этот эльф... он был такой... такой... короче говоря, именно такой, каким должен быть ЕЁ эльф золотой середины: ладным, длинноногим, белозубым. Но разве возможно, чтобы такой интересовался — ей? Ювела снова поймала его взгляд, первая отвела глаза — и увидела стройную грациозную фею с замысловатой прической. Ей понадобилось полминуты, чтобы сообразить: зеркало! Они тут на каждом шагу.

«Что, опять за старое? — упрекнуло отражение. — Ненадолго же тебя хватило!»

Ювела смущенно улыбнулась. Она и впрямь не совсем еще привыкла к своему новому образу. Надо же, оказывается, она успела перенять тетушкин ироничный прищур. Ну, это лишнее. Неудивительно, что Вей ее не узнал, фея подарков остереглась связываться, а эльф золотой середины, бедняжка, не решается подойти.

«Так иди сама! — заявило отражение. — Что же ты встала, шевеля рожками?»

И в самом деле. Ювела радостно улыбнулась, и черноволосый красавец охотно поднялся ей навстречу... Она украдкой махнула рукой отражению.

«Вперед, подружка, — помахало то в ответ. — И что бы ни случилось, помни об улитке!»

МИХАИЛ «ЗИРА» ЗИПУНОВ

ЖИЛИ-БЫЛИ...

*Весна опять пришла и лучики тепла,
Доверчиво глядят в моё окно
Опять защемят грудь и в душу влезет грусть
По памяти пойдёт со мной.*
Михаил Круг. Владимирский централ

*Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают --
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?*
Владимир Маяковский. Послушайте!

Жил-был Игорь, и звали его Егор. А как еще можно и должно называть байкера? А Игорь, в смысле — Егор, байкером был самым настоящим. Ходил в бандане, косухе и кожаных штанах. Были у него и борода и животики, хоть и не слишком большой, но однозначно — пивной. Так что сами понимаете — стопроцентный байкер.

Вот только мотоцикла для полноты образа не хватало.

Жил-был Игорь, и звали его Гарик. Гарик был настоящим мужиком. По крайней мере, без тени сомнения полагал себя таковым. В свои сорок с небольшим он с плохо скрываемым презрением относился к современной молодежи, приписывая всяким там эмо-готам-ролевикам и другим кислотникам увлечение тяжелыми наркотиками и латентный гомосексуализм. Для вынесения диагноза хватало одного внешнего вида. Не говоря уже о том, какую музыку они слушали. Сам Гарик, надо отметить, слушал только «настоящую», «жизненную» музыку. А еще мечтал Гарик о бумере. Но приходилось ездить на мерсе. Одна отрада — хоть и целый день за баранкой, зато и целый же день можно слушать любимую музыку. А вместе с Гариком шансон, в его постсоветском понимании, приходилось слушать и всем пассажирам маршрутки.

Вот только, несмотря на музыкальные пристрастия и наколку на руке, на

зоне Гарик не сидел. А поскольку был он еще ко всему человеком достаточно законопослушным, то и сидеть не собиравался.

Жил-был Игорь, и звали его Князь. Князь был из новых. Жил не по законам, а по понятиям. Стояла за ним дружина небольшая, но боевая. С одной стороны нельзя было назвать Князя откровенным беспределщиком, с другой — затягивать с выплатой дани, крышуемые подопечные, благоразумно опасались. На чужую территорию Князь не претендовал, но уж свою держал крепко. В общем — бандюк бандюком.

Вот только еще с первого курса истфака (впрочем, оказавшегося для Игоря Князева не только первым, но и последним) крепко полюбил Князь историю. И потому, когда на районе появился офис транспортной фирмы «Древляне», крепко задумался — брать с них деньги или ну его, от греха подальше?

Жил-был Игорь, и звали его Игоряша. В школе учился на отлично и подавал надежды, а также давал списывать. За первое ценили учителя, за второе — одноклассники. С физкультурой, понятное дело, не сложилось. В общем — ботаник. Зато после школы стал биологом. А после института — молекулярным биологом. Вот только всякие там, микроскопы, вирусы, ДНК и прочие инфузории тифельки — профессиональный круг интересов Игоряши — время от времени отступали на второй план, и тогда Игоряша начинал графоманить. Причем не научные статьи наш герой в такие дни килобайтил, а научно-фантастические рассказы (а порой и откровенно фантастические без всякого намека на науку) строчил, потеряв всякий стыд и научную совесть.

Жил-был Игорь, и звали его Горюшко. Точнее все друзья и знакомые звали его просто Игорь, а вот жена (по паспорту — Елена, а по сути — прекрасная) действительно частенько вздыхала и говорила: «мое ты, Горюшко...» Да вы сами посудите: купит Горюшко доллары, а курс на следующий день падает. Горюшко бегом в обменник — доллары продает, а через неделю, валюта опять растет. Вложит деньги в строительство новой квартиры — застройщик через месяц обанкротится. Духи французские жене купит на восьмое марта, а от них тройным одеколоном за версту несет. Водку возьмет, чтобы с горя напиться — и та паленая окажется!

Вот только с женой ему повезло. Любила она свое Горюшко. Не за деньги, каковые, если и появлялись у Горюшки, то имели такие же свойства, как и мед у Винни-Пуха. Не за связи с влиятельными людьми, которые у Горюшки, как ни странно, имелись, но о которых Горюшко даже и не догадывался. И даже не за длинный нос, который был действительно длинный и доставлял Горюшке кучу неприятностей еще в школе. Не за все выпеперечисленное любила она свое Горюшко. А вопреки всему выше же перечисленному.

Так и жили бы они, поживали, да добра наживали, если бы да кабы во рту не выросли грибы. Ну, положим не грибы, а грибок. И не во рту, а... Впрочем, опустим пикантные подробности. «Повезло», конечно, Горюшке. Один единственный раз изменил Игорь своей жене... Да и то, можно ли сказать, что изменил? Сам то он тогда, опять таки в первый и последний же раз в жизни, на даче у друга попробовал травку. Правда, с учетом всего уже на тот момент выпитого, единственным результатом было то, что Горюшко банально заснул. А вот во сне... Снилось Горюшке красавица красоты неземной с изумрудными волосами. Жена у Горюшки, нужно отдать должное, тоже красавицей была не последней. Но эта, которая во сне явилась, была просто совершенна. А кроме того — вполне свободных взглядов. От одних только взглядов Горюшку бросило в жар. А уж от их свободы... Всю ночь Горюшко метался по постели издавая сладострастные стоны.

Проснулся Игорь утром: было что, не было — понять не может. Лежит с закрытыми глазами — боится шевельнуться. Ну, то есть логически мыслить, то не было и быть не могло: компания-то собралась чисто мужская, старые школьные друзья, вполне себе традиционной ориентации. Дачка на отшибе, вдали не только от городской, но и от любой другой суеты. Женщин — на десяток километров днем с огнем.

Так то оно так, если по логике. А вот все равно — настолько все реальным во сне казалось, что глаза открыть страшно. А вдруг рядом и впрямь красавица эта неземная лежит? Как в глаза ей смотреть после всего, что было? Женатый же человек как никак! И жену любит, и пусть даже на гарем красавиц — не променял бы! Но ведь и эта из сна, тоже такая милая и ласковая, и любящая, и теплая, и обходительная, и красоты неопишуемой, и взглядов, опять же, свободных...

Мучался Горюшко час, если не больше. Да только делать таки что-то надо. В частности, выпитое вчера пиво до туалета донести бы поскорее. В общем, собрался Горюшко с духом и открыл глаза. Нет никого в комнате. Повеселел Игорь, но под кровать на всякий случай заглянул — и там никого. Успокоился Игорь окончательно и в туалет побежал. А вот в туалете уже и ширинку растянутую, и засос на шее, и волос зеленый на рубашке углядел. Одно слово — мистика.

Вышел к ребятам на веранду. Те уже пиво холодненькое смакуют да над Игорем посмеиваются — с кем это ты, мол, всю ночь забавлялся? Нимфа лесная али русалка речная навестила? Игорь знай себе отшучивается, да только и вправду — с кем? Сон ли, явь? Мистика...

Впрочем, мистика — мистикой, а как после выходных в город вернулся, сразу к доктору побежал анализы сдавать. Однако и доктор ясности не внес. То есть грибок — налицо. Да только грибок этот у всех людей имеется. А вот как иммунитет ослабевает у человека — он и вылезает, где не следует. Ну, или половым путем передается. Это уж кому как повезет. В смысле — не повезет.

Вот и думай — на даче алкоголем себе иммунитет подорвал или...

Пока лечился, старался утром пораньше на работу убежать, и с работы домой вернуться уже когда жена засыпала — дабы не водить и не вводиться во искушение.

Про засос на шее сказал жене, что с лестницы упал — для правдоподобности еще несколько синяков себе поставил. Волос же зеленый сохранил на память, в паспорте под обложкой.

В падение с лестницы жена поверила сразу: Горюшко оно и есть — Горюшко. Аврал на работе — вот что странно. Фирма-то на Игоря разве что зарегистрирована. И директором он там значился. Но фактически все управление и в «Древлянах» и в двух других фирмах, зарегистрированных на родителей, было на Елене. Так что работу Игоря Елена представляла себе гораздо лучше самого Горюшки. И в работе этой никаких авралов не было. Во всяком случае — для Игоря. Все авралы, если таковые и случались, вытягивала жена.

Так что уже на следующий день, после того как Горюшка в первый раз задержался на работе, Елена заподозрила неладное и в неурочное время приехала в офис. И о чудо! Горюшко действительно с головой погрузился в работу, и, разнообразия ради, развил не только бурную, но и полезную деятельность. Мужа словно подменили. Деловит, сосредоточен — и не пасьянс на компьютере раскладывает, а занимается поглощением конкурента на рынке маршрутных перевозок. За день присмотрел дешевое помещение для филиала и уже успел через кадровое агентство набрать и персонал в офис и водителей на новые маршруты. А то, что при всем при этом, не забыл взятки дать всем нужным людям — так это вообще ни в какие ворота не лезло. Елена мучительно искала, в чем же подвох — и не находила.

На новом маршруте Гарику нравилось. Начальство оказалось нормальное. С пониманием. Хотя и чудное. У бабы сиськи и морда лица — в кино снимайся, а она бизнесом занимается, а муж у нее тот вообще что-то с чем-то. На вид псих психом, если не сказать хуже. И в джинсах рваных, бывает, ходит, и волосы не по годам длинные, и серьга в ухе, а уж музыку какую слушает — вообще ужас. Дрянь музыка. Да и вообще музыкой назвать смешно. Ни рифмы, ни смыслу. Одно слово — джас. Или джаз? Не важно.

А посмотришь внимательней — нормальный мужик. Хоть и чудной. И баба его чудная.

Вот «корпоративы» эти. Выдумают же тоже, собрать всех водителей и секретарш офисных и на природу: шампанское пить да под караоке петь. Ну, пить это еще дело. Но не пузырьки же эти! Нет чтоб нормальной водкой в ларьке затариться и в баньку с теми же секретаршами, эх... А песни эти под караоке? Врать не буду, было там у них несколько стоящих вещей. Но остальное — не Сердючка, так муси-пуси всякие, не Виа Гра так рокеры-шмокеры какие-то. Хорошо еще джас свой петь не заставляли.

А с другой стороны: природа, жратва, девчонки красивые — не так уж все и плохо. Хорошо даже. А как там одна телка мне глазки строить начала! Я ей «Владимирский централ» спел, предложил на выходных встретиться — согласилась. Так что выходит не такое и зряшное дело эти корпоративы.

А директор, кстати, хоть и пузыриками, а таки видать напился: бабе своей в микрофон в любви объяснялся. Люблю, говорит, тебя и никакие нимфы лесные не нужны мне. А потом еще стихи читать начал.

Чудной.

Зато зарплату — вовремя. И всю — официально. И машина хоть и подержанная, но не убитая в хлам. Можно работать.

Егор был человеком вполне самодостаточным и, если бы дело было только в стереотипном представлении обывателей о том, что байкеры ездят только на байках, а не, например, на метро или в маршрутках, то плевал бы Егор на все стереотипы и особо не заикался бы на отсутствии мотоцикла. Впрочем, следует отметить, мотоцикл для Егора в любом случае не был идеей фикс. Но даже Егор отдавал себе отчет, что байкер на байке лучше, чем байкер без байка. А потому стал Егор откладывать деньги на покупку Харлея. А пока суд да дело — ездил на велосипеде. Тоже, между прочим, байк.

Комичное по сути зрелище: байкер в полном боевом облачении и на велосипеде. Однако насмеяться над Егором как-то никто особо не спешил ибо, хоть и был Егор человеком добродушным, но угрюмым взглядом, казалось, пулю мог остановить, не то что насмешки.

Игоряша допоздна засиделся в лаборатории и теперь стоял на остановке. Надежда на появление маршрутки таяла с каждой минутой. И когда Игоряша уже окончательно смирился с тем, что придется топать домой пешком, из-за поворота блеснул спасительный свет фар. Салон маршрутки тонул в полумраке, и только возле водителя горела лампочка. Игоряша уже протянул было деньги за проезд, когда из глубины салона послышалось:

— Гарик, этот клиент — за счет заведения.

Игоряша обернулся на голос. В четвертом ряду сидел мужчина и улыбался Игоряше.

— Игорь? — удивленно спросил Игоряша.

— Он самый! Вот уж не ожидал тебя встретить. Да садись, садись давай! Чего стоишь? И деньги спрячь. Это моя маршрутка — уж одноклассника я как-нибудь провезу, не обеднею. Ты кстати куда? Домой? А дома что — жена, дети?

— Да нет. Жена с детьми в Крыму отдыхает.

— О! Так это же отлично! Моя тоже на море укатила. Так, решено — едем ко мне! Эту встречу надо отметить! Гарик, тормозни возле маркета!

Пачка пельменей, сыр, оливки, крабовые палочки, хлеб, майонез, три лимона, «Старый Кахети» — две бутылки. Еще одна того же Кахетии — на

всякий случай. И полночи воспоминаний о школе и разговоров о том, кто и чем сейчас занимается. После второго часа перемывания косточек бывшим одноклассникам, Игоряша вдруг хлопнул себя по лбу и потребовал от Игоря немедленного выхода в Интернет.

Игорь включил компьютер и вышел на балкон перекурить.

Когда он вернулся в комнату, Игоряша с улыбкой на лице просматривал какой-то сайт.

— И что там такого срочного? — поинтересовался Игорь.

— Да не то чтобы срочное, просто любопытно было, — ответил Игоряша.

— Удовлетворил любопытство?

— Ага, — улыбнулся Игоряша. — Мой рассказ в финале!

— Твой, прошу прощения, что?

— Рассказ. Ну что смотришь? Да, я пишу рассказы. Фантастические. И не надо ухмыляться.

— Был Игоряша графоманом, рассказы Игорек писал... И давно это у тебя?

— Да в школе еще пробовал...

— А чего ж никому не говорил?

— Да знаю я вас — застebали бы...

— Н-да, пожалуй... Ну и как успехи? Фантастику, говоришь, пишешь? Чего же я твоих книг не читал еще? Я фантастику люблю, между прочим.

— А я под псевдонимом пишу. Алексей Голиков.

— Голиков? Не, тоже не слышал.

— Ничего! Еще услышишь, — усмехнулся Игоряша. — Вот в конкурсе сетевом в финал вышел.

— Что за конкурс?

— «Фантастическая Регата». Задается тема и надо за определенное время написать на эту тему рассказ.

— Интересно, — протянул Игорь, о чем-то задумавшись. — Слушай, Игоряша, вот ты говоришь писатель. А хочешь, я тебе идею для рассказа подкину?

— Фантастическую?

— Да уж фантастичней некуда. Понимаешь, собрались мы недавно с ребятами у Витьки на даче. Помнишь Витьку Широкова? Ну вот, значит, зависли мы у него так плотненько. А ночью...

Пока Игорь рассказывал о своих приключениях, Игоряша продолжал лазить по сайту и слушал Игоря вполуха. Когда Игорь закончил, Игоряша, зевнул и вежливо заметил: «Ага, интересно».

— Что плохая идея для рассказа?

— Ну, понимаешь, на идею это не тянет. Разве что на завязку. Хотя, конечно, развить тему можно. Ну, не знаю, может это дух какой-то там

эльфийской принцессы пробудился ото сна и явился к тебе просить о помощи, а ты затрахал бедную девушку до потери пульса.

— Что не веришь? Думаешь, глюки у меня были?

— Ну почему же сразу глюки? Ну, выпили вы, ну приснилось черте что. Ну что ж тут фантастического? Вот мне тоже давеча...

— А волос?

— Что волос?

— Волос зеленый откуда у меня на рубашке?! Тоже приснился? Вот смотри! — Игорь достал паспорт и вытащил из-под обложки свой трофей.

— Действительно зеленый, — заметил Игоряша. — Ну, скажи, чтобы любовница твоя не красилась в зеленый цвет.

— Да какая к черту любовница! Не было у меня никого — ни зеленоволосых, ни блондинок, ни лысых!

— Ну, значит, Витькина любовница пускай не красится. Ладно, кончай шуметь у меня уже и так голова гудит. Давай спать уже.

Утро следующего дня выдалось субботним. Если б еще не Игоряша, постанывавший за стенкой ночью, было бы вообще замечательно. Проснувшись, Игоряша был задумчив и оставлял вопросы Игоря без ответа.

Только когда друзья вышли на улицу и засели в летнем кафе, он соизволил обрести дар человеческой речи.

— Н-да, хороша чертовка...

— Ты о чем? — спросил Игорь.

— Да наслушался твоих сказок вчера, вот и приснилась мне барышня с изумрудными волосами. Что-то впечатлительным я стал.

— Господа, прошу прощения, но мне необходимо, Игорь Андреевич, с вами поговорить, — сказал подошедший к столику представительный мужчина в малиновом пиджаке и с массивной печаткой на пальце. — Позвольте представиться, Игорь Князев, для друзей — просто Князь.

— И что же вам от меня надо, просто Князь? — с сарказмом в голосе спросил Игорь. — К вашему сведению, гербалайфом я не интересуюсь.

— Зато гербалайф вполне вероятно интересуется вами, — улыбнулся Князь. — Видите ли, мой друг, я директор одной маленькой, но очень гордой охранной фирмы. Уверен, у вас нет причин не принять наши услуги.

— Вообще-то, мы как-то и без вас до сих пор обходились. Думаю, что и дальше вполне справимся, — ответил Игорь.

— Да, я знаю, у вас есть охрана. Мои люди вчера навещали ваш офис. Не волнуйтесь — все цело и все живы. Но вы же знаете, какое сейчас время. Да и бизнес у вас специфический. Колеса маршруткам могут порезать, стекло разбить — день-другой без присмотра и на маршрут будет некому выходить. Боюсь, без нашей помощи у вас мало шансов остаться на этом рынке.

К удивлению Князя, на заранее подготовленный им утонченный монолог его собеседник обратил мало внимания. Да и на самого Князя он уже не смотрел, уставившись на что-то находившееся за спиной Игоря Князева. Этот психологический прием Князь и сам неоднократно использовал, и когда его оппонент оглядывался, повернуть голову назад он, как правило, уже не успевал. Так что Князь только усмехнулся на эту наивную попытку отвлечь его внимание. Странно было, конечно, что и третий сидевший за столом точно также прикинул глазами к чему-то за спиной Князя.

Игорь-Горюшко и Игоряша переглянулись.

— Этому есть вполне научное объяснение, — прервал молчание Игоряша, обращаясь к Игорю.

— Интересно, какое? — спросил тот.

— Очень просто. Я здесь несколько раз бывал, ты, наверное, тоже проезжал мимо. Вот оно и отложилось в подсознании. А потом приснилось.

— Господа, я вам не мешаю? — подал голос Князь.

— Нет, что вы, что вы. Сидите, пожалуйста. У нас тут с другом просто небольшой диспут, касающийся некоторых аспектов работы коры головного мозга.

— Слышь, ты, мудила, — не выдержал высоко поднятой планки Князь, — кончай выделываться. Сейчас сюда зайдут мои ребята, возьмут твоего дружка и пошпинкуют в капусту. А головной мозг тебе на блюдечке поднесут — будешь изучать, сколько влезет. Мало будет — за бабу твою возьмемся. Она ведь сегодня должна вернуться? — Князь повернул голову, чтобы позвать ребят из припаркованной на улице машины и застыл в этом положении, выкатив глаза на рекламный плакат, на который до него таращились Игоряша с Игорем.

— Егор, к тебе клиенты.

— Что, именно ко мне?

— Говорят, видели твою работу и хотят именно у тебя заказ сделать.

В комнату вошли трое. Один в малиновом пиджаке и со взглядом убийцы. Второй — патлат, небрит, но в дорогом костюме. Третий — рохля, очкарик.

— Князь, — представился первый. — Игорь, — протянул руку второй, третий вообще ничего не сказал, только рассматривал работы Егора на стене.

— Прошу прощения, — начал патлатый, — мы позволили себе ввести в заблуждение вашего администратора. Дело в том, что нас заинтересовала одна ваша работа, и мы хотели бы кое-что о ней узнать. Но вы не волнуйтесь, мы компенсируем вам ваше время. — Тот, который представился Князем, кивнул, а очкарик продолжал оставаться вещью в себе.

Егор удивленно пожал плечами и постарался придать лицу вежливое выражение.

— Мы сегодня с... коллегами вели деловой разговор в кафе и случайно увидели рекламный плакат, на котором была изображена одна наша общая знакомая, — продолжал патлатый. — К несчастью ни у кого из нас не сохранились ее координаты. Надеюсь, вы сможете оказать нам услугу и предоставить в наше распоряжение ее номер телефона. Мы были бы вам весьма признательны.

— Почему бы и нет? Если вы, конечно, действительно ее знакомые.

— Вот она! — выкрикнул очкарик, указывая на один из рекламных постеров.

— Шатенка? — уточнил Егор.

— Да нет же! Вот эта, с зелеными волосами!

— Это что, розыгрыш? — спросил Егор, еще раз внимательно оглядывая всю троицу.

— Прошу прощения? — удивился патлатый.

— Одно из двух — или вы ошиблись, или вас наняли меня разыграть.

— Не могли бы вы изъясняться яснее?

— Я не могу дать вам телефон этой девушки.

— Ты че, парень в разведчика решил поиграть? — взрыкнул Князь. — Кончай Штирлица тут строить. А ну быстро гони телефон этой мочалки!

— Первое. Фильтруй базар. Второе. Телефон не дам.

— Че? Ты, шавка, на кого наехал? Я тебя падлу ща поламаю и скажу, что так и было!

— Князь, успокойтесь, — вмешался патлатый. — Молодой человек, прошу простить моего друга, он немного перенервничал сегодня и несколько эмоционален...

— Кто эмоционален? Я эмоционален? Ты сам эмоционален!

— Князь...

— Я перенервничал? Да щас тут все просто обдаришутся от моих нервов!

— Князь...

— Я сказал. Если через минуту этот гандон не выдаст телефон этой шалавы, через пять минут тут будут мои пацаны.

— Князь, пожалуйста, успокойтесь, молодой человек вероятно уже осознал свое недостойное поведение и сейчас все сделает в лучшем виде. Не так ли, молодой человек?

— Не так, — зло бросил Егор. — Нет у меня ее телефона, ясно? И бабы этой тоже нет.

— То есть как это нет?

— А вот так. Это не модель. Это рисунок.

— Рисунок? Чей рисунок?

— Мой.

— Да нет, рисовал с кого?

— Ни с кого, с головы. Придумал я ее. Потому и решил, что вы меня разыграть пытаетесь...

— Я разыграть пытаюсь? — снова завелся Князь. — Да я сейчас так тебя разыграю! Родная мама не узнает!

— Князь, — подал голос очкарик. — Не стоит. Готов поспорить — она ему тоже приснилась.

* * *

Темная сторона Луны, база вторжения клари, пять лет спустя.

Экспансия империи Клари была необратима. По крайней мере, до последнего момента ни одна раса не избежала счастливой участи вхождения в состав империи. Для этого клари не прибегали к военной силе и действовали по формуле: «Присоединение аборигенов к империи Клари — дело рук самих аборигенов». Аборигенам нужно было лишь чуть-чуть «помочь», потом немного подождать и спускать на планету консула для переговоров об условиях присоединения. Условия эти, по понятным причинам, в первую очередь учитывали интересы самих клари. Система была разработана в незапамятные времена и отлажена до ювелирной точности. На планету, которую предполагалось поглотить, запускалась боевая коллективная психоматрица. На первом этапе психоматрица выбирала среди аборигенов потенциальных агентов влияния, расщеплялась на квазиавтономные составляющие и внедрялась в выбранные объекты. Астральные паразиты, коими, по сути, были эти составляющие психоматрицы, после непродолжительного периода адаптации, начинали подстраивать поведенческие реакции выбранных аборигенов под свои цели. А цели были очевидны — скорейшее продвижение носителей психоматрицы по карьерной лестнице. Когда все агенты влияния занимали оптимальное положение в структуре общества, составляющие психоматрицы входили друг с другом в резонанс и начинался второй этап. К этому времени выбранные ранее аборигены становились уже не просто марионетками в руках клари, а единым коллективным искусственным разумом, который оперировал как телами своих носителей, так и всеми с кем вступал в контакт. Это была уже даже не пятая колонна, а биопсихологическое оружие невероятной мощности. Психоматрица контролировала финансовые, энергетические, информационные потоки планеты и аборигены с радостью и счастьем подписывали капитуляцию без единого выстрела.

— Ваал, что скажете?

— Мы готовы, координатор Шен. Флот в состоянии боевой готовности. Но ученые тянут.

— Лиз, в чем дело? Вам самой не надоело здесь торчать?

— Надоело, координатор. Скажу больше: с каждым днем мне все больше и больше хочется отсюда сбежать. Не просто улететь, а именно сбежать. Я уже докладывала вам.

— Опять проблемы?

— Не проблемы — катастрофа. Мы сами не можем понять, с чем мы здесь столкнулись. Ваал, перестаньте ухмыляться! Без психоматрицы весь ваш флот — куча бесполезного железа!

— Лиз, я отдаю себе отчет, что психоматрица — величайшее изобретение нашего народа. Именно потому я и не понимаю, почему вы медлите? — удивился генерал Ваал.

— Психоматрица работает некорректно.

— Я это уже слышал, — пробурчал координатор. — У вас было достаточно времени, чтобы наладить свою аппаратуру.

— Координатор, дело не в аппаратуре базы. Проблемы на самой планете.

— То есть?

— Они глушат психоматрицу.

— Это невозможно! — в один голос воскликнули координатор и генерал.

— Вы это мне говорите? — саркастически спросила Лиз. — Я сама знаю, что с точки зрения классической теории это невозможно. Тем более — учитывая технический уровень развития аборигенов. И тем ни менее это факт — одна из квазиавтономных составляющих психоматрицы надежно подавляется. Как вы, вероятно, знаете, в зависимости от индивидуальных особенностей носителя, процесс первичной адаптации занимает от одного месяца до года. Максимум через год все носители должны пройти начальную модификацию, после чего мы можем установить с ними постоянную связь. За год они и вышли на связь. Все кроме одного. Поначалу мы думали, что дело в нашей аппаратуре, но, к сожалению, я вынуждена повториться — аборигены нас обошли. Все, что можно было проверить — проверено. Шен, они глушат ее.

— Но как?

— Мы сами еще не знаем. Мой заместитель высказал гипотезу, что это может быть какая-то сложная система звуковых колебаний. Мы пытались смоделировать подобные колебания в лабораторных условиях, но пока безуспешно.

— Лиз, правильно ли я вас понял, что аборигены подавляют психоматрицу только у одного носителя, а остальные функционируют стабильно? — спросил генерал.

— Именно так.

— Но что мешает запустить резонанс, исключив этого носителя? Психоматрица будет работать?

— Сказать сложно. Подобные опыты не проводились. Вероятнее всего потенциала остальных носителей хватит для полноценного функционирования. Но тут есть другая проблема. Если они успешно подавляют одного носителя, ничего не помешает им в любой момент заглушить и остальных.

— Черт! — выругался Ваал. — Это мне не пришло в голову. Что ж Лиз, тогда думаю, настало время доказать вам, что военный флот клари не

только груда бесполезного железа. Не думаю, что аборигены смогут оказать нам активное сопротивление, даже если у нас не будет задействована боевая психоматрица.

— Что ж, думаю, именно так мы и поступим. Да, Лиз, ты хотела что-то сказать?

— Координатор, если вы помните, на прошлом совещании я сама предлагала такой вариант. Я дала задание аналитикам просчитать наши вероятные потери.

— И?

— Шен, чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше.

— Лиз, не паникуй. Каков прогноз?

— Полный разгром девятого флота — вероятность 78%, контрудар аборигенов и последующее уничтожение основных индустриальных центров империи Клари — 21,5%, успешное порабощение планеты аборигенов империей — 0,5%.

— Они не дают нам и процента? — усмехнулся координатор. — На чем основан такой пессимизм?

— Шен, ты же видел данные о техническом уровне развития аборигенов. Пропась между нашими цивилизациями огромна. И в тоже время они успешно подавляют психоматрицу — вершину развития нашей науки. Причем не просто делают то, что мы сами не научились делать, но и, заглушив одного носителя, дают возможность остальным функционировать в штатном режиме. Шен, цивилизация достигшая в науке уровня, когда она способна подавить психоматрицу, не оставит у себя в тылу биопсихоружие такой мощности, если только...

— Что?

— Если только они не просто умеют подавлять психоматрицу, но и научились контролировать ее. Если это так, то наш флот мало того что встретит ожесточенное сопротивление, но и будет разбит нашим же оружием.

— Лиз, ты это серьезно?

— Куда уж серьезней. — Лиз поправила выбившуюся из-за уха прядь зеленых волос и продолжила. — Но это еще не самый худший вариант. Наши аналитики не исключают и того, что низкий технический уровень развития, который мы наблюдаем на этой планете, может свидетельствовать о том, что мы просто не в состоянии оценить настоящий потенциал аборигенов. Их основные достижения, вообще могут лежать вне наших возможностей познания. И тогда заглушка только одного носителя — это просто предупреждение. Они не содержат военный флот просто за ненадобностью. Но средствами, до которых наша цивилизация еще не доросла, они и обнаружили нас сразу же после обустройства базы, и психоматрицу взяли под контроль, и, не исключено, давным-давно выпотрошили наши базы данных и в любой момент готовы ударить по империи Клари, стоит

только нам дать для этого повод. Нам нечего противопоставить этой сверхцивилизации. По крайней мере, до тех пор, пока мы хотя бы сами не научимся воспроизводить звуковые колебания способные подавлять психоматрицу, нам здесь делать нечего.

— Благодарю, Лиз. — Координатор озабоченно замолчал и потер переносицу. — Ваал, готовьте флот к отступлению.

А к этому времени на Земле...

Егор, накопивший деньги не на один Харлей, стал членом правления компании, контролирующей треть рекламного рынка страны.

Игорь-Горюшко был избран мэром столицы.

Игоряша победил на Нобелевском конкурсе в номинации физиология и медицина.

Игорь Князев принимал законы в парламенте и готовился баллотироваться в президенты.

И только Гарик продолжал крутить баранку маршрутки. И все так же, как и пять лет назад в салоне маршрутки звучали любимые песни Гарика...

Владимирский централ (Ветер северный)

Этапом из Твери (Зла немерено)

Лежит на сердце тяжкий груз

Владимирский централ (Ветер северный)

Когда я банковал (Жизнь разменяна)

Но не очко обычно губит.

А к одиннадцати туз.

11.07.09

ВАЛЬДЭ ХАН

ГЕНИЙ

Где-то вдалеке гроыхнуло, гулко ухнуло, и низкие тучи осветила багровая зарница.

Отряд из десяти человек, медленно двигался по захлавленной улице, гуськом пробираясь между поваленных деревьев, с черными от копоти стволами, и покинутых повозок. То тут, то там лежали трупы людей, часто обезображенные страшными ранами до полной неузнаваемости.

Первым в цепочке солдат шел молодой ротмистр, чья синяя форма была забрызгана кровью и грязью. Он настороженно всматривался в черные провалы окон, сжимая в одной руке револьвер, а в другой пашку.

Вдруг, в тени переулка между домами, послышался противный скребуший звук. Не дожидаясь приказа, солдаты принялись палить из винтовок. Раздался визг, переходящий в хрип, и все стихло.

— За мной, — скомандовал офицер и махнул рукой.

Солдаты мешкали, боязливо жались друг к дружке. Казалось еще немного, и они сорвутся в паническое бегство.

— За мной, я сказал, — крикнул офицер, для убедительности рубанув воздух щербатым клинком.

— Андрей Семенович... — залепетал молодой солдат.

Парню едва справилось девятнадцать, в больших голубых глазах застыл ужас.

— Гаврилюк, держи себя в руках, — с нажимом сказал ротмистр.

Парень охнул, перекрестился дрожащей рукой и попятился, затравленно озираясь по сторонам.

— Пошли вон, тварюки! — закричал он и закрыл голову руками.

— Держите его! — крикнул Андрей.

Дюжий солдат, с перевязанной головой, бросился на парня, обхватил того за плечи. Худосочный мальчишка взвыл, на его губах выступила ржавая пена.

— Усе, тронулся Васька, — прогудел усатый унтер-офицер. — Ваш благородь, кончать его треба, пока на нас не кинулся.

Андрей Славский, гусарский ротмистр Изюмского полка, сжал от досады рукоять пашки, да так, что оплетка захрустела. Тем временем юноша, яростно вырываясь, извернулся и ударил лбом в нос державшего

его солдата. От боли и неожиданности, тот ослабил хватку и парнишка, вырвавшись, бросился вниз по улице.

Но не успел юноша пробежать и дюжины шагов, как выстрел бросил его на землю.

— Вперед, — рывкнул Славский, и опустил дымящийся револьвер.

Как раз в это время, где-то на соседней улице, послышался многоголосый шум и неразборчивые выкрики. Отряд, в котором теперь стало на один штык меньше, пренебрегая осторожностью, помчался по улице, прочь от источника звука.

Дым, густыми черными клубами стелился над землей. Неестественно, и от того пугающе, прижимаясь маслянистыми боками к грязной мостовой. Как бы вытекая из распахнутых окон и дверей дома, что стоял на углу. Андрею пришлось изменить первоначальный маршрут, что бы не вести людей через удушливую завесу, даже отсюда казавшуюся подозрительной.

Они нырнули под арку, увенчанную гипсовой розой.

Пробежав под низким сводом, солдаты оказались в небольшом, некогда ухоженном, дворике. Подстриженные кусты, скамейки и аккуратная аллея вдоль клумб, а в центре маленького фонтана возвышалась статуя стройной женщины, с кувшином в руках.

По ту сторону дворика, Андрей заметил полускрытую рухнувшей голубятней, калитку, ведущую на нужную ему улицу.

— Туда, — скомандовал он.

Солдаты трусцой побежали к приоткрытой дверце.

Когда отряд огибал круглый бортик фонтана, женщина-статуя утробно загудела и опустила каменный кувшин на голову спешащего мимо солдата. Мужчина рухнул с проломленным черепом.

— Огонь! — закричал ротмистр.

Нестройный залп ружей, и вторившего им револьвера, покачнул изваяние. Пули откалывали от мраморного тела целые куски, стирая каменный лик. Статуя запаталась и повалилась навзничь, подняв тучу каменной пыли и осколков.

Люди бросились вон из проклятого места.

Снова улица. Бульжник мостовой то тут, то там вывернут, земля вспучилась, будто гигантский крот прокладывал себе путь на поверхность. А вокруг трупы, штатские, в основном женщины и дети, но хватает и военных. Эвакуация, что ли?

Он заставил себя не думать о том, что здесь произошло, и повел отряд дальше. На ближайшем здании Андрей заметил табличку «Улица Межигородская» — значит близко.

За домами послышался сухой треск скорострельных орудий и крики. Славский бросился через улицу, перепрыгивая ямы и лежащие тела. Солдаты почувствовали скорый конец безумной гонки и воспрянули духом.

Преодолев остаток пути, Андрей остановился на углу. Высунув за поворот руку, он громко крикнул:

— Свои, не стреляйте!

Несколько мгновений напряженного ожидания.

— Покажися, каков ты есть, свой-то, — послышался грубый ответ.

Ротмистр осторожно выглянул из-за угла, готовый в любой момент нырнуть обратно. Улицу перерезала высокая баррикада, за орудийным траверсом, хищно притаились расчеты пулеметов. У одного из лафетов махал рукой казачий урядник.

— Убедился? — громко спросил ротмистр.

— Выходите, ваше благородие, — усатый воин приветливо взмахнул пашкой.

— Нас тут восемь человек, — на всякий случай предупредил Славский.

— Сколько ни есть усе сюда, неровен час нелюдь вернется.

Подгоняемые страхом солдаты проворно взобрались на баррикаду, желая поскорее очутиться под защитой гостеприимного урядника и его батарей.

Они очутились в спешно разбитом лагере, зажатом между домами и тремя высокими баррикадами, пересекающими улицы. Защитники подносили ящики с боеприпасами, укрепляли позицию, слышались стоны раненых.

— Как тут? — просто спросил ротмистр, зная, что казак его поймет.

— Тяжко, — казак разгладил усы. — Одержимые наседали почти час, некоторые даже на препону залезли, пришлось сабли доставать. Жуки хвостатые наскочили, утащили шестерых, пока мы их не отогнали. Жуть, — он перекрестился и солдаты, стоявшие вокруг, последовали его примеру.

— Штаб еще здесь? — Андрей вернул саблю в ножны.

— Так точно. Туда, — он показал вдоль не заблокированной улицы, — в седьмом номере заседают.

— Спасибо. Оставляю их вам, — он кивнул на пришедших с ним солдат, и быстро зашагал в указанном казаком направлении.

— Вы уж там скажите, что тикать нам нужно, — крикнул вдогонку урядник.

У входа в дом номер семь, трехэтажное здание с белеными портиками, нашелся хорошо укрепленный кордон. По всему видать, именно тут готовились принимать последний бой: окна первого этажа наглухо заколочены, у крыльца свалены мешки с песком, три вкопанных картечницы угрожающе смотрят в серое небо.

Миновав охрану, Андрей Славский обратился к спешащему по своим делам ординарцу, с рукой на перевязи.

— Я ищу отца Иохима, мне сказали, что он будет тут, в штабе.

— Вы ротмистр Славский? — он смерил Андрея усталым взглядом. — Прошу за мной, Андрей Семенович, о вас предупреждали-с.

Они поднялись по лестнице, прошли коридором. У дверей справа стояла многочисленная охрана.

— Отец Иохим у генерал-губернатора. Вас ждут.

Не дожидаясь ответа, ординарец заспешил по своим делам.

Андрей одернул мундир, хотел было застегнуть верхнюю пуговицу, но она давно оторвалась.

Он вошел в скудно освещенную комнату, света хватало лишь круглому столу заваленному картами и прочими бумагами.

Из теней, что собрались в углу, в круг света шагнул высокий человек, одетый в монашескую рясу, с большим крестом на груди.

— Андрей! — монах обнял ротмистра.

— Ваня, — широко улыбнулся солдат, но, тут же поправился. — Отец Иохим.

Глаза Славского привыкали к полумраку, и теперь он смог различить остальных обитателей комнаты, все они оказались офицерами имперской армии.

— Федор Федорович, это и есть мой брат, за которым я посылал, — Иохим обратился к одному из офицеров.

Тот сделал шаг вперед, и Андрей смог хорошо его рассмотреть.

Федор Федорович Радецкий, генерал-губернатор здешнего края, несмотря на почтенный возраст, выглядел крепким мужчиной, еще не утратившим былой доблести. У бедра седовласого генерала висела золотая сабля, с георгиевским темляком, а на груди наплись и «Святая Анна» и меченосные «Владимир» со «Станиславом». Небрежно накинутый мундир, обнажал перевязанное окровавленными бинтами плечо.

Андрей взял под козырек.

— Я перейду сразу к делу, — генерал губернатор обнаружил зычный голос, таким только на поле боя командовать. — Город захлестнул невиданный, сверхъестественный ужас. То, что творится на улицах описать невозможно. По домам рыскают чудовищные твари, люди на глазах превращаются в уродцев и пожирают своих близких, солдаты сходят с ума от виденных наяву кошмаров. Особняк на Александровской почти полностью разрушен нахлынувшей нечистью, нам едва удалось отступить.

— Ручей Скоморох, что течет от Древлянской Площади, вместо воды вдруг стал нести потоки ядовитой слизи, растворяющие все, что в него угодит, — вставил пожилой полковник.

Радецкий тяжело вздохнул и продолжил.

— Причины этой катастрофы нам не ведомы, ровно, как и ее масштабы. Доподлинно известно, что за пределами города все еще безопасно, за городским выгоном уже разбит лагерь для беженцев. Но сколько так будет продолжаться, никто сказать не может.

Он перевел дух, кто-то пододвинул ему резной стул и генерал губернатор с благодарностью принял помощь.

— Сопоставив факты, донесения о первых проявлениях... этого. Мы пришли к выводу, что все началось откуда-то с Караваевской и Ботанического сада. Возможно, именно там и есть корень всех наших бед — дьявольская ставка противника, — Федор Радецкий разгладил седые бакенбарды и

закончил. — Нам нужно, что бы вы, гусар Славский, пробились к возможной штаб квартире врага и уничтожили ее.

— Почему я? — не помня себя, спросил Славский.

Вместо Радецкого ответил священник:

— Ты же ярый материалист, Андрей. Может, и осилишь пройти, не сойти с ума от бесовских ужасов. Для других, все, что сейчас происходит происки Лукавого, конец света, кара божья, для тебя же это просто очередной враг, следующая война.

Андрей кивнул, соглашаясь с мыслями брата.

— Я не могу приказывать вам, ротмистр. О том, что предстоит совершить можно только просить, — Федор Федорович положил руку на эфес сабли.

В комнате стало очень тихо, было слышно, как кричат на улице унтер-офицеры, отдавая приказы, как грохочут колеса орудий по мостовой. Все смотрели на него, кто-то с надеждой, кто-то сочувственно, а были и такие кто уже загодя приготовил едкие укоры в малодушии.

«Как легко выбирать когда тебе не оставили выбора», — подумал Славский.

— Служу отечеству, — отчеканил он.

Генерал-губернатор медленно поднялся и, положив руку на плечо Андрея, просто сказал:

— Спасибо.

— С вами отправится дюжина доверенных казаков, — не разделил общего подъема давешний полковник. — Вы понесете запас фугаса, что бы не оказалось в конце пути — уничтожьте это.

— Когда выступать? — спросил Андрей.

— Скоро. Мы считаем, что твари вскоре начнут штурмовать баррикады, тогда и двинетесь. Будем надеяться, что основная масса соберется под нашим огнем, и на ближайших улицах вы не встретите ничего, с чем бы не смогли справиться, — вновь взял слово Радецкий.

Генерал жестом пригласил Славского к разостланной карте. Повел пальцем по названиям улиц.

— Пойдете через старый город. На Лукьяновке совсем туго, из донесений следует, что покойники повставали из могил, пришлось много домов пожечь. Далее по Ярославовому Валу до Нестеровской, там спуститесь на Бибиковский бульвар, по другую его сторону и будет Ботанический Сад. Вот тут и начнется самое страшное.

Речь Радецкого прервал ворвавшийся адъютант.

— Ваше высокопревосходительство, прибыл гонец. Саперный лагерь пал, весь Печерск в их власти, — запыхавшись, доложил адъютант. — Остатки гарнизона пробиваются к нам.

— И принесут на плечах все адское сонмище, — хмуро заметил полковник.

— Усильте оборону баррикад, — приказал генерал-губернатор. — А вы, ротмистр, отдыхайте, пока можете, и готовьтесь.

В коридоре его нагнал священник.

— Идем, угощу тебя.

— Спасибо, Ваня.

* * *

Разместившись на пустых ящиках и мешках с песком, стучали ложками казаки, расправляясь с обедом. Урядник, тот самый, с баррикады, усатый да дюжий, рассказывал что-то товарищам, густо пересыпая повествование идиоматическими оборотами и пахабной жестикуляцией. Казалось, их совсем не заботило, что происходит вокруг.

— Стало быть, ваша благородь, вы нас на чертяк поведете, — сказал десятник, — Я Тарас Горобец, а цэ значить, мои хлопцы, — он обвел рукой маленький отряд.

Хлопцы хмуро отсалютовали.

— Горобец, а что ты, лазутчик первой сотни, у орудий забыл? — спросил Славский, присаживаясь на мешок с песком.

— Так, ваша благородь, от батарейцев майже и не лышилось ничего. Подсобить надо было, а я дюже глазастый, — добродушно ответил усач.

Люди обменялись еще парой фраз, но разговор быстро заглох сам собой.

Они были готовы.

* * *

Вышли за минуту до вражеского наступления. Проскочив в игольное ушко, между авангардом нападающих и оборонительными валами.

Позади, слышались раскатистые трели митральез и сухой треск ружейных залпов — волна атакующих разбивалась о яростное сопротивление защитников баррикады.

Улочка уводила их все дальше. Как и предполагал Радецкий, ни один враг не стал на пути отряда.

Из-за перекрестка, который им только предстояло миновать, послышался грохот, будто десяток телег груженных хламом старьевщика во весь опор неслись по мостовой.

Казаки, без лишней команды, попрятались в тени домов. Грохот и металлический звон нарастал, пока на улицу не выкатился огромный металлический шар, весь покрытый длинными шипами. Шар остановился на перекрестке, несколько раз прокрутился на месте, словно осматриваясь, и все так же шумно покатился дальше. Вскоре грохот стих, и люди осторожно продолжили свой путь.

— Адовы покатушки, — проворчал себе в усы Тарас.

Спустя некоторое время, они выбрались на улицу, что уходила вниз по пологому спуску.

— Нестеровская, — тихо обратился Славский к уряднику.

Тут было очень тихо. После взрывов, барабанной дробы и канонады, в подобную тишину даже как-то не верилось. Спокойствие, царившее вокруг, прибавило Славскому оптимизма.

Идущий в авангарде казак, молодой южанин, вскинул винтовку и взял на мушку окно разоренной лавки на первом этаже. Солдаты моментально последовали его примеру став в круг, спина к спине.

— Что случилось? — громко зашептал ротмистр.

— Спочатку, думал, шо показалось, но там хто-то точно есть. Чув как шубуршало, — ответил южанин.

В абсолютной тишине из окон и дверей ближайших домов на брусчатку ринулись приземистые существа. Внешне они напоминали павианов, которых ротмистр видел в столичном зоопарке год назад, только лишенных меха, с уродливо вытянутыми мордами гнен. Под черной лоснящейся кожей перекатывались узловатые мышцы, сильные конечности несли монстров прямо на сбившихся в кучу людей.

Чудовища не издавали ни звука, в немом вопле раскрыв зубастые пасти.

Наконец люди оправались от шока, и грянул залп. Несколько чудовищ все так же безмолвно рухнули в пыль. Некоторые из солдат успели выстрелить еще раз, но наконец, уродцы достигли людей и в ход пошли штыки.

Андрей на лету разрубил грудь бросившегося на него монстра, поток зловонного ихора брызнувшего из раны залил ему лицо. Но удар сабли не смог остановить бросок чудища и уже мертвое тело сбило ротмистра с ног.

Он быстро нащупал рукоять пашки, вылетевшую от удара, и вскочил. Как раз для того, что бы отрубить когтистую лапу, тянущуюся к лицу.

Совсем рядом, один из монстров запрыгнул на спину казаку, повалил того на землю. Длинные конечности змеями оплели тело солдата, развели в разные стороны руки и, прежде чем Андрей вогнал в гадкую тушу свой клинок, когти разорвали человеку горло.

Истошно кричал южанин, тварь впилась зубами в его плечо, стараясь наживо отъесть бедолаге руку. Выстрел урядника, разнес клыкастую голову.

Неожиданно бой закончился, не с кем было сражаться. Остатки нападающих разбежались.

Отряд потерял четырех человек убитыми, южанин умер спустя несколько минут.

В луже крови и зловонной жижи, Андрей отыскал свой револьвер, перезарядил.

— Вперед, — тихо приказал он.

Безмолвно казаки двинулись по улице.

Чем дальше они продвигались, тем больше Андрей находил подтверждений того, что эпицентр сверхъестественной катастрофы находится где-то впереди. По мере их продвижения дома выглядели давно покинутыми, словно тут никто не жил уже много лет, деревья в сквере, превратились в

обезображенные узловатые остовы, походившие на руки мертвецов, тянувшихся к серому небу. Воздух пах прозекторской.

Они вышли к ботаническому саду. В прошлой жизни это был светлый и уютный парк, сейчас же укутанная зловещим туманом чаща, где среди черных стволов медленно плыли неясные тени.

Серые сумерки, которые все никак не кончались, в этом месте начинали сгущаться, окончательно лишая все вокруг красок.

Люди двинулись по бульвару, который шел вдоль паркового забора, желая обойти гиблые заросли.

Время от времени, сухой порывистый ветер доносил до них обрывки слов, стоны и хохот.

Спустя несколько минут они обогнули стену сада, свернув с бульвара на узкую улочку.

Действие дьявольской силы, здесь было заметно и слепому.

Темные маслянистые разводы, похожие на потеки дегтя, покрывали стены домов и камень тротуаров. Первое время, люди избегали ставить ногу на покрытую черной слизью землю. Мерзкий налет ковром выстилал улицу, отвратительно чавкая под ногами.

У паркового ограждения, вырастая прямо из черной жижи, высилась странная конструкция, похожая на огромное, в человеческий рост яйцо, на толстом узловатом стебле.

Урядник опасливо приблизился к находке, заглянул внутрь.

— Одежда там, — доложил он. — Порванная вся, прости Господи, крови нет.

Внезапно налетевший ветер сорвал с урядниковской головы шапку и унес ее за ограду ботанического сада. С каждым мгновением, ветер становился все крепче, завывая в арках домов и шатая изуродованные деревья. К тому же, он принес тучу едкой, серой пыли, будто специально зачерпнул где на грязном подворье. Мелкий песок сек лица солдат и заставил присесть, прикрыв глаза руками.

Ветер стих внезапно, будто где заслонку закрыли.

Люди осторожно поднимались, протирая воспалившиеся глаза.

Ротмистр, наконец, проморгался от выступивших слез, осмотрелся вокруг и обмер.

Местность вокруг кишела тварями. Они разевали клыкастые пасти, роняя капли горячей слюны, и плотоядно подергивали когтистыми лапами. Но держались на расстоянии.

— Чого не нападают? — прошептал уса.

Андрей не ответил. Чудовища заполонили собой все вокруг, арки подъездов, узкие подворотни, верх улицы откуда пришли люди. Бежать было некуда, свободным оставался лишь путь вперед.

«Они хотят, что бы мы пошли дальше», — подумал ротмистр.

У него снова не было выбора.

Когда он, опустив оружие, запыхал по улице, казаки недоуменно переглянулись, но последовали за ним.

В окнах ближайших домов мелькали отвратительные рыла, с крыши на крышу перепрыгивали ужасные создания. Их провожали, вели.

Тяжко шло людям под пристальными взглядами. Андрей почти физически ощущал злое, безразличное внимание. Так городовые смотрят на скубентскую пирушку — резвитесь, пока я разрезаю.

Спустя несколько минут этой прогулки Андрей понял — пришли.

Прямо перед ними стоял некогда двухэтажный дом. Он пульсировал и содрогался, словно собираясь взорваться. Прямо из его стен уходили в землю, ближайшие дома, и особнячки, толстые лианоподобные отростки. Жилы, по которым толчками неслась ужасная зараза, отравившая город.

Медные лепестки, похожие на жвала насекомого, что служили в этом месте за двери, убрались в стены, приглашая войти.

Славский жестом приказал людям оставаться у «дверей», а сам шагнул внутрь. Бледный как мел урядник последовал за ним, напрямую послушавшись приказа. За это непослушание Андрей готов был расцеловать усатую физиономию своевольного лазутчика.

Сени, коридор — ничего особенного. Платяной шкаф, сундук и полочка с парой потертых туфель. Света хватало — серого, безжизненного, это над лишенным свечей канделябром, танцевала россыпь таинственных огоньков.

Слышалась музыка. Андрей никогда не обладал тонким слухом, но мелодия, что лилась откуда-то из глубин особняка, заворожала его, даже немного успокоила.

Под солдатскими сапогами натужно скрипели старые половицы. На стенах коридора, ведущего в гостиную, висели картины: пейзажи, натюрморты и портреты, теснились от пола и почти до самого потолка. И все они были написаны с потрясающей, иногда путающей, искусностью. Лица с портретов провожали солдат внимательными взглядами, морской пейзаж, где бушевали пенистые валы, пах солью и йодом, а пастораль дышала сочным клевером.

Вот только висели они криво, невпопад, залезая рамами друг на дружку.

Бесшумно открылись двухстворчатые двери, обыкновенные сработанные из дерева, с потерянной медной ручкой.

Подняв оружие, люди с опаской заглянули в открывшийся проем. Заглянули и оцепенели: в большой, освещенной множеством свечей комнате стояли мольберты, большой письменный стол, не мог уместить гор исписанной бумаги. На противоположной входу стене висели картины, не в пример тем из сеней — на холстах скалились невиданные чудовища, одновременно похожие на человека и ночной кошмар, вытянутые лица и запавшие провалы глаз, казалось еще мгновение и можно будет услышать их адский вой. Каждая картина была неповторима и уникальна. Все они были одинаково путающими.

В углу, расположившись прямо на полу, перебирал струны жуткий квартет. Худощавые тела, сплошь обмотанные черными от смолы лентами, глухие маски из бронзы закрывали лица. Длинные, не человеческие, пальцы извлекали из инструментов ту самую заволаживающую мелодию, которую

еще в сенях услышали солдаты. Появление гостей музыканты не сочли достойным своего внимания, и продолжали игру.

Едва скрипнув, распахнулась дверь, притаившаяся за большой кадкой с зеленым растением. Мужчины едва сдержались, что бы не выпустить на звук, все, что имелось в барабанах их оружия.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать, — услышали они высокий, надтреснутый голос.

Первым в комнату вплыл большой поднос, изящный, пурпурно-золотой сервиз звонко подрагивал в такт шагам. Затем, появился тот, кто нес чудо сервировки — это был невысокий, очень бледный человек, мышиного цвета волосы закрывали уши и падали на глаза. Глаза-то и поразили гусара больше всего. Темные почти черные, они горели непонятной Андрею страстью. На терракотовом жилете засохли пятна краски и свечного воска.

— Вы кто такой? — наконец спросил Андрей.

Поднос оттеснил стопку бумаг, устраниваясь на столешнице. Бумаги медленно полетели на пол.

— Меня зовут Петр, я хозяин этого дома. То есть я раньше снимал тут комнату, а потом так вышло, что я стал его хозяином, и вроде он как бы и мой теперь. Я признаться, привык называть это место своим домом, — говорил он быстро, едва запинаясь. — Чаю?

Тонкими струйками взвился пар, когда хозяин дома разлил кипяток по изящным чашечкам.

— Спасибо нет, — резко оборвал его ротмистр, — что тут происходит?

Рука Петра дрогнула, и кипяток пролился на стол. Квартет сбился с ритма, из под масок послышалось угрожающее шипение, а в открытое окно заглянуло, уж совсем неприглядное чудище.

Андрей осекся. Намек был прозрачнее некуда.

— Варенья? — как ни в чем не бывало, спросил хозяин, неуверенно приподнимая крышечку фарфоровой розетки.

Андрей машинально кивнул. Квартет продолжил играть, а монстр в окне убрался восвояси.

— Шибко грають, — уважительно цокнул языком казак.

— Это «Бабочка», я написал сегодня утром, — Петр залился краской, похвала солдата припала ему по душе.

Музыка, сначала понравившаяся, после того как Андрей увидел исполнителей, вызвала у него тревогу и тоску — словно бабочка опалила крылья и сейчас медленно падала вниз.

— А ты, шо тут делаешь? — спросил Горобец, плюхаясь на свободный табурет.

— Разное, — потушился Петр и придвинул поближе к солдату блюдо с пирожными. — Музыку пишу, картины, за пьесу вот взялся.

— Могучих кистей ты, барин, — Тарас громко отхлебнул из чашечки и мотнул головой в сторону картин висящих на стене.

Андрей стоял у стола, пораженный абсурдностью происходящего. За стенами особняка толпилась армия адский тварей, тут рядом, сидел камерный оркестр Сатаны, город тонул в ужасе, а разбитной казак нахваливает таланты этого престранного человека.

— Послушайте, Петр... как вас по батюшке? — начал было Славский.

— Анисимович, — подсказал композитор, но не дал ротмистру договорить. — Но это не важно, важно только, что вы пришли. Приятно видеть первыми именно вас.

— А ты думав хто придет? — широко улыбнулся урядник.

Петя смутился и пожал плечами.

Квартет сменил инструменты, прибавил в числе, превратившись в секстет, и затянул, что-то печальное, но одинаково красивое.

— Вот это мне тоже по душе! — энергично закивал казак, имея в виду мелодию.

— Название еще не придумал.

— Я от якось был у этой, ну в тиятре значит. Там тоже грали, много народу было, с трубами и пианинами. Так я тоби скажу, у тебя справнее выходит, — покровительственно махнул рукой Тарас.

Потупившись, Петр принялся переставлять розетки и вазочки, стараясь скрыть смущение и удовольствие.

Андрей молчал, предоставив уряднику вести беседу. У того получалось.

— А шю думаешь, Петька, много народу пойдет теперь? — буднично спросил Горобец.

— Конечно! — просиял художник.

— А как это ты так ловко устроил усе? Ну отое, — Тарас кивнул на улицу за окном.

— А главное зачем, — едва слышно уронил ротмистр.

— Я попросил, — просто ответил Петр.

— Попросили о чем? — настороженно спросил Славский.

— Я просил о том, что бы я был услышан. И меня слышали, все слышали!

Он повысил голос.

— Я хотел, что бы люди стали чуть более похожи на меня. Что бы видели и чувствовали, то же самое. Но они отворачивались брезгливо, даже не пытаясь понять. Они отталкивали и поносили. Готовые до глухоты, до одури, рукоплескать лицедею они плевали в лицо настоящему искусству.

Стены дома приглушенно загудели, словно отвечая возбуждению хозяина.

— А, что они должны были чувствовать? — несколько завороченный речью художника спросил офицер.

— Это, — Петр обвел рукой галерею жутких картин, — я ведь не сам их придумал, они являлись ко мне. В темных углах, под лестницей, на пустом балконе бельэтажа и в зеркальном отражении. Но никто их не замечал, никто не верил. Теперь поверили?! — он закричал, запустив пальцы в густые волосы.

Перевел дыхание.

— Если человек, что-то сам не прочувствовал, для него этого как бы и не существует.

Славский вспомнил свою тетку Варвару. Еще не старая, она была мучима непонятной болезнью — жуткими болями в желудке, с которыми доктора ничего не могли поделать. От долгой и безнадежной хвори, она озлобилась, стала сварливой и желчной. Маленький тогда Андрей, разочаровался в некогда любимой родственнице, и стал ее избегать. Но однажды, он наевшись сверх всякой меры свежайшей сдобы, слег с животом. Только после суток болезненных спазмов в темной комнате он наконец-то понял свою теткушку. Каково было ей самой, наедине со своей болью.

Вторя его мыслям, Петр сказал:

— Личный ад каждого, никого не беспокоит. Его как бы и нет.

Художник выпрямился, как гвардеец на параде.

— Я своим поделился!

— Но как? — выдохнул Славский.

— Я звал, и мне откликнулись. Он сказал...

Казацкий кинжал прошелся по шее страстного поэта, оставляя длинный и ровный порез. Хлынула кровь, заливая грязный жилет, пятная рубашку, брызгами ложась на пол и стены.

Андрей изумленно зажмурился, а когда открыл глаза, все изменилось.

Над распростертым телом Петра Анисимовича, композитора, художника и поэта, стоял казацкий урядник, вытирая окровавленный нож.

— Пропадающая душа, — Тарас перекрестил мертвое тело. — Отмучився раб божий Петр.

Андрей молчал.

— Не спасти його було, ваша благородь, — словно ребенку принялся толковать Горобец. — А сколько людей ищо померло бы!

Славский кивнул.

Комната оказалась пуста, квартет исчез, лишь сквозняк шевелил бумаги на столе. Стояла тишина, спокойная, почти родная.

Скрипели половицы, когда солдаты шли по коридору. Припавшие пылью портреты смотрели в пустоту безучастно и отрешенно. Вместо медных лепестков простая, некрашенная дверь, легко поддавалась напору.

Перед домом, недоуменно озираясь, стояли казаки, остаток отряда Славского. Вокруг же, лежал город, постаревший и несущий печать времени, словно покинутый десятки лет назад. Провалились крыши, осыпалась штукатурка, оконные рамы рассохлись и потрескались.

Люди двинулись в обратный путь, а теплый ветер подхватывал звук их шагов и уносил высоко, к чистому вечернему небу.

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

НАШ БРОНЕПОЕЗД

В бойницу был виден только пар, но шум станционных разборок доносился очень хорошо. Поднятые по тревоге снабженцы заводили на контрольные площадки лошадей, а командир на чем свет стоит крыл Сидульцева за то, что для запасной накрутки у катапульты не хватает воловьих жил.

— Ничего не знаю! — огрызнулся «середняк». — Требушет поставите. Мало? Вон, сжатый воздух погрузили, пневматику запусти!

— Мы твоей башкой только из требушета выстрелим, недоумок!

— Задолбал! Тебе еще боевого козла на площадках не хватает!

Пулемётчики тоже прислушивались и уже начали ставить на мордобой, но тут голоса резко стихли, а ещё через минуту в дверь постучали.

Больше всех удивился Серега. Свои люди уже давно не чинились, заходили без стука, начальство тем более.

Из клубов пара явилась полноватая физиономия с небольшими, аккуратно подстриженными усами. Владелец физиономии держал в руке котелок и докторский саквояж. Резкий электрический свет подчеркивал морщины и блестел на браслете часов незнакомца.

— Кажись, корреспондент нарисовался, дядь Миша? Или сталкер.

Седой кондуктор протиснулся к двери, глянул, расстегнул было кобур у на пояс, но быстро отскочил на своё место. Дверь открылась.

— Экипаж! — рявкнул снаружи Иваныч, командир бронеплощадки, и первым переступил высокий порог, — У нас инспекция! Это Виктор Андреевич Семерещенко, заместитель председателя комиссии.

Человек с саквояжем ухватился за поручни, тоже залез в вагон и первым делом испачкал свое кашемировое пальто о свежую краску.

Инспекция — это была умеренно плохая новость. Такие бывают раз в месяц. Главный из комиссии портит нервы командиру бронепоезда, а замов отправляет в «вагоны с пушками», которые постоянно забывает именовать «бронеплощадкой».

Хуже, что надо было идти в рейд с чиновником на борту. Посторонние бывали часто, но чиновник — статья особая...

— Присаживайтесь вот сюда, Виктор Андреевич, — проявил вежливость Серёга и указал на пустое «кресло» разведчика-подрывника. — Так об вас не споткнутся в бою.

— Когда отправление? — заместитель комиссии не потерялся, снял пальто, бросил его на сколоченную из деревянных планок скамейку, будто украденную из старой электрички.

— Минуты через две, — прогудел Иваныч.

— Тогда давайте вы ответите на пару вопросов, — из саквояжа был извлечен ноутбук, — И если можно в начале об этой краске.

— Зря вы с такой техникой в зону прётесь, погорит ведь, — сочувственным голосом прокомментировал Серёга.

Вместо ответа Семерещенко посмотрел на читалку, то есть на ридбук, который высовывался из кармана кожаной крутки бойкого парнишки.

— Так этот я выкидываю на подъездах. У нас там на шестом километре место такое есть, все мобилы, и всю электронику там выкидываем. Только у вас, я смотрю, аппаратик дорогой, наверняка крыса найдется.

Иваныч не комментировал — командир бронеплощадки уселся на вертящийся табурет под наблюдательной башенкой и теперь проверял исправность перископа.

— Тогда бы и ваш аппаратик украли. Крысы, они не выбирают, — чиновник подмигнул Серёге.

— Неее, у меня вот что есть, — и он целиком вытащил читалку из кармана. На ней белой краской тщательно были выведены буквы «Х.В.».

— Вы верующий? — подозрительно уставился на Серёгу заместитель комиссии.

— Никак нет, — тот стал по стойке «смирно», — Это аббревиатурно зашифрованная надпись «Хрен вам». Такие не трогают.

Остальные члены экипажа достали мобильные телефоны и продемонстрировали чиновнику буквы.

— Ага, вижу с психологическим климатом у вас полный порядок, — покивал Виктор Андреевич. Было видно, что человек он опытный, хоть в зоне до сих пор и не бывал, — Чувство локтя в работе персонала и четкая организация труда. Потому как мы трогаемся, а командир вагона так на мой вопрос и не ответил.

— На них отвечает помощник командира, — буркнул Иваныч, и Серега второй раз вытянулся во фрунт.

— Красили вчера, как банки получили. Краска стандартная, натуральная, экологически чистая, предыдущая комиссия установила её соответствие ГОСТу...

Вагон изнутри действительно казался игрушечным, слишком чистым и необжитым. Чиновник кивнул и сноровисто выбил на клавиатуре номер государственного стандарта.

— Все члены экипажа в наличии?

— Без этого бы не тронулись, — кивнул Серёга, — Если вы хотите посмотреть башни, то быстрее, сейчас двери задраивать будем.

Чиновник посмотрел в один конец вагона, потом в другой, но решил, что в башнях ему делать совершенно нечего.

— Давайте не будем вокруг да около, а сразу к делу.

— Всегда готов, — бодро отозвался Серёга.

— Есть вопросы по недостатке серебра...

— Документик покажите, — немного развязно выдал реплику помощник командира.

— Не понял, — холодной невозмутимостью чиновник попытался урезонить мальчишку.

— Ваша компетенция? — в тон ему ответил командир, — Вы следователь? Нет. Тогда я не могу отвечать на вопросы о драгметаллах.

Чиновник был явно из либерал-оптиматов, тех, которые уж сколько лет голосовали против повышения расходов на зону, и все требовали натуральных экспериментов по расстрелу монстров медными пулями. И шаманов хотели амнистировать.

— Хорошо, — продолжил Виктор Андреевич, — А как быть с установленными знаками на внутренней поверхности бронеплощадки? Их что, зря комиссия утверждает?

— Так воняют они и не помогают ни фига...

— Четвертый километр! — отдал команду Иваныч.

Народ стал вытаскивать из карманов телефоны, органайзеры, плееры. Все это шло в железный, обшитый изнутри войлоком, ящик.

— Работавшей электроники здесь не останется, понял?!

Чиновник пожал плечами, вытащил из ноута флешку, и отдал «походный офис» Серёге.

— Часы не на батарейках?

— Нет, с турбийоном.

Серёга на секунду замер, не понимая слова, но командир буркнул, чтобы тот отстал от человека.

Ящик вставили в непонятное устройство рядом с головным пулеметным расчетом по левому борту. Устройство оказалось подобием задвижки на мусоропроводе, и когда уже на шестом километре ручку дернули, получилось «катапультирование» ящика. Серёга сказал, что тот падает на специальную площадку, и потом его легко искать.

Закрылись двери в башни.

Чиновник добыл из внутреннего кармана пиджака маленький блокнот и карандаш в придачу.

— Михалыч, к бою! — командир почти крикнул.

— Где?

— Сирень, ближе к низу, работай, — одновременно он движением руки пригласил чиновника посмотреть в перископ.

Семерещенко трудно было что-то рассмотреть — это был не дисплей — но очередь «пошевелила» кусты сирени, росшие в паре сотне метров от рельсов, и из-под них, испугавшись, выскочил человек. Следующая очередь его свалила, а со второй бронеплощадки и из рубки поезда быстро добавили пуль. На закуску ухнула пушка.

Клубы дымного пороха относил в хвост бронепоезда.

— Это сорокопятка, осколочными рихтует, — сообщил Иваныч, занимая свое место у перископа.

— Вы абсолютно уверены, что это не был заблудившийся техник или турист?

Вокруг рассмеялись.

— Я могу сказать вам точно, кто это, — Иваныч прилип к наглазнику, — Сталкеры отпадают — дураков среди них нет. Все наши работники знают, что с началом выброса надо бросать все и идти к границе зоны. Если пошли поезда и дрезины, что надо делать!?

— Лежать и не высовываться, — ответил нестройных хор.

— У нас остается только один вариант: очередной любитель магии, шаман недоделанный. Деньги у него были, нанял сталкера, через него купил очередного сержанта на периметре. А потом — раз, и оторвался, вольным воздухом дышать стал. Будем надеяться, надышался...

Погасли лампы накаливания, и что-то изменилось в наборе звуков, издаваемых бронепоездом. Старый кондуктор тут же повернул рубильник — чтобы в вагоне не осталось замкнутых контуров.

Чиновник знал, что случилось — пройден очередной порог искажения реальности. Он обернулся и стал смотреть на пейзаж в собственную бойницу. Если не считать редких деревьев, разбитых снарядами в прошлые посещения бронепоездом этих мест, вокруг была сплошная идиллия. Луга, заросли кустарника, рощи на холмах. Аномалия не трогала ничего живого, но пожирала любой механизм не хуже ржавчины. И чем сложнее было изделие, тем больше процессов в нем задействовалось, тем скорее тот разрушался. Электрические цепи горели как свечи.

Идеально работали стальные болванки и кирпичи. Насыпь под рельсами могла пережить выброс любого уровня.

— А вы знаете, что возникло несколько реалистичных проектов отказа от ваших паровых чудовищ? — бросил Семерещенко пробный шар серьезного разговора.

— Строят Царь-пушку? — безразличным тоном ответил Иваныч, — Или у Жюль-Верна проект свистнули? Таких орудий, чтобы болванками за сотню километров швырялись, еще нет...

— Вы прям как Чудо-Юдо из сказки: «богатырь еще не родился, а коли родился, так на бой не сгодился», — Виктор Андреевич присмотрелся к здоровенным клубкам какого-то паразита на тополе, но там не было ничего необычного, — Ствол и в пятьдесят метров сделать могут, его ж возить не требуется...

— А в цель они попадут?

Оба знали, что нет.

— Будут еще мартышек дрессировать, на дрезинах чтобы ездили.

— Не пойдет. Трусливые, глупые, думают только по схемам. А если на

березах бананы вырастут? Нет, Виктор Андреевич, в зоне люди должны работать.

— Люди тоже не слишком помогают, только и могут, что временно снимать проблемы.

Все замолчали. И появление «пятна флуктуаций», и его первое торможение — было сплетением загадок, хаоса, глупости, героизма, трусости и везения. Аномальная зона, как всегда и бывает с такими гадостями, возникла непонятно отчего и неизвестно зачем. «Пожрала» райцентр и после каждого выброса расширялась на несколько километров. Электроника отказывала, большая часть огнестрельного оружия превращалась в металлолом, и люди массово гибли, встречаясь с «призраками». Возникли первые шаманы — во всегдашней своей пропорции одного на тысячу трупов — которые еще не разобрались в ситуации и больше всего на свете хотели вернуться к обычной жизни. Но рост аномалии пугал государство — и войска гнали, снова гнали в зону, стремясь вслепую, только на ощупь, найти её слабое место.

И нашли.

Старенький Т-72 отказал наглухо — электроника погорела, мотор не жил, автомат заряжания порос лишайником. Но каким-то чудом еще с первых дней заварухи уцелел ствол и снаряд в этом стволе. Учебная болванка. Вот ей-то и вцепили по одному из «пузырей» — переливающихся всеми цветами радуги, веселых мыльных пузырей, с легковушку величиной. Тот лопнул и на следующий день зона осталась такой же, как была. Разобрались в удаче не сразу, но уже через пару месяцев стало ясно — «пузыри» есть сердце и основа зоны, если дать им хорошего пинка, и не пулей, а снарядом, то на границе зоны всё останется, как есть.

Любые схемы самонаведения в ракетах не годились. Оставлять орудия на месте тоже не годилось — они выходили из строя по неясным закономерностям, и редко какое могло протянуть в зоне дольше нескольких часов. Танки проехать к месту не могли — все двигатели на искусственном горючем глохли еще в среднем поясе зоны. Пешим ходом доставлять пушку к месту событий тоже не годилось, уж слишком велики потери были в незащищенных расчетах и охранениях.

А вот бронепоезда, ходившие на дровах, и бронированные по последнему слову техники позапрошлого века — вполне справлялись с угрозой.

В зоне еще до событий была неплохая сетка железных дорог. В перерывах между выбросами и приступами активности «фауны» дорожные бригады чинили рельсы, подсыпали щебенку. Так что по сигналу тревоги надо было загрузиться в бронепоезд, пройти почти сотню километров, отстреляться по пузырям и ехать домой.

Но решить проблему зоны не получалось, и каждый раз, когда над её центром зеленел воздух, предвещая новый выброс, приходилось поднимать по тревоге команды обзмея

их бронепоездов и дюжины патрульных дрезин.

— У кого-то есть идея получше? — спросил Иваныч.

Чиновник вздохнул.

— Шкуртин!

Один из пулеметчиков по правому борту с недоумением оторвался от бойницы — ну от меня-то что надо?

— Ваш брат хочет стать вице-мэром Павлограда?

— И что?

— Обстановка!? — команда Иваныча вернула пулеметчика к осмотру территории.

— Ваши с ним фотографии теперь там на каждом углу, — пояснил Виктор Андреевич.

— И что в этом плохого?

— Только хорошее, исключительно полезное дело, — в ответе Семерещенко преобладали официальные интонации, — И у Ермольцева из второй башни какой-то родич имеется, по линии жены, тот вообще в думские депутаты рёт. Э-это что за...!!?

Чиновника насторожила змея, не поймешь какой длины, которая легко, будто по песку, скользила по вершинам берез.

— Пустышка, призрак ужа, мы таких не стреляем, — успокоил его Иваныч, — Так что там с депутатством?

— А что, что смотрят умные люди на эту ситуацию вокруг зоны, и думают — а не сделать ли из неё вполне себе социальный лифт.

— Мы и так не бедные...

— Кто о вас говорил? Только серебро тырить умеете. И не надо на меня волком смотреть, деньги на коттеджи у вас из воздуха берутся!? — Семерещенко на секунду оторвался от бойницы, уж больно чесался затылок от добрых взглядов попутчиков, — Одним словом, на ваши героические места теперь много претендентов.

— Они тоже герои? — начал было Иваныч, но тут до поезда докатился отзвук взрыва. Пулеметчикам ничего не было видно, и только в перископ командир углядел дым на параллельных путях и летящие куски металла.

— Мартын всё.

— Как!? — не поверил Серёга, — Не может быть, он же...

— Отставить разговоры!

Бронедрезина — единственный вагон с маленьким двигателем и пушкой — шла по параллельным путям и отчасти разведывала ситуацию, отчасти отвлекала внимание «фауны» от основных игроков.

Иваныч оглянулся на Семерещенко — этот человек был тут явно лишним, и вообще инспекция в этот раз была совершенно не нужной. Но выкинуть его из вагона он не мог — это корреспондентов можно было терять по дороге или очень богатых туристов, а чиновников следовало привозить живыми.

Железное правило.

— Холмы вот-вот, — осторожно заметил Серёга, и командир кивнул, потянулся к рупору переговорника.

— Задняя первой, переднее страхует!! — проорал он в маленькую жестяную воронку, и по трубках голос добрался до башен.

Из-за гребня редкой толпой попёрли какие-то игрушечные, невсамделишные монстры. Они походили на старую компьютерную графику, и, казалось, сейчас рассыпаются на пиксели. Но бежали быстро, и вот уже похожие на зубров существа норовили боднуть бронеплощадки.

Пушки работали слаженно, отстреливая монстров, но один таки исхитрился прыгнуть и, не обращая внимания на пулеметные очереди, ударил рогами в борт.

Глухой скрип, еле ощутимое покачивание вагона, и все — бык скатился с насыпи.

— Бодро они сегодня, — заметил седой кондуктор.

Чиновник постучал по внутренней стороне брони.

— Что у вас там? Между слоями стали?

— Не на дураков напали, бетон с ладонь шириной! — Серёга был готов соскочить с поезда и перестрелять еще с десяток «быков».

Чиновник удивился.

— Так что у вас там по героям? — продолжил Иваныч, и было видно, что он уже изрядно на взводе, — Добровольцы есть?

— Есть, есть добровольцы, — успокоительно-издевательским тоном ответил Виктор Андреевич.

— Так чего ж нас просто не поменяли на каких-нибудь депутатов? Вот сегодня бы и работали уже... Или проблемки имеются?

Чиновник промолчал.

— Храбрых да глупых много. А как насчет лояльности? Сколько добровольцев бракуют? Правый борт, валим ивы! С чего бы ваших вот так взять и пропустить?

Пулеметы дали несколько очередей, ложные ивы рассыпались кучей насекомых, но против ожиданий, не облаком саранчи, а всего лишь тараканами. Но и это было маленькое удовольствие — бэпо резко сбавил ход, видно, проверяя площадкой пригодность колен.

— Вот с этого и начинать надо было, — чиновник тоже «заводился», — Если вы тут все потомственные токари и сталевары и никого другого видеть не хотите, то это уже дискриминация.

— А все остальные покупаются больно легко, — Иваныч прислушался к тихому ходу поезда, — Слишком им все здесь в кайф.

— И что же именно? На что ловятся?

— Ну, про верующих сам спрашивал. Этот, как, его, «антропный принцип» — человек живет, когда техника умирает. Стало быть, здесь все для человека и вселенная имеет смысл, предназначение. Вот верующие сюда и прутся. А про шаманов и говорить не хочется.

Тут все услышали легкий свист — и командир площадки немедленно прижал к уху один из жестяных рупоров.

— «Тоже наш» принял передачу — «шарики» на своем месте.

Одна из дрезин добралась до места первой и выдала салют, который заметили на поезде-дублёре. Команда повеселела, а на удивленный взгляд чиновника командир выдал пояснение.

— «Литерный А», который первым построили — это «Наш бронепоезд», а «Литерный Б» — «Тоже наш бронепоезд».

— Краской снаружи эту информацию написать лень? — язвительно отозвался чиновник, поглаживая подкладку пальто.

— Для наружных работ красочка еще не гостирована, — фыркнул Серёга.

— Кроме верующих серьезно, — продолжил лекцию командир, — есть еще куча геймеров, приколистов и дебилов разной тяжести. Им тоже кажется: раз человек остается живым, значит, тут всё для него. Очков хотят заработать.

Бепо тронулся, и чиновник снова прильнул к бойнице.

— И третья категория, это, чтоб их всех, те, кто техники боится. Кто роботов опасается.

— Так и в неё и вас можно записать, — выдал комментарий Семерешенко.

— Не понял?

— Вы когда последний раз за токарным станком работали?

— Вчера, например, — удивился Иваныч.

— Передергиваем, Андрей Иванович, — чиновник ухмыльнулся, — Бронепоезд почти целиком автоматами делается, и у себя в депо вы только гайки вытачиваете. Проект его только на компах дорабатываете, что такое «кульман», наверняка уже и забыли. И кисти для ручной покраски на сувениры позагоняли — в депо сплошные пульверизаторы. Так что если ваш дедушка был токарем, а папа стекольщиком...

— За стекольщика ответишь, — буркнул кто-то из пулеметчиков.

— ...это ничего не меняет. Роботов вы все тут боитесь.

Командир промолчал — слишком был занят разглядыванием местности.

Бепо атаковали ещё несколько раз. Налетали твари типа летучих мышей, но испугались пулеметов и быстро отстали. Вылезла какая-то огнемётная нечисть — пузырь на сотне коротких ножек. Её успели продырявить ещё с головной бронеплощадки, и пламя только опалило броню, но ничего не расплавил. Жабы, с двух сторон обсевшие колею, плевались едкой слюной, и Шкуртину пришлось менять очки — капля кислоты начала проедать стекло.

По счастью, вся фауна в зоне была довольно тупой и реагировала отчасти на людей, отчасти на сложные, щелкающие механизмы. Учиться она тоже не могла, потому как существовала только те несколько суток после выброса, когда зрели «шары». Серёга в который раз замирал от ужаса при

мысли, что среди этих тварей окажутся телепаты, они пошарят в головах экипажа и начнут разбирать пути.

Командир на несколько секунд отлепился от перископа.

— Подъезжаем к центру, сейчас глюки начнутся. И ты, Виктор Андреевич, будешь молчать, ясно!? Должны тебя вернуть, не должны — с пулей в голове ты на меня в суд не подашь!

Чиновник только поднял руки в шутовском жесте — дескать, сдаюсь.

Дрезина Патладзе была на месте уже с полчаса и всё салютовала из своей единственной пушечки. Десятый залп, пятнадцатый и всё — орудие издохло. «Шарики» обнаружили приблизительно там, где их и ожидали увидеть, так что бронепоезд даже не поворачивал — будто по солнечному лучу спускался в самое сердце звезды.

Всем было бы легче, прими галлюцинации вид обычных миражей, искажений пропорций или, на худой конец, утреннего похмельного бреда. Но зона потому и была «антропной», что в её центре раскрывались души людей. Психологи написали уже центнеры монографий, издали тонны методичек, чтобы объяснить личному составу, как надо думать и вести себя в подобных обстоятельствах. Правда, когда сами знатоки человеческого подсознания отправлялись в круизы на бронепоездах, частенько уезжали потом на отдых в смиренных рубашках.

Единственное, что помогало от напештываний, от желания оглянуться, от видений — это крепкая хватка пальцев на рычагах, проверка всего и вся. Что видится, должно и слышаться, что осязается, обязано иметь запах. И все, что чувствуется, должно быть на своём месте. Человека можно обмануть многими путями, но к истине ведет больше дорог... И еще помогали курсы психоделиков, которые проходили в депо: даже под кетаминном или кислотой надо было уметь ориентироваться и принимать верные решения.

Была в этом хаосе и полезная сторона: фауна в таких местах уже не водилась, и экипаж постреливал скорее для успокоения нервов и только из пулеметов.

Место, где чаще всего раздувались пузыри, раньше было городским рынком. Между холмами, на которых красовались жилые кварталы, изгибалась теснина, и в ней сам собой вырос базар, который со временем облагородили, превратили в место, где приличные люди и даже солидные господа могли оставить деньги. Но еще во время первых операций снесли все киоски, все павильоны и торговые ряды, выжгли всю ту суетливую архитектуру, которая свойственна любому торжищу. Позже снаряды размолотили стены, а сотни рабочих уложили на грунт бетонные плиты. Днём солнце раскаляло их так, что невозможно было дотронуться. Получился изогнутый аэродром для неведомого, который люди каждый раз превращали в кладбище. И над серединой бетонной площадки висели неправильные подобия мыльных пузырей — несколько дрожащих сфер, выдутых невидимым великаном.

Оба «литерных» должны были подойти к теснине почти одновременно.

Иваныч, поминутно чертыхаясь от ощущения ножек сколопендры у себя на спине и прищуриваясь, чтобы пейзаж не превратился в «накрытую поляну», уже видел рубку «Тоже нашего». Манёвры были отработаны уже много раз, дублирующие поезда брали «шары» в клещи и расстреливали с безопасных ракурсов — чтоб друг в друга не попасть.

Но «Тоже наш...» вдруг начал тормозить, будто перед ним кончился путь, а потом взорвался котел. Взрыв был не картинный, без разлетающихся колес и вспышки пламени. Просто паровоз подпрыгнул, из-под брони вниз ударили струи пара, дыма, так же паром плюнула дымовая труба, и все было кончено. Бронеплощадки уцелели, но там тоже творилось что-то неладное. В головном «бронированном вагоне» орудие кормовой башни вдруг повернулось и разнесло носовую. Из бойниц стреляли во все стороны.

Это не могло быть галлюцинацией — слишком много подробностей, слишком всё чётко, реалистично, при том без приступа паники и без чрезмерного, ледяного спокойствия. И котлы никогда раньше не взрывались.

— Но вы ведь всё-таки воровали серебро? — голос чиновника изменился, будто здесь был не бронепоезд, а его собственный кабинет, — И бухгалтерские программы давным-давно определили вашу убыточность...

— Серега, уйми козла! — Иваныч не отрывался от перископа и уже тянулся за рупором, отдавать команды башнерам.

Помощник командира в ответ только захрипел, и ниже подбородка у него появилась вторая улыбка. Пулеметчики обернулись, пару секунд разбирались, не глюк ли это, и начали стрелять. Только от пуль было маловато проку: чиновник будто вспотел, взмок, и от тонкой пленки на его коже рикошетила медь. А сын стекольщика вообще ничего не видел — его глаза стали целиком прозрачными и не улавливали света.

Поезд резко затормозил и удар по ногам, в подошву, подсказал тем, кто еще был жив, что и у «Нашего...» взорвался котёл.

— А ведь надо оставаться людьми, командир, — из ладоной Семерещенко вырвалась молния и ударила в переборку кормовой башни, — Так почему же вы изменяете своим? Работаете скорлупой у машинного разума? Отвлекитесь, скажите мне.

Иваныч ничего не мог сделать, его как сковало, будто привинтило к основанию бронеплощадки. Он только смотрел на шамана, из рук которого была готова вырваться вторая молния. А в голове бешеной юлой вертелась мысль — как же, это же должно было случиться, но почему он не слышал, не знал ни о чём подобном.

Выстрел. Сухой, короткий хлопок из старенького, допотопного «нагана», который болтался в кобуре у кондуктора. Лицо чиновника — или это никакой не чиновник? — раскрывается изнутри. Только особенности анатомии заливает кровь, и труп господина Семерещенко не может служить наглядным пособием.

Молния с его руки ушла в пол.

Иваныч рванулся к рупорам переговорника.

— Огонь! Быстрее накрывайте её!! Мы никуда уже не поедем!!!

В носовой башни бронеплощадки и так всё понимали. Орудие успело развернуться, и пузырь, переливавшийся блеклыми разводами, как бензиновое пятно, получил свой импульс. Калибра в двести пятнадцать миллиметров хватало даже при заряде из черного пороха.

Пузырь втянулся сам в себя, будто фокусник заставил цилиндр спрятаться вслед за кроликом. За ним начали схлопываться остальные «шарики». И тут по вагону залепили с «Тоже нашего». Удар по ушам и разлетающиеся во все стороны задвижки, клеммы, ручки — бетонная прокладка выдержала попадание, но внутри всё затрясло, как в ящике с хламом, если по нему стукнуть кулаком. Командовать в дуэли двух пушек было глупо, Иваныч с кондуктором бросились к уцелевшему пулемету — вдруг из него удастся выдать хоть одну очередь — но прежде чем успели прицелиться, выстрелило орудие с «Нашего...» — и уцелевшая бронеплощадка «Литерного Б» поднялась в воздух.

Такое могло быть, если попадали в укладку.

— Командир! — Тимохин ударом ноги открыл изнутри дверь в башню, — Чё за дела?

— Шаманы нарисовались, — с командным голосом у Иваныча сейчас были сложности, — Котлы подорвали нам, людей под контроль взяли, смотри, — он закаплялся, — Сейчас поезд «чистить» будем, может, кого из наших спасём. Экипаж, личное оружие на одиночный огонь — и вперед.

В те несколько секунд, когда открывали внешние двери и прокручивали барабаны в револьверах (все равно ни один пулемет не работал), Иваныч посмотрел в зенит сквозь продырявленную крышу командирской башенки. В дневном небе мерцала звезда — яркая, и нипочем ей был солнечный свет. Это поворачивались тысячи элементов солнечных батарей на орбитальной станции, сверху давали знать, что зона не расширяется.

Следующий час был хоть и напряженным, но всё уже кончилось. В железобетонных коробках они нашли только трупы. С дрезины Патладзе подошли двое, но для них диверсия была такой же неожиданностью, как и для команды бепо. Повезло только лошадям — в этой жуткой катавасии не погибла ни одна. Скоро должны были подойти резервные поезда, и наверняка сюда уже мчались оставшиеся дрезины — в такую ясную погоду сверху видели все.

Осталось только сидеть в тени вагонов, курить, и пытаться хоть немного расслабиться.

— Этот урод мне сразу не понравился, хотел я его еще на станции в минус определить... — «дядя Миша» пытался доказать Иванычу, что мог в зародыше остановить сегодняшнюю беду.

— Успокойся, никого бы ты там не грохнул. Путанул бы, так, может, они бы в друтой этот финт провернули. А так проблему решить смогли. Ведь едва отбили, и ребят сколько легло.

— То-то и оно, что «сдва», — сокрушался кондуктор, — эти сволочи, «гуманитарии», целый заговор снарядили. И как они колдовать намастырились?

— Узнаем, всё узнаем, — Иваныч говорил с трудом, — Лучше скажи, у Серёги кто остался?

— Да никого, командир. Сколько раз говорил — с нашей работой, если семьи нет, от тебя только фотография на сайте останется. Хорошо хоть ему «клонирование» купил, этот оболтус ткани согласился сдать.

— И куда теперь ребеночка? Серёга, кажется, уже два года как сирота? К себе возьмишь?

— Сам не потяну, а детям сейчас не до того — только внуков на ноги поставили, отдохнуть хочется. Лучше я его в «инкубатор» отдам. Машины, конечно, не фонтан, но ребят честных воспитывают.

Иваныч молча кивнул, затягиваясь сигаретой. Пусть нормальным обывателем вырастет, без заскоков. Может, снова на бронепоезд пойдет служить. При случае, его и в семью могут взять, пока не вырастет.

А, главное, в «инкубаторе» он точно не станет шаманом. Откуда бы не повывлазили сегодня эти сволочи.

Июль 2010

ЮЛИЯ СИРОМОЛОТ

ОПЕРА ГОЛОВОНОГИХ

оутру, прохладные щупальца свивая, краснеет...»

Поутру, потягиваясь сладко. Поутру, в доме без входной двери, только с занавеской. Поутру, когда все вокруг — свет.

Я лежу, смотрю на золотые сети на потолке. Это солнце закинуло их и ловит, вылавливает тяжелую сонную рыбу — меня. Само солнце ещё низкое, ещё апельсиновое, но свет белеет с каждой секундой, и сети его бегут, порожденные водой.

Ловись, ловись, большая золотая рыба-человек, змейкой вылезай из-под покрывала, беги по скрипящим циновкам, не оглядываясь, потому что все уже впереди — и солнечный шар, и море, а в море Марко, он встает затемно, а ещё в море наш Риф, и вся его живность, и рыбы, и в глубине — госпожа Йессез, головоногий друг.

Так получилось, думаю я, плывя в утренней воде, что этот мир мне пообещали, когда я была ещё совсем маленькой. Мол, будет тебе и то, и это, и каникулы на Луне, и мгновенная связь, и книги на кристаллах, и легкость одежда и свобода духа...

И почти все это у меня есть, не считая, может быть, каникул на холодной Луне.

Но вот чего никто из обещавших не мог вообразить, — я прыгаю на одной ноге, выгряхивая воду из уха, — чего никто-никто из вас... не мог даже вообразить... хотя почему же? Всякие там октоподы... но для этого мне надо было бы заковаться в броню и пролететь в пустоте три тыщи черных световых лет...

А я здесь, на теплой Земле — повязываю волосы лентой, набрасываю халат, и, пока закипает чайник, захожу в нарочно пустой и просторный «кабинет», где мерцает монитор живого журнала, а в окошке мгновенной связи светится фрактальными спиралями знакомый юзерпик.

Госпожа Йессез, головоногий друг, доброе утро.

И никаких октоподов.

Я не знаю, как там у нее, в глубине — какой у нее дом под водами. Я там никогда не была. Марко был, это он протянул от пещер кабель и поставил

в глубинах какие-то хитрые термальные батареи. Непросто вообразить, какова ее жизнь — на самом деле. Мне-то представляется, что это пожилая иностранка — мудрая, спокойная и любознательная. Она иногда делает забавные ошибки в грамматике и смешно подбирает слова, но за ними я не вижу, как медленно колышет мантией женская особь *Megaostopus sapiens*.

Я говорю с ней. И это странно. И она мой друг.

У меня был друг собака, друг кот — это иное. Даже дельфины, быстрые разумом, не такие, нет.

«Доброе утро, дитя Ирина. От Сэма есть ли новости».

«Доброе утро, госпожа Йессез. От Сэма было письмо вчера, он уже в дороге».

«Долгая дорога. Ему бы скорей приехать, было бы хорошо».

«Он рад будет вас увидеть. И я тоже».

«Опасайтесь, дитя. Я старая иссиносой, мать многих оссо, далеко не лапочка. И мне придется вынуть свои старые мускулы на ваш белый свет. Все ради Сэма. Ради Сэма все».

Все ради Сэма, господина Томори, которого я и сама-то не видела живьем, только читала его историю. Он был наладчиком компьютерных систем в Первой абиссальной колонии, ее построили, когда обнаружили оссо. Или они нас обнаружили — ведь огромные головоногие первыми заговорили с нами. Оказалось, что это не так уж сложно... Но эти оссо все были тяжело больны и не знали средства от своей болезни. Биологи из поселения тоже один за другим заболели вялым параличом, вроде полиомиелита. Их, конечно, эвакуировали, и на поверхности все благополучно поправились. Кроме Сэма, который оставался в поселении дольше всех, потому что последним из оссо был ребенок. Малое осьминожье дитя. А Сэма болезнь долго не брала. Вот он и остался — беседовал там с ним, за руку вроде как бы держал. А потом в опустевшую колонию явились другие оссо — как-то так вышло, что они промедлили, и забрать теперь можно было только кладку яиц, вот среди этих других и была госпожа Йессез. Она долгие годы оставалась в глубинах — помогала вырастить молодых оссо, потом была посредницей между своим народом и нами, а теперь захотела повидать Сэма.

«У нас разные сроки, дитя Ирина. Разное время. У Сэма куда быстрее, так?»

«Так. Но он все еще вполне бодр, насколько я знаю».

«Ох, ох. Я-то уж не бодр».

«Марко сделает пандус, читтичай. Вам будет удобно». «Читтичай» — это близкая уважаемая родственница, но не мать. «Бабушка», «тетупка». Мне нравится это слово, хотя языка оссо я не выучила — он не человеческий, не помещается во мне никак.

У нас в доме нет входной двери — только бамбуковые занавески, и море плещет в стены со всех сторон, но сейчас плеск особенный — это Марко

вернулся с утреннего обхода и прошел в дом, оставляя мокрые следы. Любимый муж, Марко-молчальник.

«Марко пришел. До связи, читтичой Йессез».

«До связи, дитя Ирина».

Ах, Марко, Марко. Если б можно было тебе написать. А ты бы написал в ответ. Что угодно, хотя бы «До связи, Ирко». Вот был бы праздник.

У маленькой меня мир был как ящик с чудесами — только руку запускай. Вот, например, язык глухонемых. И то, как они обязательно друг друга трогают за плечо, чтобы заговорить. Казалось, это очень важно — ведь нельзя сделать вид, будто ты не слышишь. А ещё это просто красиво — плавные быстрые жесты. И вот теперь у меня есть и язык глухонемых тоже. Но только Марко не трогает меня за плечо. Он ест мою еду, пьет со мной чай и сливовое вино, он ложится со мной рядом в темноте. Но пальцы его молчат, и сам он молчит, а все остальное — это просто до слез, и не будем об этом.

Я стараюсь не плакать. Все рано или поздно проходит, сказали врачи, пройдет и это. Травма есть травма, хорошо, что не лежа жем и собой владеет, а время лечит... Тем более, что у Марко есть море, работа, ну и я тоже есть. В общем, ничего страшного. Он не буйствует, он погружен в свою тишину. Но и я зачем-то при нем. Иногда я не знаю, зачем.

А вот если бы ты был женат на оссо, злобно думаю я в спину Марко, было бы в самый раз тебе. Оссо не говорят вслух. Ну, во всяком случае, слышимые звуки для них не самое важное средство общения. Только представить себе: по дому медленно ползает важная, влажная пучеглазая чотта, которой совсем не надо, чтобы ее драгоценный моммо разевал клюв... то есть, рот...

И тут меня, как говорится, пережнуло. Я как была с чайничком в руках, так с ним из кухни и вышла.

Мне нужно было посмотреть на это ещё раз.

Однажды я видела, как поет читтичой Йессез.

Когда я ей пожаловалась на то, что вот-де, у мужа посттравматическое расстройство, так и так, она сказала, что увы, сочувствует мне, но толком понять, как это обделяет — не может, потому что оссо редко выражают чувства в словах. У них отличное зрение, даже на больших глубинах они различают цвета, и потому издревле «разговаривали» всем телом, меняя окраску. Звуковая речь у них возникла достаточно поздно — примерно, как у нас письменность. И до сих пор звуками оссо говорят о науке, о философии, о делах и планах. А для любви остается древний язык. «Я вам покажу, дитя Ирина», — сказала она, и я впервые увидела ее — не юзерпик, а саму госпожу Йессез.

Я нашла эту запись и стала ее смотреть, даже не присев.

Тогда мне было страшно.

Скорее — страшно, потому что... ну вот представьте: существо размером с корову, больше всего похожее на бурый мешок, посреди которого

мерцают кошачьим светом дивные прекрасные глаза, вдруг эдак вытягивается спереди, а сзади раздувается, причудливо извивает огромные сильные щупальца, и по всему этому чуду-юду вдруг начинают пробегать волны красного, желтого, пурпурного, почти черного цвета, оно бледнеет и становится голубоватым, как зимний фарфор, потом щупальца устраивают отдельную пляску, и от всего этого начинает головокружительно звенеть в ушах...

Теперь я не боялась.

Я поставила чайник, вытянула руку, помавая в воздухе. Небось, и глаза выпучила, как моя почтенная подруга. Не знаю, чего я тогда хотела — ведь понятно же, что человеку не петь, как оссо, а уж там, где не можешь поговорить даже на пальцах... Но, кажется, я думала тогда так — ведь Марко живет в море, морем, и если он не видит и не слышит меня — может быть, он услышит, если читтичей Йессез...

Если ее попросить.

Это было так нелепо, что я не могла отделаться от этой мысли весь день. Я считала меченых рыб в своем секторе рифа, проверяла, как кораллы реагируют на лечение от «черной ленты», сделала два полных анализа воды (из разных слоев пробы, поэтому два) — а сама все думала: вечером соберусь с духом, попрошу госпожу Йессез — пусть она с Марко «поговорит» — ну, может быть, что-то, толк какой-то будет.

А вечером и просить не пришлось. Не до того стало: Сэм приехал.

Я никогда раньше не видела его, ну да, я же говорила. И очень взволновалась, конечно, потому что Марко вдруг поднялся прямо от рабочего стола — я ничего такого не услышала, а он — да, и вот уже — фrrrrr! — скутер причалил, и Марко гостю руку протянул.

Я думала, что он глубокий старик — дряхлый и мягкий, как губка, одни глаза живут — так воображалось. И он в самом деле был старый — совершенно лысый и морщинистый, с пятнистой от возраста кожей, но похож был скорее на полированное дерево. На посох. А то и на копые. Уж если совсем точно, на дротик — ростом он был невысок.

Я, как маленькая, пялилась на его «браслеты» — выше и ниже локтей, над голыми блестящими коленями и под ними у него были застегнуты черные, мягкие на вид, будто резиновые ленты. От этих лент под кожу уходили плотными рядами шины биомеханических усилителей. И на шее у него был такой же «воротник», застегнутый на три перламутровые кнопки.

С помощью мужа Сэм выбрался из скутера, вытащил оттуда легкую металлическую трость-костыль. Кажется, он хотел обнять Марко, но тот очень быстро отвернулся, и господин Томори просто погладил его слегка по спине. Не знаю, что старый учитель думал о своем ученике в эту минуту. Ну, а я просто поклонилась как можно ниже. Поскользнулась и раскорячилась не хуже морской звезды. Марко этого не видел, он уже скрылся в

доме, и Сэм помог мне подняться. У него и наощупь рука была как дерево — твердая и крепкая. И так, рука об руку, мы вошли в дом.

Если бы Марко хоть как-то общался с нами, я бы так не суетилась. А тут и чаю с дороги, и — не притащить ли компьютер в гостиную? Или провести гостя в кабинет — чтобы он хотя бы поздоровался с почтенной Йессез? Или сначала чай? Или отдыхать? Удобно ли сажать его прямо на циновки? Не будет ли скользнуть бамбуковая плетенка? И так далее, и тому подобное. Ужасно, конечно. Но, по счастью, это было недолго. Сэм сам себе составил расписание — и уже через полчаса и читтичой была извещена о радостном событии, и чай заварился, и мы уселись в гостиной. У господина Томори была только некоторая жесткость в движениях из-за биомеханики, но и трость не скользила, и сидеть на наших жестких подушках ему, кажется, было вполне удобно.

— До чего же прекрасное у вас жилище, — сказал он, вытирая лоб после чаепития. — Надеюсь, мой подарок будет с ним в гармонии. Марко... эээ... уважаемая Ирина, милая хозяйка, не сходите ли вы за пакетом? Он в скутере. Только очень прошу не открывать снаружи.

Пакет был тяжелый. Марку из него достался большой планшет — он тут же вскрыл коробку, достал его, вынул буклеты... взял все в охапку и ушел к себе — осваивать.

А мой подарок... Я даже не сразу поняла, что это. Оно было упаковано в бумагу. В серебристо-серую, с узором ивовых листьев. А внутри — пять свитков, пять туго скатанных, вытянутых, причудливых, как цветы гладн-олусов, и я ведь только дотронулась, а они будто сами собой развернулись, и я оказалась с полными руками прохладного, крепкого, тонкого — настоящего, от дерева и червя — шелка, цветом через бледно-алый до темно-лилового.

Пять легких одежд. Ага, как в детстве. Пять прекрасных легких шелковых... Ох, как же это может быть?

Сэм, господин Томори, видя мое остоленение, слегка кашлянул.

— Я...эээ... в некотором роде прихожусь вам могтатэй...

Ну да. Теперь у меня не только читтичой есть, а ещё и дядюшка... почтенный старик...

— Как сказали бы мои друзья-оссо... Уж конечно, не платяя дарят они своим лноттагай, если дарят вообще что-нибудь... но давным-давно у моих далеких предков было принято старикам поступать именно так. А в этом доме и вовсе будет уместно, так мне казалось.

— Но шелк? А тут вода повсюду? Да ещё соленая...

Сэм рассмеялся.

— В старинных романах у нас, знаете, дамы, надев не по пять таких, как я вам привез, а по десять-двенадцать, да ещё из шелка покрепче этого, читали печальные стихи о рыбачке, что в заливе Сума соль добывает из рукавов.

— Так вы нарочно, могтатэй Томори?

— Нет, дитя моё. Нет, конечно. Я вовсе не ожидал, что будет вот так. Часто плачете?

— Нет. Не вижу смысла. Но...

Он покачал лысой головой.

— Но вышло, конечно, неловко. У меня нет сыновей и дочерей, нет внуков, но есть ученики, много... и я их люблю... и очень, очень грустно мне видеть Марко за этой его стеной. Простите старика.

— Это вы меня простите, глубокоуважаемый. Такого подарка я и ожидать не могла, вот и растерялась. Я их завтра надену — встречать госпожу Йессэз.

— Онгэй Йессез, — вздохнул старик. «Из одной кладки» это означало, примерно — "сестра". — Очень она постарела?

— Не знаю. Я ведь не видела ее раньше. Так или иначе, она обещала непременно прийти. А я не знаю даже, чем ее угощать.

— Не беспокойтесь, это уж как-то решится само. В конце концов, не пировать же мы собрались. Да и готовить для онгэй будет вам трудновато.

— Сложная кухня? — до этого мне в голову не приходило подумать о еде или расспросить госпожу Йессэз...

Сэм широко усмехнулся.

— Нет, хотя и вкусно. Ну, я так считаю, что вкусно, но это сырая рыба в основном, знаете ли... Много рыбы. Ведь оссо очень, очень большие...

Он так мечтательно говорил об этом, а я ужаснулась, представив, как я потрошу и нарежаю на саппими огромного тунца, например — почти с меня ростом.

— Ну нет, нет, — сказал Сэм, словно мысли проступили у меня сквозь кожу, как цвета оссо. — Как-нибудь уж это устроится. А пока не откроете ли ещё вон ту коробку, я вам японских сладостей привез...

Прекрасный был вечер, но к ночи у меня разболелась голова. Я давно ни с кем не говорила, вот что, я много недель подряд только стучала клавишами и ловила неподвижный марков взгляд, и теперь слегка захмелела от того, что Сэм разговаривал со мной. Он, кажется, заметил это. Он вообще все замечал. Да и немудрено — в бамбуковом доме, где все насквозь. Поэтому вскоре попросил позволения воспользоваться нашей сетью, и я, проходя несколько раз мимо "кабинета" туда и сюда видела его сидящим на полу с ноутбуком на коленях — сосредоточенного и довольного, видимо, он уже разговаривал со своей любезной онгэй.

Я же легла и долго слушала, как море поплескивает о сваи. Потом тихо, как привидение, почти не потревожив постели, пришел Марко. Просто лег и затих. От него пахло соленой водой и тьмою.

Как будто море легло рядом со мной.

«Она здесь!» — может быть, кто-то сказал... Сэм? Ну не Марко же заговорил! Или мне приснилось — мне, конечно, снится иногда, что он опять смеется и говорит, но тут, кажется, я просто вовремя проснулась.

Она — здесь.

Яркое солнце. Огромные блики на воде. Сэм, тощий, как иероглиф. Марко... как нетерпеливый пес — на краю причала, на четвереньках, смотрит в глубину.

Она появилась медленно, словно сама вода поднялась горбом и не растеклась, шипя. Огромная серо-голубая масса... туша, нет, тело, словно живой прилив, громадные щупальца — нет, вообразить это все равно нельзя, это можно только увидеть — она пришла. Могучим плавным движением подняла полтонны своих чудовищных мускулов из воды, мгновенно налившись тяжестью суши — и все же это было так изящно, как будто она проплыла над настилом и опустилась на него легко, как бабочка.

Настил крикнул.

— Йессез, прекрасная сестра, — сказал Сэм. — Ты пришла.

Огромная могучая оссо была действительно прекрасна, хотя у меня не нашлось бы слов, чтобы объяснить, почему. Потому что так легко свиты в спирали и уложены волнами ее «руки» — толщиной в две мои, длиной в несколько метров? Потому, что так точен, как у старинных ваз, рисунок линий ее необъятного тела? Или потому, что она слегка повернула голову и взглянула на меня глазами цвета океанской воды в полдень, с обведенными золотом полосками зрачков — нечеловеческими глазами, но взгляд их был радостен.

В ухе тихонько зажужжало. Я вспомнила, что Сэм дал мне систему для переговоров.

— Ирина, дитя людей, вот ты какая, — сказала госпожа Йессез. — Как хорошо, что я добралась. Как я рада вас всех видеть.

Она повернулась к Сэму, и голос у меня в голове зазвучал глуше.

— Сэм, старый друг, мы так давно расстались. Меня, наверное, не узнать!

Сэм глубоко поклонился, медленно сел. Госпожа Йессез бережно, почти незаметно придержала его трость. Он уперся в плотно свитое щупальце. Оссо смотрела теперь ему прямо в глаза, и я услышала, как Сэм ответил:

— Как не узнать, когда ты такая одна, — сказал он. — И ты все равно прекрасна, химэгими.

«Принцесса», — так он сказал. Принцесса. И я вдруг поняла, почему. Что за красота в ее облике и кого она мне напоминает скругленными линиями, завитками и высоким лбом.

У мамы была эта книга, "Повесть о Гэндзи", редкое издание в виде свитков со старинными картинками — и вот там на каждой странице, не возвышаясь никогда в полный рост, проплывали среди весен и осеней прекрасные дамы в многоцветных одеждах. Очертания их человеческих тел были надежно скрыты десятками широких шелковых платьев, по плечам струились длинные черные волосы — и стелились по полу, как щупальца октопода, возбуждая не страх, а восхищение. Их шелка круглились, удлиненные безбровые лица были так же загадочно живы, как "лицо" госпожи

Йессез. И, как старинный цветной шелк, мерцала и блестела на солнце плотная кожа оссо, покрытая нечеткими узорами, сходными с узором "смятение трав"... Я вспомнила о своих платьях — о тех, что подарил Сэм... а я-то хотела их надеть к встрече... и стою тут в ночной короткой рубашке...

Марко прошел мимо, неся подмышкой два больших зонта от солнца. Раскрыл, поставил над гостями и плюхнулся в воду. Ихтиандр проклятый, человек-рыба. И все-таки... показалось мне, что ли, что он украдкой погладил край живого «платья» госпожи Йессез?

«Хороший юноша», — зазвучал в ухе «голос» Сэма. — «Наблюдениям его нет цены». — «Токитоор говорил мне о нем».

Токитоор, вот как. Неважно, кто это. Кто-то из оссо. Или из дельфинов. Или, может быть, даже какой-нибудь разумный тунец. Кто-то, кто знает Марко там, в темноте. Кто-то, к кому я... ревную.

Шелковые наряды лежали в гостиной, там, куда с вечера положила. При одном виде широких рукавов навернулись слезы. Ну вот, дорогая, совсем ты раскленлась. То прыгала-летала, а то вдруг — ну? Чего? Терпение, терпение, сказано же было тебе — много-много терпения, в пять прохладных слоев, а ещё лучше — в десять-двадцать... и реветь, реветь рыбой белутой, хотя не ревет она, а ревет какой-то дельфин, которого я и не видела сроду. А рыбы молчат. Рыбам все равно. А оссо, хоть и братья по разуму, толку с того?

Сидят себе под водой, мудро светятся... и молчат...

Но здесь-то оссо говорила. Нет, я не подслушивала. Ведь и обычный разговор можно слышать из-за стены. А этот шелестел в наушнике приглушенно и отрывчато.

— ...что ты вернешься после болезни... а потом — что уйдешь...

— Да. В океане хорошо.

— Потому что вода... и мы бы сделали по-другому... без этих твоих...

— Я привык. Они по-своему удобные. Могут двигаться быстро.

— Но ты все-таки...

— Потому что стал превращаться в морского отшельника, а это не то...

— Ты выбрал суну...

Кто это сказал?

Кто? Неужели оссо, моя подводная подруга? У шепотов в наушнике нет жизни, но мне казалось, что я слышу женский голос — тот, каким читтичой Йессез должна была бы говорить, говорила в моем воображении — низкий, мягкий, гудящий, как голос моря.

— Ты выбрал суну, — сказала она. — Где у тебя боль в мышцах, костыли и железо. Не жалеешь совсем?

— А ещё у меня тут ученики, солнце... я к нему привык. Но если честно, онгэй... да ты и так знаешь: здесь прекрасный мир. Не хватает только тебя.

В наушнике зашуршало. Может быть, Йессез рассмеялась. А может, просто помехи.

— И мне тебя не хватает там, Сэм. Скажи, это ведь очень странно?

— Странно, дорогая моя, конечно, ещё как странно... но что уж! Вся жизнь с этим прожита. Сидим себе вот так у воды на солнышке, каждый почти в своем доме — и рядом. И то хорошо.

— Молодым легче, — отозвалась госпожа Йессез. — Брахистат, термокожа — и добро пожаловать в океан, вот Марко...

Тут-то я и окаменела. Как коралловый риф.

Вот, значит, как оно будет. Как не было с Сэмом Томори. Теперь, если тебя распирает боль, если глазам невозможно смотреть на солнечный свет — все решается просто. Раз-два, сунул в нос псевдожабры, натянул термокостюм почти невидимый — и буль-буль! Это раньше в море топились, а нынче становись себе морским отшельником, бедный израненный Марко! Море лечит! Море вылечит! Море и морские холодные твари, а не я.

А я что же?

А как же я?!

А я — одна!

* * *

— Ай, девочка...

Я приоткрыла глаз. Старик Томори, пятнистый, уколищый и узкоглазый, сидел надо мною на корточках. Дневной свет лучился вокруг, но я накрылась рукавом и отвернулась. Хотелось темноты. И чтобы никто не трогал.

— Больно, — сказал Сэм. — Это я понимаю.

— Да ничего вы не... не понимаете ничего...

— Правда?

— Отшельником... в море... вы вот почему-то не ушли! А она... вас любила! И сейчас любит! А я его люблю, но он уйдет от меня туда, и все, и... ну почему так глупо??? Вы его сейчас вдвоем сманите туда совсем! Море то, океан сё, а я-то как же? И ещё помощи у вас просить хотела... дура!

Томори закричал, заклацала о настил его трость — видно, усаживался поудобнее.

— Во-первых, я ее тоже люблю. Что ни говори, любить отшельника, но все же человека — знаешь, по сравнению с тем, чтобы влюбиться навсегда в морскую принцессу... в настоящую... Так что? Будем сравнивать, кто из нас двоих...эээ?

Я тихонько мотнула головой под рукавами.

— Да. Не будем. И правильно. Теперь во-вторых: мы вовсе не явились с онгэй уговаривать или увещевать твоего Марко. Ни в ту, ни в другую сторону. Я приехал, как ты знаешь, повидать единственную... особенную свою подругу. Она приплыла повидать меня. Очень нам повезло, что есть

ваш дом... Мы оба старые и, скорее всего, больше не увидимся вблизи. Нам остается только вспоминать, как плавали в Индийском океане... ну, она-то плавала, а я так... но все же. Только вспоминать. А Марко... что бы он ни решил — он все сделает без нашей помощи, потому что это только между ним и тобой.

— Нет там меня. Между ним и... морем.

— Нет тебя, говоришь... А к кому же это он тогда выходит из воды каждый вечер?

Я высунула из рукавов пол-лица. Томори смотрел на меня искоса.

— Дитя, дитя, — вздохнул он и потер шею над «воротником». — Ему в воде ХОРОШО. Понимаешь? В воде легко. Мышцы слушаются. Тело не имеет веса. Если бы он так выбрал море, как не выбрал его я...

Тут Сэм замолчал, а потом добавил раздельно, как будто и в самом деле — ребенку объяснял:

— Он бы тогда каждый вечер к тебе не выходил.

И он ещё помолчал.

— Ну, а ещё... у вас что, разве один брахистат на двоих? Ты бы тоже...

— Нет. Я... боюсь. Боюсь глубин.

— Тогда ты можешь его каждый вечер встречать. Как сейчас.

Он был такой благостный — добрый дедушка, да и только. Очень хотелось выхватить у него трость и треснуть его хорошенько — такого уверенного в себе, такого сильного. Чтобы сравнялся со мной.

— Ну? — сказал Сэм. — Что?

— А что — «что»?

— Глядишь... акулой. Что там?

Я зашуршала и захрустела платьем — села и отвернулась. Догадался!

— Сэм, — сказала я, — ну вы же и сами видели. Ну, выходит он ко мне. И молчит. Я думала, госпожа Йессез... или вы... что-нибудь такое знаете... чтобы он... мне...

Томори закудахтал, как чайка.

— Что-нибудь такое! Да уж, пожалуй, знаю, лиоттагай... Больно ему ещё все-таки, наверное, вот и молчит.

Я все ещё глядела акулой. Томори уперся в настил, что-то в его биомеханике тихонько загудело, помогая ему подняться.

— Бывает, знаешь... иногда... что только и можешь дышать. Пых-пых. Носом. И больше ни на что другое сил не остается. Ну, я пойду, посижу ещё с онгэй.

Я потом взглянула в их сторону. Читтичай вернулась туда, где ей было легко — но из воды высывалось переливчатое щупальце, и вот за это щупальце он ее и держал. Свою систему для переговоров я выкинула в ярости где-то по пути из комнат сюда, на пирс. Но Сэм и госпожа Йессез, видно, продолжали говорить друг с другом. Вспоминали, наверное, теплый

Индийский океан, который с тех пор уже сто раз вознесся к небу и где-то за тысячи миль выпал дождем. Или друзей-оссо. Или работу. Им было что вспоминать.

А я просто ждала. Свечерело. Напротив солнца — и почти прямо передо мной — стала лезть из вод огромная луна.

И я тогда запела.

Я не певица, и голос у меня невеликий. Но над волнами разносилось, наверное, далеко. Прямо в лицо луны, в это будто вечно сонное, с полуприкрытыми глазами, неотрывно и грустно глядящее — пела, что на память пришло и вышло наружу:

I don't know how to love him.

What to do, how to move him...

Старая песня, и вся, до слова — будто про меня. Про меня и Марко — как его ко мне не сдвинуть. И про тех двоих — человека и оссо.

От дневных слез, и от пения, и от ночного воздуха у меня кружилась голова, но нужно было сказать все. Что я не знаю, как мне быть — кричать, хватать за руки, говорить о любви? О том, что это смешно, невероятно, невозможно и невыносимо, что мы и я, что он — всего лишь один из людей, просто человек рядом, но его не дозовешься, и от этого так страшно, что можно спастись только песней.

Луна поднималась быстро, я чувствовала, как желтый свет бежит по платью, по лицу, по рукам, у меня так стиснулось горло, что я не знала, пою ли, или это уже беззвучное пение, только луна и белые пятна соли на платье, опера головоногих:

He scares me so...

I want him so...

I love him so...

И я, конечно, не сразу поняла, что это такое у меня там под локтем, под рукой — тонко-скользкое, и гладкое, и взлохмаченные волосы, уткнувшиеся в шелк, и мокрым пальцем по ладони он сказал: «Пой».

Он сказал: «Мне. Ещё».

Он сказал: «Люблю».

ЭДУАРД ШАУРОВ

ТВАРИ ТВОРЦА

*А я говорю вам: любите врагов ваших...
Ибо, если вы будете любить любящих вас,
какая вам награда?*

Евангелие от Матфея

...Н

е владей ничем, кроме себя самого. Не проси ничего сверх и не ропщи на данное. Люби Создателя больше, чем тварей его. Не чини вреда тварям Господним, ибо мир земной — суть зеркало...

Парень был здоровенный, ухоженный, мускулистый; одетый по моде городских подонков и госслужащих среднего звена в серый бархатный пиджак без лацканов с пышной голографической астрой в нагрудном кармане. Он возвыпался над своими жертвами подобно морскому левиафану со старинной картинки, едва не касаясь макушкой низкого потолка подземной автостоянки, всесильный и неотвратимый. От парня остро разило дешёвым спиртным и дорогим одеколоном. Его скулы горели румянцем злого азарта, а гладко уложенные на прямой пробор волосы растрепались и висели по бокам квадратного лица жирными прядями.

Саул осторожно потрогал языком разбитые губы и завозился, стараясь устроиться повыше.

— Ну, — вкрадчиво осведомился парень, — так как, говоришь, твоё имя?

— Я уже несколько раз называл тебе своё имя, брат, — устало сказал Саул. — Господь свидетель, с тех пор оно не изменилось.

— Какой я тебе брат, гнида?! — прошипел парень. — Таких дрищей у меня в родне отродясь не было. Ты должен звать меня Ральфом. Запомнил?! Ральф! И всё!

Саул торопливо кивнул головой.

— Так как тебя зовут? — парень всем корпусом подавался вперёд.

— Моё имя — Саул...

— Врёшь! — радостно сказал Ральф.

— Какой мне резон тебя обманывать? — Саул взглянул парню прямо

в квадратное лицо и тут же отвёл глаза. — Господь свидетель, я говорю правду.

— Какой резон? — переспросил Ральф. — А такой, что ты сам себе враг. Не понимаешь ты своей выгоды, дристор. А ещё раз скажешь «господь», я тебе голову отверну, и всё.

— Я не понимаю... — обречённо пробормотал Саул.

— Тогда мы продолжим, — Ральф качнулся взад-вперёд, — пока понимать не начнёшь.

Он развернулся и пошёл к противоположной стене просторного, плохо освещённого помещения, туда, где сидела на куче тряпья белобрысая девчонка. При его приближении девчонка слабо дёрнулась, пытаясь освободить руку из наручников, пристёгнутых к вделанной в бетон металлической скобе. Ральф на ходу обернулся и весело крикнул:

— Подумай, дристор, подумай, а я её маленько побью пока!

Девчонка громко засопела, вжимаясь спиной в стену.

...Не владей ничем, кроме себя самого. Не проси ничего сверх и не ропщи на данное. Люби Создателя больше, чем тварей его...

Саул закрыл глаза...

Его подловили возле продуктового супермаркета «Мишлен». Двое парней заступили дорогу. Уже предчувствуя недоброе, Саул попытался их обойти, но сбоку появился третий.

— Здорово, дристор, — сказал один из парней. — Ты разве не знаешь, что сегодня здесь вашим не подают?

— Особенно тем, от кого говном несёт, — сказал второй.

И тут же Саула ударили в ухо. Он нырнул всем корпусом, пропуская кулак мимо правой щеки, и попытался вырваться. Будь парней трое или даже четверо, имелся бы реальный шанс проскользнуть между крепкими, но не слишком умелыми бойцами, и броситься бежать, однако парней было шестеро.

Первые двадцать секунд Саул вертелся ужом, уходя от сыпавшихся со всех сторон ударов, потом его сбили и принялись пинать. Он закрывал руками голову, стараясь напрягать нужные мышцы, чтобы уберечь рёбра и внутренности, а его сладостно топтали, возя по мокрому асфальту. Мимо бежали прохожие, скользили заскорузлыми взглядами сквозь цветные отсветы голорекламы, и торопились дальше. Полиции было тем более наплевать. Если ребята с высоким коэффициентом агрессии выясняют отношения, так пусть себе, выясняют. А если сильные бьют слабого, так это сам бог велел.

Последним, что увидел Саул перед тем, как провалиться в беспамятство, был полированный борт огромного красного фургона, а дальше на него навалилась тягучая муторная пустота. Он не помнил, как его волочили по асфальту, затаскивали в фургон, везли по вечерним улицам, не помнил, как

очутился в пустынном тупичке закрытой на ремонт подземной стоянки, не помнил, откуда взялась белобрысая девчонка. То ли её везли в том же фургоне, то ли она уже была здесь, когда Саула пристёгивали наручниками к железной скобе от снятого парковочного счётчика. Вот Ральфа он помнил. Ральф был рядом с самого начала, а всё остальное додумалось позже, много позже. Какая всё-таки нелепость...

...Не владей ничем, кроме себя самого. Не проси ничего сверх, и не ропщи на данное...

— Эй, дрищ! — голос Ральфа гулко раскатился в пустом помещении. — А ты, я гляжу, заскучал?

Саул быстро раскрыл глаза.

— Не желаешь присоединиться? — Ральф ткнул пальцем в сторону девчонки. — Шлюшка будет потом гордиться тем, что её колотила такая важная птица, как ты. Если жива останется.

Саул покачал головой.

— Нет, — сказал он, стараясь выговаривать слова внятно. — Я не люблю, когда кого-то бьют.

— А что так? — Ральф несильно пнул девчонку напоследок и вразвалку пошёл к стоявшему возле торцевой стенки большому тетрапакету с надписью «Бренди-бренд».

Этот пакет, Саул и девчонка были вершинами равносостороннего треугольника, между которыми размеренно перемещался краснощёкий громил.

— ...ибо мир земной — суть зеркало, — негромко сказал Саул. — И всякий вред, причинённый твари Божьей, останется в тебе тёмным осадком, изуродует твою душу, ум и сердце. И что ты скажешь Создателю в своё оправдание, когда предстанешь перед троном его, чтобы получить последний приговор?

— Складно, — сказал верзила Ральф, прикладываясь к пакету. — Только я ведь так и так убью эту сучку. А у тебя есть два выхода. Всего два, но они есть... Как тебя зовут?

— Саул.

Парень развернулся и сделал шаг в сторону сжавшейся в комок девчонки.

— Погоди! — поспешно крикнул Саул. — Давай поговорим.

Он смутно чувствовал, чего хочет от него парень с крепкими скулами, чувствовал и боялся.

— Давай, — сказал Ральф охотно.

Он подошёл к Саулу и присел на корточки, глядя тому в лицо:

— Как же тебя всё-таки зовут?

— Братья зовут меня Саул.

— А другие родственники?

Саул усмехнулся и тут же сморщился — подсохшая трещина на верхней губе разошлась, и во рту опять разлился солёный привкус.

— Другие называют дрищом.

— Правильно делают, — одобрил Ральф. — Будь ты порешительней, мы давно бы уже решили нашу проблему. Неужели тебе совсем не жалко девочку? Я ведь её насмерть забью. И всё. А она вроде как ни при чём.

— Жалко, — сказал Саул. — А ты её отпусти. Ведь дело-то у тебя ко мне.

— Э, нет, — Ральф пьяно погрозил Саулу толстым пальцем, — у меня ко всей вашей братии дело... Ненавижу... Дристословы, в бога мать! Вы — как вирус! Тыканный грипп-116! Весь мир пропитался вашей заразой. У меня два десятка приятелей сидят на пособии, и у всех коэффициент агрессии не ниже шестёрки, а у одного АQ даже семь и пять. А они сидят на пособии и всё. И не делают ни хрена, и не хотят ни штыря, слоняются по улицам, пьют пиво и девок валяют. Из-за таких мы уже проиграли вчистую шесть локальных конфликтов! — парень вскочил на ноги и начал нервно расхаживать взад-вперёд. — Верховья Истмена отдали, и Гаспре, и Крайо. От нас скоро вообще ничего не останется!

Саул следил глазами за возбуждённым детиной и чувствовал, как внутри понемногу закипает раздражение. Что мог знать про Истменский инцидент этот бархатный пиджак, судивший о локальных конфликтах по сводкам Службы Информации? Что он вообще мог знать про ад, мелкий служащий из департамента мордобоя?

...Люби Создателя больше, чем тварей его. Не чини вреда тварям Господним ...

Саул глубоко вдохнул и постарался расслабить мышцы. Праведник Иаким не раз учил, что раздражение — это первый шаг к насилию. Идущий по тропе злобы, измажется кровью. И ещё Иаким учил, что даже в праведном споре нужно уметь отступать в сторону.

— Нация вырождается, — продолжал Ральф, останавливаясь перед Саулом, — и я думаю, что зараза идёт из вашего проклятого гетто. Вот мне и стало интересно, чем ваши боговеры травят людей? Ну ладно, когда безвольный ублюдок с АQ в полторы единицы растекается слизью по вонючему матрасу, но когда парень с коэффициентом семь целых пять десятых предпочитает жить на пособии...

Ральф выжидательно уставился на своего невольного оппонента.

— Всё верно, — Саул несколько раз кивнул головой. — Я знаю статистику. Всего десять процентов трудоспособного населения занято в сфере госэкономики, остальные, как ты говоришь, предпочитают жить на пособии. Но причём здесь наша община? Нам-то никто никакого пособия не платит.

— Само собой — не платит, — Ральф презрительно сплюнул в сторону. — Тем, кто не желает проходить очередной тест на АQ, пособие не выплачивается. Здесь всё по закону. Проходи тест, получай пособие и сиди на шее у госслужащего. А нет — так штырь тебе, а не пособие.

— Но мы-то как раз и работаем! — горячо возразил Саул. — Каждый день кто-нибудь из наших метёт улицы или подрезает траву около

коттеджей. Как ты думаешь, что я делал возле универмага? Таскал коробки. Там сломались оба транспортёра. А чтобы их починили, нужно ждать очереди, ведь операторов ремонтной техники не хватает, и операторов для подстрижки газонов не хватает, и для чистки тротуаров. Вот эта стоянка тоже ждёт очереди на ремонт. И ждёт уже не первый месяц. Верно? А мы готовы делать любую работу, какую нам предложат.

Ральф недобро ухмыльнулся:

— Люди, которые позволяют работать дрицям без АҚ, поступают противозаконно, и однажды они об этом горько пожалеют.

— Но ведь желающих мести тротуары не так уж много, — осторожно проговорил Саул.

— Это ерунда, — Ральф присел на корточки, он был так близко, что Саул мог бы, при желании, схватить его за край пиджака. — Полная ерунда и всё. Я знаю, для чего сотни дрищей каждый день выползают из гетто и растекаются по городу... Для чего щеголяют всюду своей боговерской символикой! — Ральф ткнул Саула в грудь, прямо в крестообразную нашивку на куртке. — Уж точно не для того, чтоб постричь траву на моей лужайке.

Саул косил глаза на нашивку, широкий белый крест, двенадцать на двенадцать сантиметров, как раз над сердцем, обильно запачканный уже побуревшими кровавыми потёками. Можно было сказать, что символ Христословия — лестница, а вовсе не крест, дискредитированный целыми поколениями воинов Иисуса, что размер и цвет нашивки регламентирован органами Санитарно-караульной Службы, что без нашивки охрана просто не выпустит обитателя общины через контрольный пункт... Можно... Но стоит ли?

— Я знаю про тебя и твою общину гораздо больше, чем ты думаешь, — между тем продолжал Ральф, — Я знаю всё! Я знаю даже твоё настоящее имя... — громила сделал эффектную паузу. — Тебя зовут вовсе не Саул. Твоё имя Герберт! Герберт Форш! Войска быстрого реагирования, командир специальной группы, участник двух локальных конфликтов. Четыре правительственные награды, семь лет боевого стажа.

Саул молчал, рассматривая выпербинки в бетонном полу. Дело, похоже, принимало совсем скверный оборот.

— Ну? — почти весело спросил Ральф. — Будешь врать дальше?

— Я никогда не вру, по крайней мере, стараюсь, — сказал Саул. — Меня звали Гербертом когда-то, но это было давно, в прошлой жизни, теперь меня зовут Саул, и я имею к Герберту весьма малое отношение.

Ральф качнулся вперёд, обдав собеседника волной перегара:

— Меня это не втирает. Мне плевать, в какой там жизни... Главное то, что ты Герберт Форш, бойцовый пёс, профи, твою мать! — детина хихикнул. — Ты же мог там, у магазина, моих недоумков уложить за три секунды, чисто рефлекторно! А? И всё!

— Локальщика хорошего уровня учат подавлять рефлексy, даже автоматические, — неохотно сказал Саул, и добавил просительно. — Ты ведь узнал, что хотел, может, отпустишь девушку?

— Шас, — сказал Ральф, поднимаясь на ноги.

Он двинулся к противоположной стене, потом свернул вбок, подхватил с пола коробку с бренди, хлебнул раз, другой, поставил коробку на место и вернулся к Саулу. Парень был уже изрядно пьян, но на ногах держался неплохо и был исполнен энтузиазма.

— Никто никуда не уйдёт, — заявил он, опять присаживаясь на корточки и выуживая из кармана пачку сигарет, — пока я не закончу свой эксперимент. Можете считать себя подопытными лягушками.

Ральф прикурил от вделанного в перстень термоэлемента и протянул пачку Саулу:

— Хочешь?

Саул покачал головой.

Ральф задумчиво выпустил струйку дыма в сторону пленника:

— По долгу службы я ежедневно просматриваю файлы Кадрового Департамента и эта дрянь приводит меня в ярость. По-моему, гуманнее пристрелить парня с AQ семь целых пять десятых, чем платить ему положенное по закону пособие. С миром происходит какая-то хрень, и я хочу понять — какая именно! Ты мне чуть-чуть поможешь. И всё... Не спрашивай, откуда я про тебя узнал. Мы оба в курсе, что армейские файлы засекречены. — Детина, ухмыльнувшись, погрозил пальцем. — Но Ральф может многое, если захочет. И теперь Ральф желает знать: почему парень с коэффициентом девять и три живёт в гетто?

— Я встретил одного человека, — глухо сказал Саул.

— И что?

— Он говорил со мной, и я понял то, мимо чего ходил всю жизнь, смутно догадываясь, ощущая, но не имея ни сил, ни знания, чтобы отчётливо разглядеть, осознать. Я прозрел... Я изменился...

— Враньё! Люди не меняются! — крикнул Ральф. — Твоя вера, как таблетки транквилизатора! Но я вытрясу из тебя!.. Я заставлю!..

Он был уже на ногах. Сломанная сигарета полетела на пол.

— Ты совершаешь досадную ошибку... — начал Саул.

Парень быстро нагнулся и ударил христослова по губам тыльной стороной ладони. Голова Саула мотнулась.

— Вон, видишь? — Ральф указал на противоположную стену, туда, где, подтянув колени к подбородку, сидела белобрысая девчонка. — Если не хочешь, чтобы я забил её до смерти, тебе придётся драться!

— Я не буду с тобой драться, — твёрдо сказал Саул.

— Тогда она умрёт.

...Не проси ничего сверх и не ропщи на данное. Люби Создателя больше, чем тварей его...

— Что ж, — Саул, нагнувшись, сплюнул кровь. — Значит, такое испытание ей назначил Господь.

«Тебе тоже назначено испытание, — подумал он с жалостью. — Только в отличие от меня, ты готов завалить экзамен».

— Хорошо, святоша, — вкрадчиво сказал Ральф. — Давай думать логически. Я ничего не имею против этой шлюхи, и если она умрёт, то умрёт оттого, что ты такой несговорчивый. Значит, её смерть будет на твоей совести. Подумай.

Саул засмеялся:

— В жизни и смерти волен один Создатель. Мы только заготовки на конвейере божьих тварей, а Земля не более, чем отдел техконтроля. Здесь Господь давит матрицы бессмертных душ на прессах искусов, жжёт в печах войн и конфликтов, травит кислотой зависти. Те, что дали трещину или покоробились, летят в корзину с надписью «небытие», а те, что с честью прошли испытание, становятся жителями Светлых Миров, чистыми, как первый снег, не обременёнными ни злобой, ни горем! Не владей ничем, кроме себя самого. Не проси ничего сверх и не ропщи на данное. Люби Создателя больше, чем тварей его. Не чини вреда тварям Господним, ибо мир земной...

— Суть зеркало! Это я уже сегодня слышал.

Ральф плюнул, метя в напITYтый на куртке Саула крест, не попал, плюнул ещё раз. Саул вытер плевков рукавом.

— Меня трудно разозлить, — сказал он, осторожно улыбаясь одной стороной рта.

— Хорошо, просто отлично! — Ральф оскалил зубы. — Тогда устраивайся поудобнее, дристор. Шоу продолжается! — он сделал шаг по направлению к девушке, потом опять обернулся к Саулу. — Надеешься, что это только игра? Нет, Форш! Не игра! Читай по моим глазам! Я убью эту суку. У неё коэффициент ноль восемь. Если меня даже поймают, то приговорят максимум к трём тысячам штрафа, а за боговера, не прошедшего очередной тест, мне вообще ничего не будет! Ты можешь болтать, подставлять одну щеку, другую, но это не меняет сути дела. Я! Убью! Шлюху!

Ральф замолчал. В наступившей тишине было слышно, как всхлипывает девчонка.

«Плохо дело, — подумал Саул. — Он действительно готов убивать. Чем я могу помешать ему? Будь я пророком Иисусом, мне хватило бы десяти минут простой беседы, чтобы парень отказался от своей затеи. Будь на моём месте Иаким, девушка, по крайней мере, имела бы шанс уйти отсюда живой. Но я не проповедник, я не умею убеждать людей! Когда-то я умел убивать, теперь умею только терпеть и ждать».

— Молчишь?! — слова Ральфа отскакивали от бетонного потолка, точно металлические шарики. — Тогда представь себе вот что: её я порежу на кусочки и сложу горкой во-о-он в том углу, а тебя я оставляю. Живи!

Целую неделю! Хотя ты, пожалуй, протянешь даже больше. Будешь медленно-медленно подыхать от голода и жажды, рядом с кучей разлагающегося мяса. Ну как?

— Не выйдет, — Саул, облизнув пересохшие губы.

— Почему, мать твою?

— Потому, что я выдерну из стены кольцо, — сказал Саул и тут же пожалел о сказанном.

Первое правило поведения в конфликтной ситуации: никогда не давай понять агрессивно настроенному оппоненту, что ты сильнее его. Иаким не раз говорил: «Последствия такого шага всегда непредсказуемы». Но с другой стороны, быть может наглое заявление Саула хотя бы на пару минут отсрочит расправу над девушкой?

Ральф на секунду осёкся. Некоторое время он смотрел на пленника круглыми глазами, потом, хлопнув себя по бёдрам, расхохотался:

— Вы только посмотрите! Этот засранец ещё и блефует! Скорей у тебя получится отгрызть себе руку! А что? Это даже забавно! Хочешь сыграть? Давай, сыграем.

Ещё не понимая, куда гнёт краснощёкий громила, Саул внутренне собрался.

Ральф достал из кармана складной нож с чёрной рукояткой. До боли знакомый нож армейского образца, модель «Барракуда». Щёлкнуло, раскрываясь, лезвие.

— Гляди! — Ральф потряс ножом в воздухе. — Ты говорил про испытание. Отрежешь себе большой палец правой руки, так и быть, отпущу тебя. Вали в своё гетто.

— Давай, — Саул судорожно сглотнул. — Только девчонку тоже отпустишь.

Ральф задумался. Он стоял, покачивая нож на ладони, будто бы взвешивая мысли в своей голове. Наконец его глаза радостно блеснули:

— Тогда и цена выше!

Саул смотрел выжидательно.

— Вот прямо сейчас, этим ножом... — Ральф пьяно усмехнулся, — отрежешь себе палец — и я отпущу девчонку. Идёт?

— Идёт.

Саул почувствовал, как волна неотвратимой предательской дрожи поднимается от солнечного сплетения, всё выше, по мышцам, по сухожилиям. Он судорожно стиснул зубы.

Чуть помедлив, Ральф кинул ему нож. Его лицо приобрело странное выражение.

Теперь главное делать всё быстро, очень быстро. Не спуская глаз с детины, Саул нащупал на полу «барракуду», сжал тёплую рукоятку в пальцах, пробуя остроту лезвия, провёл ножом по предплечью. Потом, чуть развернувшись всем корпусом, он ухватился за продетое сквозь скобу кольцо

наручников, сосредоточился (техника «сихай» великая штука) и в два рывка вывернул петлю из стены. Ральф непроизвольно попятился. Даже в плохом освещении заброшенной стоянки было видно, что он испугался.

Саул поднялся на ноги, переложил нож из левой руки в правую. Теперь его с пяток до макушки переполняло холодное бешенство, точно перед броском из укрытия, когда пули крошат угол бетонной стены у тебя над головой.

— Давай! — сказал он Ральфу, расстёгивая брючный ремень. — На счёт три!

Брюки соскользнули вниз, обнажив белые мускулистые ляжки.

— Считай!

Ральф, едва не потеряв равновесие, отступил ещё на шаг. Он почувствовал... каждым волоском, каждым миллиметром кожи уловил эту ледяную рассудочную ярость, когда становятся неважными такие вещи, как жизнь и смерть. Лицо Ральфа перекосилось от ужаса и злобы.

— Сволочь! Брось! Брось нож!!! — завизжал он не своим, срывающимся голосом.

Нож, звякнув, ударился о стену.

— Пошёл отсюда, тварь! Сука! — пронзительно кричал здоровенный парень, отступая назад. — Ненавижу!

Упала на бок сбитая ногой коробка с бренди.

— Ключ! — коротко приказал Саул, натягивая штаны.

Ральф кинул ему под ноги блестящую пуговицу. Вот и всё. Тонкая никелированная дужка наручников, брякнув о бетонную стену, закачалась из стороны в стороны, а Саул, обхватив девчонку за плечи, повлёк освобождённую пленницу к выходу. Он лишь раз обернулся на ходу и увидел, как Ральф мнёт пачку, безуспешно пытаясь выгащить сигарету.

Снаружи шёл снег. Редкие сухие снежинки танцевали в холодном ночном воздухе. Саул огляделся, пытаясь понять, где они находятся. Всё кругом казалось чужим и враждебным. Глаз не находил не одного знакомого ориентира.

Саул покосился на свою спутницу. Совсем невысокая, едва по плечо рослому мужчине. С виду лет девятнадцать, или того меньше, а может, и не меньше, просто кажется молодой оттого, что такая хрупкая. Светлые волосы торчат короткими прядками. Симпатичная. Хотя нос распух и верхняя губа. Бежевый свитер с толстым воротником весь закапан кровью. Славная девочка.

— Тебя как зовут? — спросил Саул.

Девчонка глянула на него снизу-вверх:

— Агнесса... Агни.

Саул стянул с себя куртку и накинул девушке на плечи:

— Ты места эти знаешь?

Агнесса кивнула:

— Сейчас надо идти прямо, потом свернуть и мы выйдем на Мартайр-роад. Тебе ведь туда?

— А тебе куда? — спросил Саул, чувствуя острую неловкость.

Девушка неопределённо махнула рукой:

— Там... недалеко.

Они молча шли рядом. И Саул почти физически ощущал исходящее от Агни тепло. Он понимал, что не может чувствовать тепло чужого тела через полметра холодного воздуха, наполненного ленивыми снежинками, но всё же явственно чуя горячую волну, лизавшую его правое плечо.

Время от времени девушка осторожно шмыгала распухшим носом, и тогда Саул украдкой косился на неё, всё никак не находя ободряющих слов. Примерно через полчаса он, наконец, начал узнавать окружающие его здания. Вон длинный прямоугольник «Проспекта», а вон шпиль «Обсервера». Ещё пять минут и они будут на Мартайр-роад. Перед очередным перекрёстком Агнесса остановилась.

— Теперь мне налево, — сказала девушка, глядясь в заснеженную темноту, — а тебе прямо и направо.

«Здесь наши дороги расходятся», — подумал Саул. На душе стало тоскливо и гнусно. Болел бок, саднило правое запястье.

— Ты не хотел бы пойти ко мне? — неожиданно сказала Агни, — Хотя бы на сегодня.

Саул поднял на девушку удивлённые глаза. Агнесса заговорила быстро и сбивчиво:

— Ральф... он знает, где меня найти. Он обязательно придёт... Не сегодня, так завтра... Он не простит... Я видела, как он испугался, и он непременно убьёт меня... А ты... ты такой сильный... Мне кажется, от тебя жар идёт. Даже не верится, что ты христослов... Я с тобой сама становлюсь сильной...

— Ты и так сильная, — пробормотал Саул.

— С АQ ноль восемь? — Агнесса усмехнулась. — Если Ральф меня зарежет, то его оштрафуют на целых три тысячи!

— Я не могу остаться здесь, — Саул развёл руками, — Мне нужно вернуться в общину, — он замялся на секунду. — Если хочешь, ты можешь пойти со мной. В общине всегда рады новым adeptам. О тебе позаботятся, и всё такое...

— Я не пойду в гетто.

— Почему? — удивился Саул. — Там нет ничего страшного.

— А я не хочу каждый день ждать господних испытаний, — Агни нахмурилась, — не хочу всю жизнь просидеть за колючей проволокой. Тем более, что выйти от вас гораздо сложнее, чем войти. Если Ральф захочет — он достанет меня и в гетто. Разве я о многом прошу? Переночуй у меня сегодня... Или я просто тебе не нравлюсь?

— Причём тут это?! — проговорил Саул с досадой. — Зачем ты втягиваешь меня в новую драку? Это слишком трудно, невероятно сложно — не творить зло! Я иду по самому краю и мне страшно! Я рискую слишком многим! Ты не можешь понять!

— А добро? Добро творить просто? — с интересом спросила Агнесса.

— Добро не более, чем отсутствие зла, — мрачно сказал Саул. — Не твори зла, и вокруг будет сплошное добро.

— А если не творить добро?

Саул почувствовал, как земля, такая твёрдая, такая надёжная, уходит у него из-под ног. Проклятая девчонка!

— Мне некогда, — сказал он почти зло. — Или ты идёшь со мной, или — прощай!

Агнесса печально улыбнулась, будто мигнул и погас в ночи фонарик:

— Значит ты такой же, как все, боишься делать зло, боишься делать добро. Ты ничем не лучше меня или Ральфа, ты раб своей веры. Может быть, правительство правильно поступило, определив для вас изолированную зону проживания. Вам несвобода даже нужнее чем кому-то другому... Держи свою куртку.

Саул закрыл глаза и стиснул челюсти.

...Не владей ничем, кроме себя самого. Не проси ничего сверх и не ропщи на данное. Люби Создателя больше, чем тварей его...

Когда он открыл глаза, Агни уже шла прочь по мокрому асфальту, щемяще маленькая, среди домов с мёртвыми окнами.

-Эй! — крикнул Саул вслед девушке. — Я могу довести тебя до дома!

«Пошёл ты!» — донеслось до него сквозь пустоту ночной улицы.

...Не владей ничем, кроме себя самого. Не проси ничего сверх и не ропщи на данное. Люби Создателя больше, чем тварей его. Не чини вреда тварям Господним, ибо мир земной — суть зеркало...

Снежинки щекотали лицо, таяли на носу и подбородке.

— Я свободен! — крикнул Саул в мокрую темноту города.

Он ссутулился и, сунув руки в карманы, пошёл в сторону Мартайр-роад. Так и не снятые с запястья наручники, бренча в такт шагам, хлопали его по правой ноге.

СЕРГІЙ ПАЛЬЦУН

ЗУРОЧЕНИЙ «САМСОН», АБО РАДІО СОТНИКА ДЕПОПАЛО

(з циклу «Історії сотника Депопало»)

— **Г**ей, хлопці, допоможіть-но занести це одоробло! Стажери Балабан і Тудихата, бакаляри-межигірці, зрадівши хоч якійсь події, полишили нескінченний шаховий турнір, у який зазвичай перетворювались їхні чергування, і кинулись на вулицю. Невдовзі, гучно сопучи і тихо лаючись, хлопці втягли до кімнати чергових здоровенний ящик з полірованого дерева.

Слідом за ними зайшов начальник Подільської повітової управи Внутрішньої Служби сотник Депопало:

— Поставте там у кутку біля розетки. Будете слухати — вдосконалювати мовні навички.

— Так це радіо? — здогадався більш начитаний Тудихата, витираючи рукавом спітніле чоло. — А чого ж воно така махиня? Я думав, як пара томів енциклопедії...

— Технічні реліквії легкими не бувають! — прорік сотник, звівши вказівного пальця до стелі. Потім, посміхнувшись, додав:

— До того ж, чверть століття тому цей пристрій вважався взірцем мініатюрності...

Меткий Балабан, відчувши, що може збагатити свою колекцію бувальщин, підморгнув Тудихаті й швиденько підсунув сотникові стільця:

— Може, пане сотнику, присядете? Відпочинете після трудів праведних, розкажете. А ми зараз чаю з пундиками...

— Пундики, хлопці, їжте самі. У мене вдома їх зараз хоч греблю гати — завтра відзначаємо з дружиною срібне весілля, — Депопало, посміхнувшись, сів, витяг з кишень люльку, глянув на неї і запхав назад. — Та й натрудився я не дуже — не сам цей ящик тягнув. А поговорить можна, чому б ні!

— Сталося так, — по паузі почав сотник, — що мені, після розкриття

однієї дуже важливої справи, надали двотижневу відпустку. А позаяк я саме мав одружуватись, то виписали путівку на двох до Парижа. Медовий місяць на Єлисейських Полях, хлопці, навіть, коли в ньому лише два тижні, це така штука, що хочеться женитись і женитись. От тільки закінчився він через два дні — ми з Галиною встигли лише до Лувру сходити, та до Версалью дорогу розпитати. Місцева поліція звідкись дізналась, що у них під боком швендяє молодий, проте дуже перспективний фахівець з магічної безпеки, зв'язались із моїм керівництвом і зробила пропозицію, від якої керівництво дуже не радило мені відмовлятись.

Саме тоді у Парижі лютувала терористична організація, що називала себе «Сини Фантомаса». Спеціалізувалась на диверсіях у художніх галереях: от сини — копії їх качка — міняли підписи під картинами сучасних митців, або взагалі чіпляли ті картини догори ногами, підмінювали деталі в інсталяціях... Глумились як могли. Уявіть собі, що має відчувати художник, дізнавшись, що його неповторне полотно не було належним чином сприйняте глядачами, бо весь вернісаж провисіло догори ногами! А підміна в інсталяції одного всесвітньо відомого майстра бляшанки з-під пива на бляшанку з-під солодкої води... Посивіти можна! Автора мало грець не вхопив, коли побачив, що повністю зруйновано всю концепцію. Або «Ясчня бабусі Трюше», що виявилась «Сходом сонця над Рив'єрою»?..

Мистецький Париж був охоплений жахом. В дні, коли надходили звістки про нові теракти, до барів Монмартру не встигали підвозити абсент. Спочатку поліція лише посміювалась з богемної метушні, але після того, як префекта викликав до себе міністр, взялася до справи серйозно. Однак спіймати лиходіїв ніяк не могли, а ті, відчувши безкарність, почали погрожувати перейти від приватних галерей до Лувра. Тут терпець урвався, а оскільки невластивість наводила на думку, що злочинці можуть використовувати якісь магічні засоби чи методики, до справи залучили мене. І без зайвої скромності маю сказати — марно. Я досить швидко з'ясував: нічого магічного у діях фантомасів немає — вони просто застосовували дуже хитромудрі технічні засоби. Тоді поліція, нарешті, й змогла взяти злочинців, якими виявились студенти Політехнічної школи, що в такий спосіб висловлювали свій протест проти передачі частини годин, виділених на фізику та математику, на викладання поезії, естетики та історії мистецтв.

Тоді мене й нагородили оцим радіо — останнім досягненням тогочасної техніки.

— І таку реліквію ви сюди?!

— Бачите, хлопці, моя дружина була, м'яко кажучи зовсім не в захваті від такого способу проводити медовий місяць. І на протязі ось уже майже чверті століття нашого спільного життя не втомлюється мені про це нагадувати. А спусковим гачком для нагадувань зазвичай виступає «це одоробло». Воно захаращує квартиру, на ньому збирається більше пилу, ніж на всіх інших меблях і навіть під ліжком. Я, бачте, нібито навмисне тримаю його «на

видноті» (це в комірчині), щоб дратувати мою лялечку і нагадувати їй, що на першому місці для мене завжди стояла і стоїть робота, а не вона, бідака. Що я, товстошкурый егоїст, проміняв її на цей ящик, а між іншим, у Монте-Карло їй пропонував руку справжній, ще й дуже симпатичний, принц...

— У Монте-Карло? Але ж ви добралися тільки до Парижа... — здивувався знайомий з географією Тудихата.

— Я — до Парижа, а мою молоду дружину, щоб вона не сумувала і, головне, не відволікала мене від розслідування, поліція на свій кошт возила по всіх усюдах, показуючи такі місця, за один погляд на які більшість письменників-детективників віддали б душу, чи навіть лівого мізинця. Побувала вона і в Монте-Карло, де, звичайно ж, відвідала славнозвісне Казино. І не лише відвідала, а й спустила всі свої гроші. А було їх чималенько — у мене ледве пуп не розв'язався, коли тягнув її валізу з грошима. Тож, як розповіли мені пізніше її супровідники з поліції, той принц запропонував їй руку, бо вона мало не впала, коли на рулетці випав не той номер. А не прийняла вона його пропозицію, бо він же у неї ті гроші й виграв.

— То ваша дружина з багатої родини? — запитав Тудихата.

— Щось у нас тут задушно трохи, піду подихаю свіжим повітрям... — сотник підвівся і вийшов з кімнати.

— Чого це в нас задушно? — здивувався обізнаний з нормативами екологічної безпеки Тудихата. — Кватирка відчинена...

— І ця людина збирається працювати у Внутрішній Службі, — глузливо посміхнувся Балабан. — Всі баби на Житньому знають, що сотник пообіцяв дружині кинути палити, а тепер, коли дуже вже припікає, бігас дихати чужим димом.

Зняковілий Тудихата поспішив перевести розмову на інше.

Коли сотник повернувся, бакаляри жваво обговорювали переваги базарних інформаційних агентств та ефірних елементалів перед системами радіомовлення та радіозв'язку.

— Ну то й що, що в Парижі є радіо? Зате в нас немає терористів... — саме закінчував свій монолог знавець і прихильник народних традицій Тудихата.

— В нас все буває, — мовив, сідаючи, Депопало. — Радіо он перед вами, а про терористів я зараз розповім. Налийте лише чаю, бо в горлі пересохло. Та й пундика вашого, мабуть, все ж таки спробую.

Сьорбнувши з горнятка, сотник задумливо подивився на радіо і почав:

— Було це чверть століття тому. До нас у Київ мав завітати інкогніто принц-наступник однієї королівської сім'ї. Начебто з туристично-просвітницькою метою. Але в його батьків була ще одна причина відправити нащадка саме до Києва. Його Високість надто захоплювався картами та мав схильність до ризикованих витівок, що зовсім не личило майбутньому королеві. Тож головного метою подорожі було якимось чином змусити його випити води з подільського фонтану «Самсон». Всім бо відомо, що кожен, хто вип'є води з цього фонтану, стає тихим, миролюбним, ще й трохи скупуватим.

І от, саме того дня, коли принц мав дефілювати Подолом, до нас у відділок прибіг вартовий і доповів, що з фонтану замість води раптом почала текти сеча. Ми повідомили в Головну управу. Ті зв'язались із Лаврою. Звіти прибули найкращі фахівці з боротьби проти шкідництва, перевірили фонтан і сказали, що на нього накладено якесь закляття нестандартної фактури. Зняти його вони, звичайно, можуть, але для цього потрібно кілька днів, може, навіть тиждень.

Ясна річ, Києвом можна гуляти не лише тиждень, а й цілий місяць, але нащадок прудко змудився і загарячував з виїздом до Монте-Карло на розваги. Утримати його від цього було неможливо, так само, як і знайти пристойний привід повернутись на схили Дніпра. Пити воду, щоб змінити свої усталені життєві звички, принц не став би, бо вважав їх цілком природними, і все лукавство плану полягало в тому, щоб це було зроблено невимушено, принагідно, ненароком, мовляв, усі гості Києва п'ють із цього джерела. Й водночас кожен усвідомлював, що віддалені наслідки провалу цього задуму для світової політики могли бути дуже невтішними.

Всі сили Внутрішньої Служби було кинуто на пошуки зловмисника, але той невдовзі зголосився сам. До приймальні начальника Головної управи заскочив пацюк. Коли секретарку привели до тям, а всім іншим порозкладало вуха, виявилось, що пацюк був не простим, а поштовим. Від жіночого вереску в нього паралізувало кінцівки і бідолашна тварина немічно лежала на столі в начальника, стискаючи в зубах цидулку. В цидулці якийсь Смарагдовий Дракон повідомляв, що зніме закляття з фонтану, якщо отримає мішок золота.

Ясна річ, начальник управи сам, без узгодження, прийняти такого рішення не міг. Зв'язався з керівництвом, там порадилися і вирішили: щоб уникнути міжнародних ускладнень, треба платити. А потім вже розібратись із тим Драконом. Генеральний Скарбничий отримав вказівку підготувати мішок золотих дукатів, а начальник управи мав повідомити злодюзі, що його вимоги виконано, і тим прискорити повернення «Самсону» цілющої сили.

Отут і з'ясувалося, що ніхто не знає, що це за Дракон такий і де він опшвається. А пацюк, прийшовши до тям, зник у невідомому напрямку.

Всю службу підняли по тривозі — шукати інформацію про Дракона. Найкращі лаврські спеціалісти теж не дрімали — намагались прослідити ефірний слід пацюка. Дійшли до Подільського узвозу, а там... Листок, як ви, певно, знаєте, краще за все ховати в лісі.

Кінець дня минув у марних розшуках. Настала вирішальна ніч — або Дракона знайдуть, або наступного дня принц помандрує до Монте-Карло, так і не хильнувши Самсонової водички.

— Ніч минала, надії танули... — продовжував сотник. — Аж раптом начальника нашої управи вкусив клоп. Ви скажете, мовляв, невелика дивина — клоп на Подолі. Але то був не звичайний, а спеціально виведений

смугастий клоп-розвідник! Саме тоді лаврські спеціалісти проводили дослідження над комахами, які мали використовуватись для оперативних потреб. Клоп-розвідник чіплявся до підозрюваного і мандрував разом з ним. Часом пару годин, а інколи й кілька діб. А по тому поспішав до найближчого начальника управи.

— Оце вишкіл! — захоплено вигукнув Тудихата. — Якась дрібнота, комаха, а такий потяг до служби!

— Не так до служби, як до харчу, — звів нанівець його запал сотник. — Клопа того годували так, щоб через наперед визначений час він голоднів. А харчуватись ті клопи могли лише кров'ю начальників управ. От і шукав найближчого. Чи за аурою, чи за феромонами якимись, не знаю. Але знаходив, хай йому грець, хоч би той начальник був і за двадцять кварталів! Знаходив, кусав, впорскував слину, і укушений начальник тієї ж миті дізнавався про все, що бачив і чув розвідник з моменту останньої годівлі.

— Це ж мабуть таємна інформація, пане сотнику? — трохи налякано запитали стажери. — У колеґіумі про таке ні гулу.

— І не скажуть! По-перше, дослідні й справді були секретними, а по-друге, від застосування клопів-розвідників довелося відмовитися. Якийсь із них виявився надто хтивим, і нікому з начальства не сподобалося, коли за ними почали ганятися голодні клопи з усього Подолу. Тоді, до речі, всіх начальників київських управ Внутрішньої Служби відправили на кілька місяців у відпустку на Канари — хай всі ті смугасті покручі без них повиздихають. Гарний був час... — Депопало мрійливо зітхнув, сунув руку до кишені по алюльку, але одразу ж схаменувся і продовжив:

— Так от. Коли в Головній управі зчинився рейвах через поштowego пацюка, хтось перекинув баночку з дослідним клопом, що стояла на столі в начальника, і той клоп причепився до непритомної тварини. Пацюк оклигав, побіг з клопом на хвості до хазяїна, клоп зголоднів — і, невдовзі, загинув при виконанні службових обов'язків. А начальник нашої Подільської управи сотник Чих дізнався, що то за Смарагдовий Дракон спаскудив «Самсона», і де ця тварюка живе.

Дракон виявився добре нам знайомим. Точніше — знайомою, бо під цим назвиськом ховалась добре відома в нашої управи баба-шептуха. Жила вона на першому поверсі будинку, що стояв якраз навпроти «Самсона» й офіційно мала дозвіл на роботу з тваринами. Однак бралась і за людей. Замовляла курячий та козячий грип, слонову та ведмежу хворобу, заячу губу та вовчу пащу, кінську стопу та суче вим'я... Чоловіків-жеребців до сім'ї привертала. Була ця діяльність, ясна річ, протизаконною і порушувала права людини, але ми дивились на те крізь пальці, бо помітної шкоди від неї не було, а баба не лише над хворими шептала, а й нам депо нашіптувала.

Як, бачите, знали ми шептуху добре, і клопина інформація викликала в нас певний сумнів. Звичайно, дрібний злочинець може, за певних обставин, стати великим, але шептуха завжди трималась подалі навіть від свинки, чи

вовчанки, а тут тероризм, та ще й з міжнародним ухилом! До того ж тероризм цілком безглуздий, бо для того, щоб вимагати гроші, знаючи, що не зможеш з ними втекти, треба мати поламану клепку в голові. А баба такою не була. Тому, поки Головна управа радились із Лаврою щодо подальших дій, наші хлопці оточили будинок, а мене сотник відрядив побалакати з шептухою і спробувати прояснити ситуацію.

— Через ваші глибокі знання, та схильність до аналізу? — солодко запитав Тудихата, зиркнувши на Балабана.

— Та ні, хлопці. Тоді начальство не дуже й здогадувалось про мої аналітичні здібності. «Ти парубок нівроку, — сказав сотник Чих, — жінкам подобаєшся, баба тобі скоріш все розкаже, ніж комусь іншому. Може, й на глибшу співпрацю погодиться».

Балабан підкрутив пишний вус і нишком показав Тудихаті язика, а сотник, сьорбнувши чаю, продовжував:

— Я вже ходив до шептухи в оперативних справах, тому, як було в нас заведено, тихенько підійшов до бабиного вікна і постукав у прочинену шибу. «Відійди, жалюгідний смертний! — грізно долинуло з кімнати. — Розчавлю!»

Я завбачливо відійшов. Розчавити мене, їй, ясна річ, руки закороткі, а от пожбурити в голову склянку з якоюсь гідотою баба могла. «Я чекаю золота! — вела далі шептуха. — Не варто довго випробовувати моє терпіння!». Я запропонував бабі, вибачайте, Драконові, на знак доброї волі зняти спочатку закляття з «Самсона», але вона відповіла, що й так виявила забагато доброї волі: почала з фонтану, а не з міського водогону і обмежила свої вимоги нікчемним мішком золота.

Побалакавши для годиться ще хвилин зо п'ять, я повернувся до начальства і доповів, що кашу й справді заварила наша шептуха, і що вона непохитна у своїх дурних вимогах. «А я вже почав думати, що тобі вдалось її вмовити, — скрушно похитав головою сотник Чих. — Начебто струмінь посвітлішав, та й сморід став терпимішим... Що ж, тепер від нас нічого не залежить».

Від нас і справді нічого не залежало. На монетному дворі поспіхом карбували дукати, якими в сиву давнину прийнято було розраховуватись із дикими драконами, екскурсоводи гарячково вигадували, що б іще показати принцovi, а ми могли лише чекати, чим все закінчиться.

Після нервових переговорів з бабою в мене пересохло в горлі, і я зайшов до павільйону прохолодних напоїв, де зустрів знайому відьмочку. Вона вчилася у харчовому інституті й відпрацьовувала літню практику, накладаючи на напої охолоджувальні чари. Чарувала відмінно, та й бісиків очима пускала вправно. Гарна була дівка. Якби ще не уциплений язичок...

Так от, налила вона мені квасу, сіла поруч, і я незчувся, як розповів їй усе про нашу проблему. «Зелений Дракон, кажеш, — говорить Галка. — Воду паскудить... Думаю, я знаю, як впоратись з вашою шептухою».

«Вибач, Галочко, але з тими чарами навіть кращі лаврські фахівці розібратись не можуть...», — кажу.

Вона мені: «Ти бачив коли-небудь, щоб у двох господинь, або навіть у однієї в різні дні, був цілком однаковий борщ? От і у відьом не буває абсолютно тотожних замовлянь. Думаєш, я тут над кожною склянкою якусь одну завчену фразу з підручника мугичу? У замовляннях, як і в кулінарії, головне не рецепт, а натхнення. Розбирати чужі замовляння — справа марна. Тут інакше треба діяти...»

«Ну то пішли скоріш до начальства! Справа ж державної ваги, а часу обмаль», — підхоплююсь.

Галка мені на те глузливо: «Ти що, красунчику, забув, що відьом не цікавлять державні інтереси та загальне добро? От якби для тебе особисто... Але задарма не можу — професійна етика».

«Та що я тобі можу дати? — дивуюсь. — У нас же, крім холодної голови, гарячого серця та чистих рук, і нема нічого».

«Голову собі залиш, — сміється. — Мені й свої вистачає. Та й руки вистачить однієї. А от серце, це вже щось!».

За півгодини ми вже стояли біля «Самсона». Двоє здоровенних хлопаків з держскарбниці тримали мішок дукатів, а сотник Чих голосно, щоб почула шептуха, обіцяв, що коли за годину з «Самсона» знову тектиме чиста вода, мішок буде Галчин. Галка радісно погодилась, підійшла до фонтану й почала водити руками та щось бубоніти.

За десять хвилин настала моя черга. Я набрав повну склянку рідини, що лилася з «Самсона», з посміпкою випив її до денця й кивнув, мовляв, усе гаразд. Після чого Галка гордовито попрямувала до свого павільйону, а хлопці потягли за нею мішок.

І план спрацював! Варто було мішку з дукатами цезнути в сутінках павільйону, як із бабиного вікна долинули відчайдушний лемент і зойки, а Галка, вигланувши з дверей, гукнула, аби ми скоріш бігли до шептухи. А ще за півгодини з «Самсона» знову задзюрчала така ж чудова водичка, як і раніше.

— Як за півгодини? — здивувався Балабан. — А що ж ви тоді пили, пане сотнику?

— Оте й пив, стажере! Задля державних інтересів і не таке доводиться засмакувати. Ми ж не відьми.

Балабан скривився й замислився, чи варто зв'язувати своє життя з Внутрішньою Службою, а Тудихата поцікавився:

— Виходить, шептуху так вразила втрата грошей, що вона розкалась і зняла своє заляття?

— Розкалась? Та їй, власне, не було в чому каятись, бо діяла не з власної волі. А заляття зняти просто не могла, бо її одразу ж неприємно відвезли до Кирилівської лікарні. До тямні лікарі привели її швидко, а от розум до неї так і не повернувся. От до чого приводять самовпевненість та непродумані експерименти. — сотник замислився, мабуть, згадуючи давні часи.

— А що за непродумані експерименти, пане сотнику? — запитав за хвилину допитливий Тудихата.

— Жив у нас на Подолі один купець, — почав Депопало. — Багатий був, ще й таланило йому нівроку. За яку оборудку не брався б, завжди мав зиск. Зрозуміло, без жаби тут не обійшлось. Жаба у нього була стара та пишна — перейшла у спадок від діда, що теж був неабиякий спритник. І от якось закохався той купець в акторку. Акторка, ясна річ, любила тринькати гроші, і почався в купця внутрішній конфлікт між жабою та коханням. Хтось інший запиячив би, або пішов до психолога, але купець вмів самотійно знаходити вихід зі скрутних становищ.

Він подався з акторкою у навколосвітнє турне, розсудивши, що за півроку або вона йому набридне, або її марнотратство перестане його дратувати. Перед поїздкою ж перевів туристичному агентові кругленьку суму, з якої мали покриватись всі його з акторкою витрати під час подорожі, і оголосив себе на півроку обмежено дієздатним. Аби не мати можливості витратити зайвого. А нашу шептуху попросив перетримати жабу в себе.

Баба жабу взяла і якийсь час все було нормально, а потім закортіло шептусі провести експеримент, вона й підсадила ту жабу собі. Але що таке проста відьма проти старої купецької жаби! Та одразу ж підкорила собі бабину свідомість, але ж шептуха мислить не як купець, а жаба все життя мала справу лише з купцями. Тож вона трохи з'їхала з глузду й уявила себе Смарагдовим Драконом. А кожен дракон, відомо, повинен мати не менше мішка золота. Що було далі, ви вже знаєте. Коли наші хлопці увірвались до бабиного помешкання, жаба шептуху майже придушила — ледве встигли врятувати.

Звіринецькі фахівці потім довго ту жабу вивчали. Купець вже давно повернувся, а отримати її назад ніяк не міг. Довелося йому перекваліфікуватись в оперні освітлювачі. Потім жабу, звичайно, віддали, і тепер він власник одного з найпопулярніших театрів. А дружина його в тому театрі — примадонна.

— Але, якщо шептуха не зняла закляття, як очистився «Самсон»? — повернувся до попередньої теми Тудихата.

— Цілком природнім шляхом. Баба ж зачаровувала не джерело, а лише воду, що з нього витікала. Тому, варто було їй перестати шептати, як з фонтану знов починала бігти вода.

— То принц, кінець-кінцем, випив тієї водички? — запитав Балабан, що більше цікавився зовнішнім блиском життя.

— Випив. Але все одно гад поїхав до Монте-Карло. Однак зі шляхетних міркувань — захотів з власних коштів зробити благодійний внесок на розвиток нашого міста, та не знав інших способів заробляти гроші, окрім гри. І отож виправ чималеньку суму й передав її Києву. На ті гроші реставрували «Самсона» і всі будинки навколо нього. Тепер в них лише крамниці, державні установи, та готелі для іноземців. І ніяка шептуха тепер нашого «Самсона» не зурочить.

— Яка іронія долі, — мовив по паузі Балабан. — Та жаба-дракон загрожувала «Самсонові» й вимагала грошей — і нічого не отримала. А натомість гроші отримав сам «Самсон».

— Так, доля полюбляє жарту, — погодився сотник. — А цей жарт особливо дошкульний, бо «Самсон» отримав не просто гроші, а ті самі гроші, які не дістались шептусі. І які принц виграв у Монте-Карло у моєї дружини.

— Так то ваша дружина... — приголомшено почав Балабан.

— Моя, моя, — та сама відьмочка Галя, що нам тоді допомогла. От тільки допомога її дорожувато обійшлася. Коли до Галки прийшли, щоб забрати мішок дукатів до держскарбниці, то отримали замість золота дулю. Генеральному Скарбничому це, ясна річ, не сподобалось, але з юридичної точки зору до Галчиної позиції присікатись було неможливо. Сотник Чих привселюдно уклав із запрошеною відьмою усну угоду. Умови угоди було виконано й виконавиця отримала обіцяну винагороду. Все. А державні інтереси, як ви вже знаєте, відьом не обходять.

Я, чесно кажучи, не дуже тим переймався. По-перше, мішок все одно збирались віддати збирникові, а, по-друге, мене більше непокоїла усна угода, на яку натякнула стара відьма, що з'явилась до мене вранці наступного дня і відрекомендувалася свахою.

Правду кажучи, якби я відчував себе готовим до сімейного життя, то й сам би давно освідчився Галині. Але отак, коли тебе ловлять навіть не на слові, а на жарті... Однак начальство і сваха навели мені по вагомому аргументові, і я виконав свій обов'язок перед державою.

— А які ж то були аргументи? — зачудовано спитав Балабан, що вважав шлюб обов'язком занадто обтяжливим, щоб виконувати його без судового вироку.

— Начальство вважало, що я зможу вмовити молоду дружину повернути гроші державі. Мені й путівку до Парижа виписали, щоб вона заспокоїлась та полагіднішала, а я не відчував себе бідним женихом.

— Заспокоїлась... — обурено пробурмотів Тудихата. — І чого це вона так рознервувалась? Мало було одного мішка?

— Не судіть про те, чого не знаєте, — суворо кинув сотник. — Крім мішка вона отримала ще й халепу. Шептуха в останню мить прокляла її, побажавши, щоб всі Галчині гроші текли в неї крізь пальці й повертались туди, де вона їх взяла. А це, скажу я вам, страшнішого прокляття не буває.

Стажери зніяковіло замовкли.

— Зате, — встаючи, посміхнувся сотник, — я все життя спокійнісінько віддаю дружині всю зарплатню до копійки. Все одно гроші повертаються до мене! — Депопало ляснув себе по кишені. — Дуже цінне і вдале прокляття.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

SANGIUS SANCTUS*

Епископ Доминико Тусколо стоял напротив меня на коленях, и я видел, что он даже не попытается спастись. Все правильно — что мог поделаться со мной простой человек, если даже крест давно бессилен против вампира?

Черты изможденного лица епископа не были ни возвышенными, ни одухотворенными. Истощенный, измученный отец Доминико настолько не походил на святого, что у меня даже закралось сомнение — а того ли я выбрал? Впрочем, отступать я не собирался. Я так долго искал этой крови, что уйти, не попробовав, просто не мог.

Аккуратно вонзив зубы в горло беспомощного клирика, я сделал первый глоток — медленный, неторопливый. О, да, такого вкуса я еще не встречал! Эта кровь отдавала печеными яблоками эликсиров аббатства Зальцбурга, розмарином и смородиной ликера-траппистина и еще немного — сладким красным виноградом напитков Божоле и Анжу. Совершенство. Почти...

Я с наслаждением смаковал кровь — и тут епископ засмеялся. Негромко, не вырываясь у меня из рук, но с таким искренним облегчением, что я вздрогнул от неожиданности...

* * *

Славное было время — канун тысячного года. Раздольное. Разгульное. Мы тогда знатно расплодись: дни были сытными, а люди — испуганными и беззащитными. Потому как те, кто должен был ограждать их от нежити, занимались совсем иными делами.

Люди ждали конца света — перевернутое число зверя уходящего года и три нуля наступающего года нового тысячелетия страшно смущали их умы.

Винить их за то не стоит — в мире такое творилось, что волей-неволей сам о конце света задумаешься. Судите сами: голод с нищетой косили всех без разбору, свирепствовали страшные болезни, процветало людоедство, пьянствовали и прелюбодействовали аббаты, грабили деревни рыцари, продавали церковную утварь и черепицу с церковных зданий клирики. В девяносто втором погиб в битве Конан Первый Рейнский, в девяносто третьем — Конрад Бургундский. В девяносто четвертом на трон взойшел четырнадцатилетний соплук Оттон III, надежда и опора Священной Римской Империи. В девяносто пятом почили дюки Аквитанский и Баварский. В

девяносто шестом преставился Гуго Капет. В девяносто седьмом убили Адальберта, знаменитого епископа Пражского, а уже в девяносто девятом скончалась, как ее называли, последняя святая последнего века Аделаида.

Не забудьте про то, что весной девяносто шестого ушел в мир иной тридцатипятилетний папа Иоанн XV. Впрочем, ему-то как раз было пора, он одиннадцать лет правил. Событие в те времена замечательное, ибо за один только десятый век славная католическая церковь сменила больше пап на своем престоле, чем восемнадцатилетний папа Иоанн XII — девственников в своей постели. Наследник почившего, Григорий V, первый немец на престоле Петра, протянул до февраля девяносто девятого. Три года — не так уж и плохо в сравнении с тремя месяцами, выпавшими Льву V, и тридцатью тремя днями — Бенедикту V. Новый оплот Римской Католической накануне ожидаемого второго пришествия тоже оказался неплох — о Сильвестре II, первом папе-французе, в народе ходили слухи, что, еще будучи Гербертом Корильякским, у арабов в Марокко он изучал магию и знал с дьяволом, и, став главным понтификом, продолжал колдовать по звездам. Добавьте к этому бродящих по Европе аж двоих лже-пап, Бонифация VII и Иоанна XVI. Еще раз оглядите картину испытаний и бедствий, постигших народы, грязь и разврат, в которых погрязла святая церковь — и конец света покажется вполне закономерным.

Благородный люд рванул в Рим, замаливать грехи. Прочие бежали куда глаза глядят — семьями покидали города, целыми деревнями хоронились в лесах. Думали в непроходимой чаще пересидеть грядущий Страшный Суд.

Наивные, глупые люди! Смерть в лесах наступала только вернее. Одно дело, когда крестьяне запирались по избам и церквям и держали наготове осиновые колья, какую-никакую, а всё ж таки управу на нас. Другое дело — в глуши; тут люди становились беспомощнее овечьего стада. Волколаки и стригон, альпы и бруксы, суккубы и инкубы, уборы и мули — вся наша братия провала на славу. И я, Бертольд Лотарингский, среди них.

Только, в отличие от собратьев, меня не радовало, когда замороженный человечешко послушно подставлял горло. С тем же успехом можно сосать кровь из животных — разница небольшая. Мне же хотелось большего. Хотелось сопротивления, вызова, борьбы. Или хотя бы яркого вкуса: хотя мои собратья пили все подряд, сам я был довольно привередлив — кровь каждого человека ощущалась совершенно по-разному у меня на губах.

О, вкус крови! Сколько в нем многообразия, сколько оттенков!

Вкус зависит не только от возраста и здоровья человека, но и от его душевного состояния. Бурлящие страсти для крови — то же самое, что приправа для мяса. Каждая новая эмоция — словно новая специя — как не попробовать? И я с энтузиазмом занимался дегустацией.

Не все собратья меня понимали. Те, что постарше, говорили, что я молод и глуп, что я не познал тяжкие времена раннего христианства, когда

на нас еще действовали кресты и потому просто схожу с ума от нынешнего обилия крови. Что моя лихая удаля и бесшабашность еще сыграют со мной злую шутку. Что привольные времена не вечны, и настанет день, когда мне станет не до вкуса — лишь бы была хоть кровь — какая угодно. Любая.

Я лишь смеялся в ответ.

Угадать верный момент, подобраться на поле брани, пройти незамеченным в неприступную крепость или под своды собора, выпить, не заворотив, ощутив в полной мере все оттенки вкуса — да, такой вызов привлекал меня. Вызов и, конечно, кровь.

Кровь новорожденного младенца безвкусна, как вода, тогда как кровь его безутешной матери приобретает оттенок ячменного пива, напитка, как известно, бесполезного, раз даже монахам разрешено пить его без ограничений. Кровь только что родившей женщины напоминает греческий мускатный ликер, и смаковать ее довольно приятно.

Кровь мужчины похожа на вино-бастард, то есть вино разбавленное. Но любой душевный всплеск преобразует вкус до неузнаваемости. Кровь испуганного крестьянина, прячущегося от вражеских рыцарей, похожа на грубое вино гуннов — горчащее и с кислинкой. Зато кровь того же испуганного крестьянина, поднявшего на рогатину сборщика податей, преобразуется в ароматное мерсо, бережно хранимое канониками в подвалах собора в Отёне. Кровь рыцаря, победившего противника в поединке, отдает жгучим полынным настоем, который немцы называют *wermut*. От него горит гортань и шумит в голове; от него получаешь немало силы, необходимой для полета или обращения в туман.

Кровь жениха, с нетерпением ждущего окончания свадебного пира, похожа на обжигающую белую мирабелевую настойку; после же брачной ночи в ней пробивается привкус густого нормандского сидра. Кровь убийцы, вонзающего нож из-за угла, приторна, как сливовый ликер из Русильона; кровь орудующего у горна кузнеца валит с ног как кирпич, вишневая водка бенедиктинцев из Фонгомбо. Кровь удачливо обманувшего торговца — пряная, как красное вино клере, и сладка и ароматна, как сорт барбо из Фонтенбло, кровь юного аббата, впервые задравшего подол молодой монахини.

Ради разнообразия крови я вязывался в самые разные авантюры и с удовольствием истинного гурмана коллекционировал оттенки вкуса. Я наслаждался вседозволенностью, проходя под сенью церковных крестов, и дразнил обессиленные выродившейся верой символы христианства, прямо в кельях выпивая кровь монахов. Я щедро отбрасывал испытые не до конца тела и желал в те раздольные дни лишь одного — попробовать новой крови, познать неведомый мне вкус.

Так родилась идея, по своему безумству вполне достойная излома эпохи — я непременно решил найти святого. Настоящего святого, а не

бесчисленных самозванцев, которые покупали аббатства и канонизировались золотом. Нет, мне нужна была кровь истинного святого, одного из тех, которые могли исцелить слепого наложением рук и взойти на костер за веру. Ведь жили же когда-то они, обращающие нас в прах одним своим крестным знамением — достойные противники. Вот уж вкус чьей крови должен оказаться поистине необычен.

— Святыми становятся после смерти, — резонно замечали мои умудренные опытом собратья.

— В этом я с радостью готов поспособствовать достойному кандидату, — отвечал я.

Дело за малым — найти святого. Только если уж сами папы вовсю плодят bastardов, откуда, глядя на такое, взяться истинно верующим? Отыскать праведника в девятьсот девяносто девятом году было также нелегко, как найти нетронутую девушку во взятом рыцарями городе.

Однако, идея попробовать *sanguis sanctus* — святую кровь — полностью завладела мной, и с той поры кровь, что раньше доставляла мне удовольствие, потеряла вкус. В крови ставившего тяжелый кошель ворюшки я больше не распознавал терпкое клюнийское вон-романе, у знатной дамы, наспех убажваемой лакеем в узких лабиринтах крепостных коридоров, кровь более не отдавала подслащенным медом *absinthe*, а у усталого писателя — чабрецом и шалфеем легкого августинского шабли. Даже из крови крестьяночки, которую хорошенько поваляли на сеновале, пропал привкус перебродившего винограда славного лозаннского дезоле.

Я не жалел сил, прочесывая Богемию и Саксонию, Франконию и Баварию. Я летал по Шампани и Нормандии, по Гаскони и Тулузе. Наконец, в Бургундии я напал на след — в Лионе я услышал рассказы о епископе Доминико Тусколо, известном в народе за благие дела и нетерпимость к порокам. Он выступал против назначения пап императорами, против продажи церковных должностей, против браков клириков и обмирщения церкви. Он говорил об обессиливании креста, о плодящейся нежити, и ратовал за возвращение к воздержанию и аскетизму ранних христианских общин.

Впрочем, громкие слова не делают из человека святого — мало ли я повидал амбициозных реформаторов, пытающихся красивыми идеями проложить себе дорогу в кардиналы, а оттуда в папство? Я знал, что судить следует по деяниям.

В этом епископ меня тоже не подвел — отец Доминико вот уже почти год пребывал в монастыре, в уединении, посте и воздержании. Ходили слухи, будто он готовил особый обряд очищения земель от нежити и молился, прося Господа о прощении, о милости и о том, чтобы страшный тысячный год стал не концом, а началом новой эпохи.

Что ж, если он и впрямь вымолит у своего Бога отсрочку конца света, это деяние окажется действительно достойным. Достойным святого.

Вот она, моя новая кровь, мой непознанный вкус. Ничего лучше в те дни мне было не найти.

Я бродил вокруг монастыря под Вероной, в часовне которой засел мой святой. Без окон, с тяжелой, наглухо закрытой дубовой дверью, грубое каменное строение напоминало готовую к осаде крепость. Только вот ее малочисленное войско в лице епископа и горстки монахов не могло устоять передо мной, и я это знал. Но не нападал — время еще не пришло.

Епископ дневал и ночевал в часовне; внутрь проходили только монахи да сновали туда-сюда вестовые. В какой-то миг нетерпеливого ожидания у меня даже появились сомнения — слухи слухами, но, быть может, подобно своей жалкой братии, отец Доминико удалился вовсе не для молитв? И сейчас наливается зеленым португальским ликером и гиппокрасом, вином с корицей, корриандром, мускатным цветом, мускусом, миндалем и измельченным имбирем, возбуждающим такое естественное для мужчины и такое постыдное для священника желание?

Обратившись туманом, я однажды проник в часовню. Епископ не пьянствовал и не распутничал — он действительно постился и молился. Для верности я даже перехватил несколько вестовых и прочитал послания святого отца. В письмах тот призывал клириков служить мессы в последнюю ночь года и сообщал, что именно в это время он будет проводить обряд, призванный очистить землю от нежити, надеясь этим вымолить отсрочку конца света.

Над тем, какой момент окажется наилучшим для дегустации крови епископа, я раздумывал недолго. Первые секунды нового тысячелетия, конечно. Именно в тот миг его кровь будет бурлить в ожидании — конец или начало? Конец меня не страшил — я ведь нежить. Но лучше бы, конечно, начало: мой святой восторжествует, совершив величайшее деяние своей жизни, а я — я пробую его кровь.

Я решил пройти сквозь двери часовни в открытую — в этом были так привлекавшие меня вызов и насмешка над некогда могучим, а ныне жалким в своем бессилии противником. Я хотел быть там, рядом с отцом Доминико, хотел заглянуть епископу в глаза в миг его триумфа, а потом выпить его — выпить до дна.

Чтобы попасть в часовню так, как я задумал, я подкараулил молоденького послушника, ежедневно приносящего отцу Доминико воды. Убив мальчишку, даже не выпил его — посторонняя кровь могла помешать мне в полной мере насладиться неповторимым вкусом *sanguis sanctus*. Облачился в рясу, поморщившись от прикосновения жесткой дерюги к коже и от слабого жжения в груди, вызванного деревянным крестом, бесполезным, но обязательным атрибутом облачения монаха.

Внутренность часовни отличалась суровым аскетизмом. Аскетизмом? Скорее — нищетой. Немногочисленные свечи медленно оплавляли воском,

слабо освещая голые каменные стены. Грубый каменный алтарь. Простой деревянный крест. Ни скульптур, ни украшений.

У алтаря коленопреклонный отец Доминико в скромной черной сутане шептал хорошо знакомые мне молитвы торжественной мессы.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti***, — некогда могущественные слова гулко разносились среди голых стен.

Стоя сбоку, как и подобает скромному послушнику, я разглядывал склоненный к сцепленным ладоням профиль. Изможденный длительным постом епископ молился с такой неподдельной искренностью, что я подумал — если и впрямь есть рай, своей истовой верой место для себя этот священник заполучит наверняка. И стоит ли ему тогда беспокоиться обо всех остальных?

Голос епископа набирал силу, и слова *credo* эхом отскакивали от голых стен, эхом метались под темными сводами часовни:

— *Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem caeli et terrae...****

Глаза епископа сияли незнакомым мне огнем, и я видел, что у него есть цель, ради которой он готов на все. Передо мной вереницей замелькали лица сотен людей, чью кровь я пил — беспомощных и жалких в миг смерти. Это их никчемные жизни — его великая цель? Какой бред! Но, глядя на смиренно распростертого священника и не понимая его, я испытал удовлетворение — да, он и впрямь святой.

Голос епископа звенел скрытой силой.

— *Suscipe, sancte Pater, hanc hostiam, mei, quam ego indignus famulus tuus offero tibi, pro innumerabilibus peccatis.*****

«*Hanc hostiam, mei?*» — удивился я неположным в оферториуме словам. — «Прими жертву, меня?»

Ах, это, похоже, и есть тот самый обряд очищения от нежити!.. Что ж, молись, святой отец, молись. Полночь последнего дня тысячелетия на подходе — осталось совсем немного.

Меня трясло от нетерпения, и я уже едва разбирал слова епископа. Однако, в какой-то миг в мое сознание пробились слова «*voluntarie*», «*sacrarium*» и «*vespertilio*»*****, и на миг я даже отвлекся от пронизывающего меня насквозь желания — желания выпить кровь. Где это, интересно, он найдет нежить, добровольно явившуюся к храм? Впрочем, последняя мысль вызвала у меня смутное беспокойство, но почти сразу я от нее отмахнулся — мне было не до того, я отсчитывал оставшиеся до полуночи секунды. Ну, давай, отец Доминико, не подведи! Мне нужна кровь святого!

Когда одним коротким движением я переместился к коленопреклонному священнику, он даже не вздрогнул, увидев меня.

Полночь.

Небеса устояли и не обрушились на землю.

Я аккуратно вонзил зубы в горло беспомощного клирика. Сделал глоток — медленный, неторопливый. О, да, такого вкуса я еще не встречал!

Эта кровь отдавала печеными яблоками эликсиров аббатства Зальцбурга, розмарином и смородиной ликера-трапистина и еще немного — сладким красным виноградом напитков Божоле и Анжу. Совершенство. Почти...

Я с наслаждением смаковал кровь — и тут епископ засмеялся. Негромко, не вырываясь у меня из рук, но с таким искренним облегчением, что я вздрогнул от неожиданности.

А потом страшная сила буквально отшвырнула меня от него — рванула так неожиданно, что вонзенные в горло клыки разорвали священнику шею.

Я корчился от боли и не мог понять, что же произошло. Поймав взгляд умирающего клирика, я направил остатки своей силы на него, заволаживая, подчиняя. За несколько секунд вытянул из угасающего сознания всё. И содрогнулся — но уже не от боли.

Не отсрочку конца света вымаливал епископ Тусколо. Второе Пришествие следовало ждать через тысячу лет не после рождения, а после казни их Бога. Отец Доминико действительно готовил обряд очищения земли от нас, от нежити. Он надеялся, что через тридцати три года, на грани Страшного Суда, Господняя кара их минует, если в мире будет меньше нечисти. Для обряда очищения ему требовались торжественная месса, проведенная в последние минуты уходящего тысячелетия, священник в качестве жертвы на алтаре, и нежить, добровольно явившаяся в храм, в качестве жреца, совершающего жертвоприношение.

Жертвой он выбрал себя.

Жрецом стал я.

Меня обвели вокруг пальца — отец Доминико не зря так старался, чтобы слухи о готовящемся обряде очищении разошлись по свету. Этим он призывал нежить; он хотел, чтобы мы увидели в нём угрозу и сами явились прервать обряд, убив его.

Что я и сделал. Только толкнуло меня на это вовсе не беспокойство о судьбах собратьев в случае успеха святого отца, а всего лишь жажда познать новый вкус крови.

Вот почему с таким облегчением смеялся клирик — он ведь до последнего мига не был уверен, что найдется вампир, который попадет в его ловушку. И тут, на его счастье, появился я.

Грубый крест на голой стене раздирал меня, простой крест на груди жег тело через грубую рясу. Еще одно усилие — и я подтянулся к распростертому на полу епископу. Заглянул в угасающие глаза, вбирая последние крохи угасающего сознания.

И меня передернуло — умирающий святой добился своего. Обрядом очищения он вернул крестам первозданную силу. Силу убивать нежить.

Распластанный у алтаря, истекал кровью епископ. Я катался рядом, терзаемый двумя крестами — на стене и на груди.

И вдруг боль отступила... из разорванного горла отца Доминико мне на губы упала горячая капля.

О, вкус совершенной крови! В ней была пронзительная свежесть ночи первого полета, пьянящий запах страха первой жертвы, легкая горечь первого разочарования, бурлящее желание первой женщины, щемящая боль первой потери и незабвенная сладость первой победы... Мое желание, мое стремление, моя мечта и страсть таяли у меня на губах...

С этой мыслью я обратился в прах.

* * *

Теперь я знаю, что даже первозданной силы креста недостаточно, чтобы упокоить вампира навечно.

Сознание вернулось ко мне два века спустя, после того, как на землю, над которой развеяли мой прах, впервые упала кровь.

Несколько долгих столетий я бессильно наблюдал за новой эпохой и приходил в отчаяние. Обновленная вера, крестовые походы и костры инквизиции — люди успешно избавлялись от нежити. Но шло время, и мое отчаяние сменялось ожиданием. Когда на почву, где рассеян мой прах, прольется достаточно крови, я снова восстану. Эту землю уже щедро окропили пьяные крестоносцы и гордые дожи, жестокие гангстеры и равнодушные нацисты. Мне надо еще совсем чуть-чуть крови. Любой крови. Правы, правы были сородичи, говоря, что придет тот час, когда мне станет не до вкуса.

Я отыщу выживших собратьев и начну новую жизнь — ничуть не хуже прежней. Даже лучше. Потому что людей стало больше. Потому что снова обессилели кресты. Потому что совсем скоро пройдет две тысячи лет с момента казни их Бога, и снова надвинется угроза конца света...

Мир возвращается на круги своя. Всё, как тогда.

Почти...

Хорошо знакомый со вкусом силы, способной очистить землю от нежити, я чувствую — я знаю: в этом мире её давно уже нет.

Нет *sanguis sanctus*.

* (лат) святая кровь

** (лат) Во имя Отца и Сына и Святого Духа

*** (лат) Верую во единого Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли

**** (лат) Примми, Святый Отче, сию жертву, меня, которую я, недостойный раб Твой, приношу Тебе, за бесчисленные грехи

***** (лат) добровольно, храм, вампир

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

БЕЗДОМНЫЙ

Н у, зачем выходить на лестничную площадку? Добро бы надо мусор вынести или, там, шум какой... А то ведь просто так, открыл дверь и шагнул в холодный полумрак. А дверь, которая только что спасала от потустороннего, задверного шевеления, захлопнулась, мягко клацнув замком. И сразу полутёмная площадка нехорошо ожила. Из-за помойного ведра, общего для всей площадки, одна за другой принялись выползать мокрицы. Не слишком большие, полметра каждая, они горбили сегментированные спины, перебирали многочисленными ножками и бесцельно двигали жвалами, перемешивая выступающий желудочный сок.

На мгновение я, чуть не физически, ощутил, как жвалы будут понемножку откусывать от меня, пачкая тело чёрным ядом, и я начну, ещё живой, перевариваться, прямо здесь, на лестничной площадке. А соседи, которые выйдут из квартир поутру, разумеется, ничего не заметят. Они будут перешагивать через то, что останется от меня, а, встречаясь около лифта, жаловаться на вонь. Наверное, скажут они, на лестнице опять ночевали бомжи.

Кидаться к захлопнувшейся двери поздно, там махонькая полупрозрачная змейка обвивает дверную ручку, ожидая, кто коснётся её. Змейка отлично мне знакома. У неё множество наименований: ледяная змейка, полуядовитая, а чаще, попросту: полузмейка. Полузмейка не кусается, она жалит. Ткнёт острым носиком, и ты застынешь, замрёшь в ледяной неподвижности. Через полчаса или час всё пройдёт, но к этому времени неторопливые мокрицы объедят тебе ноги до колен.

Это ещё не всё, что может появиться на лестничной площадке, если против воли очутиться там в предвечерний час.

Пора уносить ещё не объеденные мокрицами ноги.

Отпихнув самую шуструю многоножку, я скинул тапочки и поставил босую ногу на воздух, примерно в полуметре от пола. Придерживаясь за стену, натужно оторвал от пола вторую ногу и окончательно встал на воздух, бросив тапки на растерзание копошащимся мокрицам.

Расставив руки, словно на тонкую проволоку влез, неуверенно шагнул. Воздух пружинил, грозя в любую секунду прорваться. Мокрицы копошились внизу, их было уже очень много — чистого пола не видать. На завитушках перил объявилась вторая полузмейка, тянула головку, стараясь достать.

Путь по лестнице закрыт: спускаться можно, только держась за перила, иначе не устоишь на покато́й воздушной поверхности и съедешь прямо́м в распахнутую пасть лягушария, что облюбовал площадку полуэтажом ниже. Задние лапы лягушария вросли в истоптанный камень пола, прыгать он не может, но если сам спустишься к нему, то не обессудь.

Оставалось окно. Страшно, седьмой этаж, но торчать на лестнице, ожидая, пока воздух провиснет, и мокрицы вцепятся, — хуже.

Доковылял к окну, лёгким толчком распахнул рамы. Пригнувшись, шагнул в пустоту за окном.

Детский кошмар: будто пагаешь из окна и падаешь, падаешь... Больше всего на свете боюсь высоты. Если какой-нибудь человек при мне подходит к открытому окошку, мне становится дурно. В паху больно тянет, ноги слабеют, и хочется закричать: «Да отойди же ты! Разобьёшься!»

А тут — сам, своей волей.

Главное — не глядеть вниз.

Воздух прогнулся авоськой, опасно провис. Любое неосторожное движение — непрочные нити лопнут, а внизу асфальт, положенный совсем недавно поверх булыжника. Интересно, на что верней падать?

Медленно (пока медленно) опускаюсь. Воздушная кошёлка провисла так, что ноги потеряли опору, и я оказался в невидимом мешке, сложенный пополам: задницей вниз, а ногами и головой — к небу. До земли осталось метров десять. Вроде, невысоко, но если кошёлка прорвётся в эту секунду, то сгруппироваться я не успею и трахнусь об асфальт копчиком.

Метр... полметра... Бац!

С трудом встаю и иду, стараясь ни о чём не думать.

Иду, ни о чём не думать стараясь.

Не думать ни о чём, стараясь, иду я.

Ноги лучше знают, куда я иду. А зачем иду, об этом, тем более, стараюсь не думать.

В замкнутое сознание врывается голос.

— Пропуск кто показывать будет?

Так... Начинается. Спрашивают, нужно отвечать.

— Я тут каждый день хожу, пора бы привыкнуть.

— Пропуск необходимо предъявлять!

— Да вот он, ваш пропуск!

— Пропуск не мой, а ваш. И предъявлять его надо в открытом виде. Читать умеете? Для кого приказ на стене висит? Вот и читайте: «Пропуск предъявляется в открытом виде».

— Ерунда всё это. Давно пора электронные пропуска ввести.

— А это тебя не спросили. Переверните пропуск, он у вас вверх ногами.

— А это не ваше дело. Как хочу, так и предъявляю. Где приказ: «Запрещается предъявлять пропуск в перевёрнутом виде»? Нету? Вот и молчите.

Перепрыгнул вертушку и пошёл. Вахтёрша что-то визжала вслед, но я

не слушал. Ненавижу дур, у меня на них аллергия. Давно пора выдать всем электронные пропуска и заменить эту бабу турникетом. Он, всяко дело, поумнее.

Пришёл в отдел. Уселся. Включил компьютер. Голову руками сжал, на монитор не смотрю.

— Чего сидишь?

Ну, вот, опять спрашивают и, значит, нужно адекватно отвечать. Знать бы, какой ответ будет адекватным.

— Голова раскалывается.

В воображении мелькает залитая кровью брусчатка и моя расколотая голова, — вывалился таки из воздушной авоськи на большой высоте. А в сознании — чёткая мысль: сейчас таблеток предложат или посоветуют пойти к врачу.

— Пить надо меньше, голова болеть и не будет.

Этого варианта я не предусмотрел. Понятно, сам не пью, вот такие мысли в голову и не приходят.

Вместо ответа поднимаю мутный страдающий взор. Пусть собеседник думает что угодно, лишь бы отстал.

— А как же задание? Ты говорил, сегодня закончишь. У меня сроки летят.

— Закончу я его, закончу. Только мешать не надо...

Ушёл. Это уже неплохо. Теперь, пальцы на клавиатуру. Они у меня умные, пальчики. Главное — не вмешиваться, так они сами с заданием разберутся. Ноги меня сюда притащили, а руки пусть вытаскивают. Только не вмешиваться и не думать ни о чём. Кривая вывезет.

Сижу. Смутные мысли ни о чём бродят в голове. Руки что-то делают. Вот и пусть.

В сознание проникает вопрос:

— Обедать пойдёшь?

— Потом...

Потом, так потом. Сижу, почти сплю. Даже сон снится. Кто-то там за мной гоняется, а я убегаю по воздуху. Летать не умею, давно разучился, а бегать ещё могу.

— Ну, как, готово?

— Вроде — да.

— Молодец. Я знал, что ты можешь быстро. Сбрось на флешку, я пойду протестирую, что у тебя получилось.

Делать больше нечего... всё уже протестировано. И флешка эту дурацкая... Давно пора сделать локалку, и не маяться дурью, бегая с флешками.

О, возвращается. Интересно, мы с ним на «ты» или только он со мной на «ты»?

— Молодец, всё работает. Если хочешь, иди лечить голову. Только так, чтобы на завтра ещё хуже не стало. Сейчас я тебе местную командировку выпишу, чтобы в проходной не цеплялись.

Иду. Пропуск предъявляю в открытом виде. И, кажется, даже не вверх ногами.

— Видали? Как на работу, так он позже всех, а с работы — так первый.

— Сделал дело, гуляй смело.

Смело гуляю по улице, куда глаза глядят. Загулял во двор, присел на край песочницы. Надо бы сходить поесть, но не охота. Кто-то рассказывал: в китайском ресторане подают бульон, а в нём вместо вермишели варёные червяки плавают. Не знаю, правда или просто обеденный анекдот, но меня заранее тошнить начинает.

Песок в песочнице серый, городской. Палочкой разгребаю его. Среди серого песка что-то ярко синее. Надо же — формочка! Нагребаю в неё песка, один за другим леплю три кулича. В центральный втыкаю палочку. Получается красиво.

Подходит мама, берёт за руку, ведёт с собой.

— А формочка?

— Это не твоя. Пусть лежит.

В квартире раздевают, ведут в ванную умываться. Ладонь у мамы большая, в неё столько воды влезает, — и не захочешь, а вымоешься.

Сажают обедать. В бульоне плавают толстые разваренные вермишелины. Ненавижу.

Пытаюсь не есть. Наказывают, заставляют, впихивают. Реву, даваюсь, глотаю.

Наконец, оставляют одного. Выворачиваю коробку с пазлами, пытаюсь что-то собрать. Пазлов было несколько, все кусочки перепутались, многих, наверное, вовсе не хватает.

За стеной мама беседует с папой. Кричит в полголоса и поэтому особенно сердито:

— Всегда ты такой! Хоть бы раз о других подумал!

Стараюсь не слушать. Разбираю кусочки пазлов, прикладываю друг к другу. Нет, это ухо не от того волка, вот и не складывается.

— На тебя глядя, и сын такой же растёт!

Мама думает, что они с папой общаются. А по взаимовреду, это она меня ругает, потому что я самый плохой. Лучше бы они не общались, а включили бы себе телевизор.

Грибочек сложился, он с красной головой и белыми точками, его легко собирать. И кочан капусты сложился, только он из другого пазла. Капуста, где огород и козлик. Ещё там есть дом, а грибов там нет. Грибы растут в лесу, где ёлки высокие, до неба, а земля засыпана сухими иголками.

Лес тёмный и страшный, ёлки шумят: «У-у!..» Земля мягкая, иголки проминаются как коврик, а если спрятаться за толстым стволом, то не сразу меня и увидят.

Перебегая от одной ёлки к другой, двигаюсь, сам не зная, куда. Но идти надо, иначе будет хуже. От них, ведь не спрячешься, они найдут. Плохо, когда нету дома, обязательно случится что-нибудь страшное.

Между ёлок, прямо на лесной, усыпанной иголками, земле, растёт большущий кочан капусты. Откуда он тут взялся? Прохожу ещё немного и вижу репу, тоже большую, жёлтую, округло выпирающую из земли. А дальше — изломанные остатки изгороди и снова лес — мрачные неохватные ели угрожающе гудят: «У-у!...». А может, это и не деревья, может, это волки воют.

Одна ёлка сломалась, лежит наполовину на земле, а верхушкой на стволах соседних ёлок. Рядом с этим обломком сидит словно гора, крупнейший медведь. Обернувшись в полоборота, смотрит вдаль, готовый, если надо, побежать и загрызть. Хорошо, что смотрит он не в мою сторону.

Осторожно пячусь, боясь отвести взгляд от бурой горы. Вспоминаю, что где-то поблизости должны быть то ли два, то ли три маленьких медведя. Уж они-то не станут сидеть неподвижно, вглядываясь в просвет между ёлок. Они живо меня найдут и, если сами не съедят, то позовут большого.

Теперь знаю, что тут стряслось. Был дом, а рядом огород, в котором росла капуста и репка. Наверное, это и был мой дом. А потом пришли медведи и всё сломали, и теперь у меня дома нет, и огород зарос ёлками. Только капуста ещё немножко осталась.

В огороде пусто, выросла капуста.

Пятился, пятился и допятился. Споткнулся о неубранный кочан и полетел кувырком. Завалился в какую-то ямку, затихарился. Может, не заметят?

Кто-то громко сопит совсем рядом. Потом тяжёлой звериной волной наползает густая вонь.

Стараюсь вжаться в землю, стать незаметным, но ничего не помогает. Вонь такая, что не продохнуть.

Нащупываю скрученную в жгут газету, чиркаю зажигалкой. Зажигалка плохая, я её на помойке подобрал, однако, с третьего раза загорается. Оглядываюсь, подняв горящую газету. В углу сидит Серёга и гадит. Вот, откуда воняет.

— Я тебе сколько раз говорил, здесь не срать!

Даже не повернулся, скотина.

Беру обломок кирпича, запускаю Серёге в спину.

— Чиво ты такой злой?

— Я тебе говорил, здесь не срать! На улицу иди.

— На улице холодно.

— На лестницу иди.

— Там убьют.

— А ты не садись на виду. Мусоропровод открой — и туда.

Серёга натянул штаны и полез наверх. Досирать, наверное.

— Люк не закрывай! — крикнул я и тоже пошёл к железной лесенке, ведущей наружу. Узел треплотрассы — бетонная коробка, внутри трубы с вентилями, а сверху — четыре люка. Зимой внутри тепло, только воняет, потому что Серёга всё засрал. Убить его мало.

На улице светло и холодно. Залезть бы под трубу и дрыхнуть, но жрать тоже надо. Пошёл на автовокзал, там народу много, а ментов почти нет.

Сперва проверил урны. Три бутылки нашёл, какие принимают, и жестяных банок из-под пива пять штук. Бутылки склад в пластиковый мешок, банки раздавил ногой — и тоже в мешок, только другой. Потом оглядел народ, ждущий автобуса.

Не, эти не подадут.

Бродячий пёс выбежал из-за угла, тоже заглянул во все урны. Этот пусть смотрит, ему моё не нужно. Пёс вытащил из урны смятую бумагу, принялся слизывать с неё соус от шавермы. Я даже слюну сглотнул. Ему хорошо, а у меня только в одной бутылке полглоточка пива нашлось.

Пёс долизал, что было на бумаге, и побежал осматривать людей.

Зря бежишь, дурашка, эти не подадут.

Пёс остановился напротив молодого парня, склонил башку, стараясь поймать взгляд. Парень отложил книжку, полез в рюкзак, достал пакет. Что у него там? Иш-ты, бутерброд с котлетой! Повезло псине, к кому надо подошла. А мне так он не подаст. Такие только к собакам добрые.

С котлетой пёс управился одним глотком, затем слопал хлеб и вновь уставился в лицо парня, всем видом показывая, что готов следовать за ним куда угодно и посвятить ему остаток жизни.

Парень покачал головой и вернулся к книге. Пёс махнул хвостом и, поняв, что хозяина не обрёл, потрусил дальше.

Я тоже выбрал, к кому подойти. Дядька в летах и одет, не так, чтобы очень. Такие понимают, что значит, мучиться с бодуна.

— Слышь, мужик, выручи! Семь рублей не хватает.

Это меня один научил, что надо просить семь рублей. Тогда дадут десятку. А попросишь десятку — фиг дадут.

Дядька недовольно морщится, что-то бормочет и отворачивается.

Эх, и чего люди такие жадные?

Автобус приехал, забрал людей. Взамен стали собираться другие.

— Мужик, выручи! Семь рублей не хватает!

Вон ещё один идёт, с открытой банкой лимонада. И охота ему дристенить пить? Но банка всё равно годится, их все в одну цену принимают, по тридцать копеек. Раньше было по пятьдесят, а теперь по тридцать. Нигде человеку житья нет.

Встал возле урны... Готово, есть баночка!

— Отдай, это моя!

Откуда бабка подскочила? Вроде не было никого.

— С чего это твоя? Я её первый взял.

— Я за молодым человеком от самого вокзала иду. Это моя банка.

— Шла, вот и иди. А я возле этой урны давно стою. И нечего чужое хапать.

Отвернулся и пошёл по новой осматривать все четыре урны. Пусть дура знает, что ейного здесь ничего нет.

А вообще, я эту бабу знаю. Она за городом живёт в заброшенном доме. И мужиков у неё трое: вон, какую коровищу раскормили! Взяла бы она меня к себе четвёртым мужем, я бы ей банку уступил. А так — фиг ей.

— Мужик, вырочи!..

Тыфу, пропасть! Это же баба. Напугалась, глаза вот такущие, руки дрожат, но кошелёчек вытащила, ищет десятку. Ладно, не съем. Давай сюда твой червонец. Не пообедаешь...

— Мужик, будь другом! Семь рублей не хватает...

Вечером иду, сам не зная куда. Бутылки и банки сдал, денег хватит как раз на поллитру и на пожрать. Можно возвращаться в теплотрассу, где всё провоняло Серёгиным говном.

Иду медленно, нехотя. Не я иду, ноги сами бредут.

Минуя лифт поднимаюсь по лестнице, нахожу в кармане ключ. Открыть дверь не успел, она сама распахнулась.

— Ты?

— Вот, я...

— Господи, вернулся! Да где ж ты был всё это время?

— Там... Не помню...

— Да грязный какой! И голодный, наверняка! Иди, мойся, сейчас я тебя кормить буду... Ты как, сначала в ванну или сначала есть?

— Да, конечно...

Накормленный, вымытый, ухоженный. И, главное, не один. Неужели это дом? Не хочу больше быть бездомным. Не хочу жизни, рассыпучей, как перепутанный пазл... Не... хочу... больше...

— Всё-таки, где ж ты был? Я уже и в милицию звонила, и по больницам, даже в морг...

— Не знаю. Ходил где-то. Не помню...

— Всё! Больше я тебя ни на шаг! За руку водить буду, как маленького. Понял?

Понял, чего тут не понять. Водили меня уже маленького. За руку водили. А дома всё равно не было. Главное, чтобы дом был, и человек, которому ты нужен, и который нужен тебе. А за руку — не обязательно. Хорошо бы, это и был дом. Зацепиться тут, врасти всеми корнями души и жить с этой чудесной женщиной, в уюте и тепле...

А потом вдруг шагнёшь не так, произнесёшь не то слово, или попросу присниться какая-то ерунда, и снова закружит бессмысленный хоровод, потащит перекасти полем по обломкам чужих пазлов. Как было бы хорошо остаться здесь, дома... Надо только зацепиться как следует и сделать так, чтобы никакая гадость не приснилась.

— Ты слышишь, что я говорю?

— Да, конечно

— Ты больше никуда не денешься?

— Не денусь. Только ты приснись мне этой ночью. Пожалуйста, приснись, ну что тебе стоит?

СЕРГЕЙ ВАКУЛЕНКО

УЭЙН ИДЁТ В БРАЙТ

Вечернее море нежно покачивало старую лодку, и Уэйн почувствовал, что засыпает. Он уже давно перестал грести, отложил весло и теперь отдыхал, глядя на тонущее за горизонтом солнце.

Когда стемнело — заметил вдалеке огни. Сторожевой катер... Такие расстреливают беженцев без предупреждения, стоит тем отплыть далеко от берега.

Уэйн отвернулся. Взглянул на труп отца, лежащий на носу шлюпки: закутанный в старые одеяла, мертвец походил на младенца в пелёнках — только лицо закрыто. Стараясь не раскачивать лодку, Уэйн перебрался с кормы на нос, толкнул мёртвое тело в воду и глядел на него, пока оно не исчезло в глубине.

В голове, словно волны, перекатывались мысли.

Думал о многом. О навалившейся усталости. О пройденной дороге. О крошащихся зубах. Еды почти не осталось. Остатки джема в банке, пара сухарей да горсть орехов. Четверть фляжки воды. Негусто...

Может протянет неделю, да и то — если найдёт воду. И всё-таки... и всё-таки у него есть ради чего жить. Есть причина не умирать, и каждый день идти к своей цели, название которой — Брайт. Маленький городок, затерянный в пустынях центральной Австралии.

Они с отцом бродили по этой мёртвой стране уже не первый год. И когда жить становилась совсем невозможна, отец начинал рассказывать про Брайт. Как там хорошо. Как много там еды. Какие хорошие там живут люди, и как они процветают.

Однако отец умер, и грёзы о Брайте стали умирать тоже.

Возможно, рассказы о чудесном городе — это просто выдумка, чтобы подбодрить его... Уэйн решил, что ему на это плевать. Пока он жив — он будет искать Брайт.

Всегда.

Из паутины мыслей его вырвал шум мотора. Уэйн обернулся. Ранее замеченный патрульный катер теперь шёл к берегу, на борту зажгли прожектор, и луч света принялся блуждать по зеркалу воды, выискивая добычу.

Уэйн в последний раз взглянул на тёмное море, мысленно попрощался с отцом и потянулся за веслом.

Шаг, второй. Поправить лямки рюкзака, прогнать жужжащую осу. Останавливаешься, глотаешь из фляжки горячую воду и вот уже снова

нужно шагать по этой проклятой дороге. Мимо ржавых линий электропередач и покосившихся дорожных знаков.

Жара такая, что асфальт, кажется, вот-вот расплавится и чёрным студнем растечётся по обочинам...

Уэйн иногда оборачивался и подолгу разглядывал пустую ленту автомагистрали. Не видно ли облачков пыли? Не едет ли попутка? Машин, конечно, уже мало осталось, но им с отцом иногда везло...

Попутки не видать. Зато память, уколовшись мыслью об отце, угнетала. Чтобы отвлечься, Уэйн принялся перебирать в уме всё хорошее, что знал о папе.

А хорошего вспоминалось много. Уэйн-старший был превосходным человеком, лучшим из всех. Да что там говорить: Уэйн жив, и это — заслуга его отца. Именно отец протащил его сквозь ужасы эпохи Развала, научил выживать в пустошах, уберёг от голода и болезней. Подарил цель.

Зато маму Уэйн не знал... Она умерла, рожая его. Убита дефицитом витамина В-12 и анемией — двумя бичами второго поколения. Дети у больных анемией рождались болезненными и часто гибли в первую же неделю. Но Уэйн выжил. Он и ещё горстка людей на всём континенте.

Сколько же их осталось? Таких, как он? Людей третьего поколения и их потомков?

Как-то Уэйн слышал цифру в пятьсот тысяч, но она показалась ему завышенной. А ведь до Инцидента в Австралии жили двадцать миллионов...

Попутка подобрала его незадолго до заката. За рулём старенького, дребезжащего пикапа сидел болезненного вида старик в зеркальных очках, а на пассажирском сидении притаилась крошечная девчужка: толстая, до черноты загорелая, неумытая. Волосы белые, почти прозрачные — сожжены знойным солнцем западной Австралии.

Девочка глазела на Уэйна с опаской. Старик же распахнул дверцу и спросил: куда?

Брайт. Уэйн идёт в Брайт.

Услышав название города старик нахмурился, но ничего не ответил, а только кивнул на кузов. Запрыгивай, мол. Довезу до общины Кэллентери, но не дальше.

Уэйн не заставил себя упрашивать, с трудом перебросил через борт рюкзака (с грустью отметил, что раньше эта ноша была легче — когда он делил её с отцом), после забрался сам. Уставший за день и разморенный жарким воздухом, он быстро провалился в дрему.

Проснулся в темноте, разбуженный холодом пустыни, разбитый и голодный. Долго не мог понять где находится, потом вспомнил.

Хотел снова уснуть, но услышал голоса — старик что-то рассказывал девочке. Уэйн подполз ближе к кабине и прислушался. Старик говорил о былых временах, о жизни до Инцидента, об эпохе Развала...

— Так на чём я остановился?

— На плохих людях! — писклявым голосом отозвалась девочка.

— Ах, да! Плохие люди... Они не были злыми как в твоих сказках, Сидни, но ими управляла глупость. Они хотели, чтобы все жили так, как они. И вот однажды, давным-давно, они пришли в большой город, в честь которого тебя назвали, и наложили на него проклятье.

— Волшебные чары?

— Да, что-то вроде. И ни один человек в городе не избежал этих чар, все заболели в один миг — молодые и старые, мужчины и женщины, даже нерождённые детишки в животиках своих мам. И с тех пор это проклятье живёт в нашей крови.

— И мы не можем есть мясо?

— Нет, не можем.

— А если я попробую кусочек?

Уэйна передёрнуло: в детстве он видел, что происходит с тем, кто «попробует кусочек». Тошнота, рвота, судороги, смерти! Отец тащит его прочь от распухшего тела, бормочет что-то об «анафилактическом шоке»... Ещё Уэйн запомнил перекошенное лицо, вывалившийся язык и тот жуткий свистящий звук, с которым умирающий мальчик пытался втянуть воздух сквозь отёкшее горло.

Уэйн покопался в рюкзаке, нашёл сухарик и бросил его в рот, пытаясь перебить накатившую тошноту. И, чувствуя как пропитывается слюной хлебная корка, вновь принялся слушать.

— ... с тех пор жизнь разладилась. Проклятие охватило всё королевство. Ты, Сид, конечно, не поймёшь чем так важно мясо — ты его никогда не пробовала. Да и я тоже... Просто знай — оно важно.

— Я знаю. Болезнь. Мама...

Девочка по имени Сидни заплакала, и Уэйн ещё раз убедился, что в этом мире не он один лишился матери. Женщины с анемией редко выживают после родов — из-за осложнений. Вот и бродят по земле такие вот парочки: взрослый мужчина и ребёнок. Как этот старик и девочка. Как он с отцом.

— Прости, Сид, — шептал тем временем старик. — Не стоило мне рассказывать всё это.

— Это очень грустная сказка... но я хочу услышать её полностью.

— Уверена?

Девочка не ответила, наверное кивнула, поскольку старик продолжил:

— Как я сказал — проклятие охватило всё королевство. Люди болели, слабели, а самые слабые — умирали.

— Почему?

— Понимаешь ли, Сид, любой человек должен кушать всё — такова его природа, таким он создан. Это как строить домик из карт. Убери несколько из основания — дом рухнет.

— А плохие люди этого не знали?

— Они не верили в это. Они считали, что если их собственный картонный домик выстоял, то выстоят и все прочие.

Старик рассказывал то, что Уэйн давно знал.

Сначала был Инцидент, когда стараниями двинутых на голову экологических фанатиков из организации «Вет» в Сиднее вспыхнула эпидемия невиданного и чрезвычайно заразного иммунного вируса. После этого всё и пошло вразнос.

Морская блокада континента, карантин... Целая страна превратилась в огромный инфекционный бокс. Торговые цепочки разорвались, производство остановилось. И пока мир искал средство против вируса, Австралия медленно умирала.

Еды отчаянно не хватало. Красный крест и прочие благотворительные организации пытались что-то сделать, но всю страну не накормишь... тем более страну вынужденных вегетарианцев. Требовалась сбалансированная диета, жесткий контроль за поставками продуктов, витаминная поддержка... Но как организовать в условиях хаоса и массовой паники?

Первая волна смертности накрыла континент через несколько лет после Инцидента, когда из-за дефицита животного белка и железа стали массово умирать младенцы и старики.

Стартовала эпоха Развала.

А детей родившихся уже после Инцидента называли первым поколением.

Просыпаешься перед рассветом и долго смотришь как над пустыней вспухает кроваво-красный шар солнца...

От тряски Уэйна укачало. Полез в рюкзак и достал последние припасы: орехи и остатки джема. Эти крохи растянул на полчаса, пережёвывая пищу по два раза, в надежде обмануть голодный желудок. Завтрак запил водой из фляжки.

На сколько этого хватит? На день?

Когда солнце выжгло ночную прохладу, старик остановил пикап у съезда с шоссе.

Все выбрались наружу. Девочка Сидни отошла в сторону справить нужду, а мужчины остались у машины. Уэйн поблагодарил старика и спросил как добраться до Брайта. Вместо ответа тот неопределённо махнул рукой — в сторону убегающей за горизонт автомагистрали. Где-то там, дальше по дороге, не знаю точно.

Вернулась Сидни, и Уэйн смог хорошо разглядеть её. Удивительное создание! Без сомнения четвёртое поколение, а может и пятое. Несмотря на худобу — здоровая и бодрая девчушка. Но что-то странное сквозит в цвете кожи, чертах лица, обводах тела... Видимо, работа эволюции. Организм начал адаптироваться под растительную пищу.

Было в девочке нечто от хрупкой газели, нечто от изящных травоядных. Но что именно Уэйн так и не понял.

Старик, напоследок, спросил:

— Хочешь совет?

Уэйн кивнул.

— Не ищи Брайт. Там обитает зло.

После этого запрыгнул в кабину, завёл мотор и пикап свернул с шоссе, скрывшись в облаке песка и пыли.

Воды он набрал из родника возле старого придорожного кафе. Жидкость сочилась мутная, но пить можно. Уэйн напился сам, налил во фляжку, смочил одежду. После принялся обследовать само здание.

На восточном побережье, откуда пришли они с отцом, всё давно разграблено, и обшаривать подобные забегаловки не имеет смысла... Но здесь, на западе, Уэйн решил попробовать.

Внутри царил сумрак, а единственный свет проникал сквозь дыры в прохудившейся крыше. В воздухе плотной взвесью плавала пыль. Пахло истлевшей одеждой и пересушенным деревом.

Уэйн обшарил кладовые и нашёл кое-что из припасов. Упаковка окаменевшего печенья, герметичные пакетики со специями и какие-то пачки с выцветшими надписями. Он решил, что это растворимые завтраки, которые нужно заливать кипятком для готовности. Кипятка у него не было, и Уэйн съел их всухомятку, отламывая крохотные кусочки и тщательно разжёвывая их слабыми зубами. Завтраки давно утратили вкус, но калории в них были. А есть калории — есть и силы.

Смерть снова отсрочена.

Человека из Брайта Уэйн встретил через четыре дня. Это случилось вечером, на мосту.

То был старый, разрушенный временем виадук через ущелье Ведмайт. Дорожное покрытие — сплошь одни дыры да провалы. Вокруг тишина, никакого движения, никаких звуков. Лишь потрескивали, остывая от дневной жары, ржавые металлические фермы.

Уэйн почти перешёл мост, когда его окликнули.

Обернулся.

Человек появился, казалось, из ниоткуда. Только что его не было, а вот он уже стоит в десяти шагах позади и ухмыляется. Уэйн решил, что парень прятался в одном из брошенных на мосту автомобилей.

Но не внезапное появление незнакомца испугало Уэйна, а его вид. Сразу вспомнилась девочка, стройная девочка-газель, так поразившая его несколько дней назад. Эволюционировавшая под стать окружающему миру. Человек-травоядный.

Парень на мосту был её противоположностью. Уэйн растерялся, не зная

к какому поколению его отнести. Для второго — слишком молод. Для третьего слишком здоров — его блестящие зубы совсем не походили на зубы Уэйна, сгнившие и раскрошившиеся.

Гладкая кожа, высокий, плотный. Уэйн задумался, когда он в последний раз встречал упитанного человека, но так и не вспомнил... Только на картинках и видел. А парень, стоявший перед ним, был именно таким. А ещё в его порывистых движениях и жестах так и проскальзывало нечто хищное. Прищур глаз, движения зрачков...

Про себя Уэйн назвал парня Динго.

— Куда идёшь?

Уэйн сказал, что ищет Брайт.

При упоминании заветного города глаза Динго вспыхнули:

— Я из Брайта.

Сердце Уэйна радостно забилося наперекор всем тревожным предчувствиям, которые внушал незнакомец. Но надежда быстро угасла, когда тот достал из кармана нож и, почему-то облизнулся:

— Выглядишь аппетитно, травоядный, — сказал Динго и пружинящей походкой двинулся вперед.

Уэйна словно парализовало, когда он понял, что эту схватку ему не выиграть. Он слаб, голоден, обезвожен. Давно отвык от выплесков энергии...

Динго прыгнул на него, замахнувшись ножом. Уэйн только и успел, что отклониться, чтобы заточка воткнулась в рюкзак, а не в живот. В следующий миг острая сталь с противным визгом вспорола ткань, потом лезвие врубилось во фляжку и клинок выскользнул из руки нападавшего. Обезоруженный Динго навалился на Уэйна, и оба полетели на асфальт.

Там они и сцепились, прокатились по земле. Динго старался схватить Уэйна за горло, и несколько раз тому казалось, что всё кончено, но вдруг случилось странное: земля на миг ушла из-под их тел, и затем последовал страшный удар.

Мгновением позже Уэйн сообразил, что они провалились в одну из дыр, которыми изобиловал мост и упали на склон ущелья. Ещё через секунду осознал, что пальцы Динго больше не пытаются придушить его, а лишь извиваются, словно черви.

Уэйн перевернулся на живот и поднялся на колени.

Из груди его противника торчала ребристая железка — кусок арматуры из расколотого бетонного блока. Горячая кровь уже пропитала одежду Динго и теперь растекалась по пыльной земле, превратившись в бурю грязь.

Уэйн склонился над поверженным врагом. Тот должен знать, где находится Брайт! Но Динго лишь корчил гримасы и выдувал изо рта красные пузыри. Захлёбываясь кровью, он долго бил руками по земле, пока не затих.

Уэйн поднялся, отряхнул колени от пыли и, постояв над телом некоторое время, стал выбираться из ямы.

Аккуратный рюкзак из белой кожи Уэйн нашёл с другой стороны моста, возле потухшего костра. Лежбище Динго... Над ещё тёплыми углями были протянуты стальные прутья, на которых недавно жарили плоть. А неподалёку, в мусорной яме, лежали обрезки чей-то одежды, скальп и много-много окровавленных костей, покрытых шевелящимся ковром из мясных мух.

Уэйн расцепил застёжки рюкзака и вывалил содержимое на землю. Ножи, старая вилка, миска, фляга, затёртая дорожная карта (Брайт не обозначен), бинокль...

Последним из рюкзака выпал свёрток из плотной ткани. Уэйн развернул его и тут же учуял аромат мяса.

Жареное. Только недавно с костра, ещё дымком пахнет. Рот невольно наполнился слюной. Запах дразнил, вёл за собой, соблазнял. Вспомнился умирающий от анафилактического шока паренёк, но остановить умирающего от голода Уэйна это уже не могло — он поднёс кусочек мяса ко рту, положил на язык и стал жадно жевать...

Днём позже ему вспомнились слова старика: «...любой человек должен кушать всё — такова его природа, таким он создан. Это как строить домик из карт. Убери несколько из основания — дом рухнет».

Уэйн нашёл, что его собственный дом крепок как никогда. Сытый желудок довольно урчал, переваривая необычную пищу.

Одного Уэйн не мог понять: почему он ещё не мёртв, хотя и поел запретного мяса? Отец когда-то сказал, что мясо представителей своего вида усваивается лучше из-за сходного состава каких-то там... белков, что ли?

Выходит отец знал? Знал, чем занимаются люди из Брайта?

Уэйн решил, что ему на это плевать. Пока он жив — он будет искать заветный город.

Всегда.

Он шёл по дороге и, впервые за долгое время, улыбался. Полный сил, он даже принялся насвистывать песенку.

Брайт.

Уэйн идёт в Брайт.

АРТ ГЛУШИН

АППАРАТ ХОЛЬЦМАНА

*Единственный способ обнаружения пределов
возможного состоит в том, чтобы отважиться
сделать шаг в невозможное.*

Второй закон Артура Кларка

1

Холодные дождевые капли барабанили по зонтам собравшихся на Арлингтонском кладбище. Тяжелый дубовый гроб укрыт под звездно-полосатым флагом.

— Яков Хольцман стал для нас символом перемен, — начинает свою речь президент под прицелом десятков объективов, — Он перевернул наше представление о мире и месте человека в нем.

Я вглядываюсь в лица людей, сидящих вокруг меня: министры, генералы, сенаторы, коллеги-ученые и никакой родни умершего. У него никогда не было семьи и друзей. Сейчас это кажется мне печальным: самый великий человек столетия не смог создать ничего, похожего на личную жизнь.

С другой стороны, вчера на церемонию прощания в Капитолий пришло более трехсот тысяч посетителей — это больше, чем удалось собрать Кеннеди. И никогда до этого не было церемоний прощания в Капитолии для ученых. Доктор Хольцман стал первым. Быть может, все эти простые люди и стали его семьей? Кто знает...

Черный ворон спикировал на гроб. Он громко каркает, привлекая к себе внимание. Перья птицы блестят от дождя, а взгляд скользит по толпе, будто выискивая кого-то.

Президент сбивается на полуслове, зачарованный храброй птицей.

Готов поклясться, что ворон смотрит на меня, и от этих янтарных глаз нутро сжимает холодный страх.

Сотрудник секретной службы сгоняет птицу с гроба, но та и не думает улетать. Она низко парит над землей и непрерывно каркает.

Президент громко прочищает горло и продолжает:

— Сложно переоценить вклад Доктора Хольцмана в науку и тот мир, в котором мы живем.

Я складываю зонт и подставляю лицо колючей влаге. Мы встречаемся с вороном взглядами. Птица описывает круги над головами людей.

— К-а-а-р, — горланит пернатая, и я понимаю, что это сообщение адресовано именно мне.

— Покойся с миром, — с отточенной ноткой скорби в голосе заканчивает глава государства, а я в это время уже спешно удаляюсь от места захоронения.

Рябят перед глазами белые надгробья. Щекочет ноздри запах мокрой травы. Позади меня слышатся выстрелы. Солдаты в парадных мундирах дают прощальные залпы в честь одного хорошего человека.

2

Мы познакомились с Доктором Хольцманом в далеком семнадцатом. Тогда он работал младшим научным сотрудником в пермском НИИ Лобачевского, сталкивая частицы на доисторических ускорителях.

Даже среди коллег его идеи не находили особой поддержки. Слишком смелые, претенциозные, фантастические, и, вообще, они больше походили на шаманство, нежели на научные выкладки.

Использовать эффект Казимира в макромасштабе? Извлекать энергию из вакуума? Создать синтезатор материи?

Над Яковом Петровичем смеялись в голос и относились к нему, как к штатному шуту, и не более. Хотя тогда он был просто Яковом — отчества еще не заслужил — ведь ему было всего двадцать три года.

Хольцман не особо расстраивался по поводу отношения окружающих к себе. Вместо этого, он много работал и с завидным постоянством писал письма в различные министерства с просьбой профинансировать тот или иной его проект. Неизменным ответом ему был отказ. Доводы, приводимые в качестве объяснения отрицательного результата, сводились к недостаточной проработке гипотез и отсутствию экспериментальных подтверждений излагаемых идей. Хотя, безусловно, основной причиной были деньги. Требовались огромные вливания для проверки выдвигаемых предположений.

Именно из писем мы и узнали о существовании Якова Хольцмана.

Одно из таких сообщений попало на стол нужному человеку в Англии, и он связался со мной.

Был теплый майский день, когда я подсел к Якову в парке и завязал беседу.

На поверку этот тщедушный юноша с бледной кожей и бегающими глазками оказался весьма интересным собеседником. Для меня навсегда осталось загадкой: как ему удалось совсем не обзавестись друзьями. Может быть, дело в его фанатичной преданности работе или полном неприятии чужой точки зрения?

Мы же с ним сблизились достаточно быстро. Меня хорошо научили слушать, а это качество для Хольцмана было, пожалуй, самым важным.

Спустя месяц я предложил ему поработать на Правительство США. Он сразу же согласился, так как считал научные достижения достоянием всего человечества в целом, а не отдельно взятой державы. Еще через неделю мы перевезли Якова Хольцмана на военную базу в Колорадо. Тогда нас интересовали его работы в области наведения, в частности геомагнитное прицеливание. Хольцман считал, что биоритмы любого человека уникальны, и если их научиться грамотно считывать и записывать, то можно найти кого угодно и где угодно. Стыдно признаться, но тогда я считал эту идею глупостью. Теперь же, когда вся Америка имеет вживленные биопаспорта и более восьмидесяти процентов населения Земли зарегистрировано в социальных сетях, а в качестве пароля используют собственный биоритм, нам достаточно парочки сканеров геомагнитного поля, разработанных Хольцманом, чтобы прицелиться с точностью до сантиметра.

Но тогда я ничего этого не знал.

3

— Число жертв достигло семидесяти, — вещает взволнованное лицо дикторши.

Толпа зевак сгрудилась у экрана на Мериленд стрит и, затаив дыхание, внемлет каждому слову. Движение транспорта заморожено, и я застрял в этой пробке.

— Совершенно точно известно, что сорок седьмой президент Соединенных Штатов Америки Ричард Шелби погиб, — на последнем слове голос диктора дрогнул, — В настоящий момент официальные власти воздерживаются от каких-либо комментариев. Напомню, что сегодня в три часа сорок три минуты во время церемонии погребения Доктора Якова Хольцмана на Арлингтонском кладбище прогремел взрыв.

На экране раз за разом гоняют запись заснятой десятками камер вспышки.

Взорвался ворон, но по телевизору об этом, конечно же, не скажут.

«Официальные власти воздерживаются от комментариев? — я улыбнулся, — Да, ведь все официальные власти расплыло по сырой траве». Почему-то эта мысль поднимает мне настроение.

4

В следующий раз мы встретились с Доктором Хольцманом в августе двадцать четвертого.

Меня перевели из ЦРУ в Управление директора национальной разведки. Я быстро рос по карьерной лестнице и дослужился до помощника по космическим исследованиям. В качестве инспектора я прибыл на один из полигонов НАСА.

У Хольцмана к тому моменту за плечами был пяток успешных проектов и с полсотни патентов в самых разных областях. Помните прибор для измерения гормонального баланса и электрической корректировке выработки сератонина, мелатонина и дофамина? Эти коробочки сейчас разлетаются миллионами по триста сорок долларов за штуку. Еще бы — легальный наркотик. Так вот, это — изобретение Якова Петровича начала двадцатых годов. Одно из великого множества других не менее значимых устройств созданных гением.

У него даже была медаль конгресса, но, при этом, он оставался малоизвестной фигурой. Не любил внимание к своей персоне.

Надпись на двери кабинета гласила: «Джон Лагранж — главный инженер». Мне доподлинно было известно, что именно этот человек неофициальной глава проекта «Осирис». Однако, даже у нас в разведке, не знали его лица.

Открыв стеклянную дверь, я ожидал увидеть тучного профессора или не менее тучного чиновника. Однако на меня смотрела пара пытливых глаз, и я сразу узнал своего знакомого. Складывалось такое впечатление, что он состарился, не успев повзрослеть: совершенно юношеское лицо обрамляла всклокоченная копна седых волос.

Хольцман молча улыбнулся и протянул мне чашку горячего чая.

За обедом он рассказал мне о сути «проекта всей его жизни» под эгидой НАСА, министерства обороны и целого вывода частных инвесторов в лице крупнейших мировых корпораций. Он рассказал мне об «Осирисе».

Если излагать вкратце, то суть его сводилась к созданию всего из ничего, по документации этот процесс назывался вакуумной конвертацией.

По словам Хольцмана, подобное можно было реализовать лишь в условиях невесомости. Поэтому на околоземную орбиту планировалось вывести тысячи тонн оборудования и собрать там космическую станцию. Сам вакуумный конвертер состоял из трех основных элементов: зеркального диска-ловушки для генерации флуктуаций на основе Эффекта Казимира, термоядерного реактора, необходимого для первоначального обеспечения пусков энергией, и собственно вакуумного конвертера — сейчас он известен как аппарат Хольцмана — способного преобразовывать мельчайшие искажения в реальные частицы.

Яков рассказывал мне все это с огнем в глазах и часто употреблял узкоспециальные термины, в которых я не особо разбираюсь.

— Ты понимаешь, мы в состоянии превратить квантовые эффекты во вполне реальные предметы. Хотя, конечно, первое время будем пробовать силы на парах протон-антипротон и электрон-позитрон. С другой стороны, уже через месяц после первого старта нам не потребуется топливо для реактора. По сути, мы создаем вечный двигатель, вечный источник энергии, а в перспективе — и бесконечные ресурсы. Любые известные и неизвестные элементы можно будет синтезировать совершенно свободно и

бесплатно. Более того, из синтезированных элементов мы построим орбитальные лифты от станции до Земли и будем доставлять все это людям. Не будет голода и войны. Понимаешь?

В тот вечер я много думал о том, что мне поведал Яков. По долгу службы у меня, как и у Хольцмана, не было друзей — пожалуй, это нас и сближало. Я ему искренне сочувствовал, так как прекрасно знал настоящую цель создания вакуумного конвертера.

5

Пробка, видимо, продлится вечно. Поэтому я бросаю свою машину и добираюсь до дома пешком.

У меня еще есть немного времени, прежде чем они за мной придут.

Спецслужбы быстро спохватятся, узнав, что я спонтанно покинул кладбище до взрыва. Начнутся неудобные вопросы, а после биохимического вмешательства всплывут совсем неприятные для меня факты. Поэтому я беру из дому чемодан со всем необходимым от наличности до сопроводительных документов. Включаю заглушку биоритмов — теперь меня зовут Гарри Уилсон, и на всех сканерах я буду отображаться именно под этим именем.

Меня учили исчезать.

6

Вакуумный конвертер запустили в мае тридцатого.

Уже через год на орбите было собрано несколько фабрик по производству сыра.

Еще через три года построили первый орбитальный лифт. Затем он оброс трубопроводами с нефтью и газом. Правительство не интересовало потенциальные возможности «Осириса», им было нужно топливо.

Остальной мир не мог конкурировать с дармовыми ресурсами США.

Попытки других государств построить нечто подобное «Осирису» неизменно заканчивались крахом. Строгая секретность вакуумного конвертера была более чем оправдана, и государство не жалело денег для сохранения своих тайн.

Планета нищала, в то время как Соединенные Штаты процветали.

Дело шло к войне. Однако и тут было одно «но»: перед запуском проекта «Осирис», Яков Хольцман два года проработал на Министерство обороны, где ему удалось создать универсальный электромагнитный излучатель — чудовищное изобретение, способное вырубить всю электронику на Земле. Ракеты не наведутся, самолеты не взлетят, радары ослепнут, и все другие страны прекрасно знали: в случае попытки силового вмешательства нажатием одной кнопки весь мир вернется в каменный век. Вот так, элегантно и просто, Хольцман решил вопрос тотальной войны.

Однако диверсии безымянных террористов носили глобальный характер. Америку буквально взрывали изнутри.

Тогда президент Шелби в официальном обращении объявил о массовой экспансии в случае прекращения терактов. Фактически, он возвестил о начале Третьей Мировой Войны, так как мы в Лэнгли прекрасно знали, кто стоит за большинством таких актов. Я лично одобрил проект подрыва телебашни в Сигтле.

Все это время Хольцман самозабвенно работал на орбитальной станции, но в тридцать шестом он вернулся на Землю. К тому моменту он уже был национальным героем.

На встрече с президентом доктор Хольцман заявил, что отказывается участвовать в этом кошмаре, и намерен передать свои изобретения всем другим государствам.

После таких слов его решили устранить.

7

— Они тебя убьют.

— Спасибо, что предупредил.

— Тебе стоит покинуть страну. Я могу тебе помочь.

Хольцман достал сигарету и повертел ее в пальцах:

— Знаешь, я ведь никогда раньше не курил, — он поджег никотиновую палочку, глубоко затянулся, а затем закашлялся, — Хм, похоже я втянусь.

— Ты слышишь, что я тебе говорю?

Яков пристально посмотрел мне в глаза:

— Люди перестали верить в чудеса, Майк, и часть этой вины лежит на мне, но, работая на станции, я кое-что понял.

Я вопросительно воззрился на него.

— Я понял, что это поправимо.

— В смысле?

— В том смысле, Майк, что сейчас я могу синтезировать что угодно и где угодно. Мне уже не нужен весь этот металлический хлам на орбите, — в его руке волшебным образом материализовалась бутылка виски, — Это же твоё любимое?

Я кивнул.

— Иди домой и не волнуйся.

Этот разговор состоялся на прошлой неделе во вторник, а в четверг утром его нашли мертвым на полу своей ванной. В медицинском заключении значилась смерть от обширного инсульта.

8

Я выбираюсь из города на попутках. Мой путь лежит в Мексику.

По радио только и говорят, что о новых терактах: погиб вице-президент,

директор ЦРУ задушен во сне, глава Банка федерального резерва разбился в авиакатастрофе, сгорела военная база в Небраске (там находился электромагнитный излучатель), пожар в Пентагоне...

Мир меняется, и я понимаю, что это как-то связано с нашей последней беседой с Доктором Хольцманом. Чем на самом деле он занимался там, в космосе последние годы? Какие планы вынашивал? Но точно известно, что его недооценили.

Водитель останавливается у заправки и идет пополнить бак, когда я вижу странное движение на горизонте. Множество черных точек приближаются с востока.

Я выхожу из машины и, укрыв ладонью глаза от солнечного света, пытаюсь разобрать, что это такое.

Тысячи черных воронов заслоняют своими телами небо. Присмотревшись, я понимаю, что каждая птица несет что-то в когтистых лапах.

Я прищуриваюсь и начинаю хохотать.

Одни вороны несут рыбу и хлеб, а другие оливковые ветви.

От смеха у меня на глазах выступают слезы.

Люди вокруг заворожено смотрят на загадочное явление: они не понимают, что это только начало тех чудес, которые еще предстоит увидеть.

Одна из птиц выпускает свою ношу мне прямо в руки. Я ловлю кусок черного хлеба и жадно впииваюсь в него зубами. Вкусно. Только что-то неприятно шуршит на зубах. Я достаю изо рта свернутый в трубочку листок. Разворачиваю его.

«Скоро увидимся, Майк», — гласит надпись.

Я думаю, войны и голода в этом мире больше не будет; и уж не знаю, каким станет наше новое божество, но что с чувством юмора у него все в порядке — это точно.

ФЁДОР БЕРЕЗИН

ТОПЛИВО ДЛЯ КОСМОСА

Вот хочется сегодня открыто сказать об одной давней проблеме космонавтики. Уже пора, наконец, снять это чертов гриф секретности и поговорить о деле во весь голос. В конце-концов, вдруг широкая общественность, узнав о трагедии, и вправду, предложит чего-нибудь радикальное. Нет, на счет беспилотной астронавтики все и так понимают. Уже идем по этому пути, никак не сворачивая, сколько десятилетий. И если по существу дело не решить, то так и идти будем, без альтернатив.

А как раньше-то, когда-то, надеялись. «На пыльных тропинках далеких...» Почему-то все никак. Уже вокруг Земли-мамы как-то можем. И длительно можем. Лишь бы «Прогрессы» бесперебойно доставляли необходимое. «Шатлы», вон, не справились. Вроде бы, по первичным планам, должно было бы наоборот. У них загрузка — будь здоров, сколько ящиков можно поместить туда и сколько пустопорожней тары вернуть в обратку. Однако никак не выходит. То ли неаккуратно они на полосу садятся, то ли ускорители уж больно ретиво их в верхотуру разгоняют, но бьется тара, не добирается до места. Потому и международную станцию наши аккуратные транспорты, да старички «Союзы» обслуживают. По первому разряду, как полагается. А без них бы... Без них бы астронавты волками завывали, и очень даже скоро.

Проблема, конечно же, почти с самого начала возникла. В смысле, пока виток-два накручивали, то как-то не подумали наперед. Инженеры, те тоже, все на Земле-маме, им как понять-представить? Так и писатели, и даже фантасты, не усекали. Надо же! Но, в общем, почувствовали быстро, еще до эпохи длительных полетов. Космонавты-то все, почти поголовно, кто? Мужики, правильно? А без чего мужик через сутки уже нервничает, а через двое-трое почти сознание теряет? Не, без кислорода, то дело понятное. Тут и десяти минут не получится, так что про кислород и прочие азоты конструкторщики не забыли и сотворили все «тип-топ». Дело, конечно же, в другой горючке для приученного к Земле-матери организма.

Ведь у нормального мужика, без чего на второй-третий день руки трясутся так, что в рукава скафандра не попадают? Что уж говорить о кнопках или, тем паче, о затяжке разводным ключом какой-то антенны на внешнем корпусе? Правильно, у нормального русского мужика без утреннего стакана работа никогда не заладится. Понятно, космонавты, они мужики

тренированные, их в сурдокамерах выдерживают, натаскивают волевой потенциал. Некоторые после тренажей даже и по три дня держатся. Кто из простых гражданских шпиков сумеет столько «ни-ни»?

Однако в длительных полетах, сами понимаете, сроки совсем другие. Космонавты — народ специально подобранный, умный. Догадываются, чем пахнет, на месячишко-другой пристыковаться к какому-нибудь «Салюту». Тут интуиция еще и без третьего дня работает. Потому и стыковки ни черта конечно сначала не получались. Запустят к «Салюту», а они никак. Тогда глав-конструктор сообразил, батяня. Стыкуйтесь, говорит. Там мы для вас, за панелькой, коньячок запрятали, два литра. Конечно, стыковка тут же, в ручном режиме, «на ура». Ну, а потом «Прогрессы», чередой, подвозят и подвозят. Чего ж, при таком сервисе, не ставить рекорды? Тут тебе и сто пятьдесят суток, тут и двести, и вообще сколько потребуется.

Конечно же, это проблема не чисто русская. Это только говорят, мол, русская национальная черта. Другие, они тоже не из железа. Вот, братья по космосу — американцы, к примеру. Выволокли на орбиту целый «Скайлэб». Уж напихали в него всяческих виски: еле-еле бедный «Сатурн» поднял. Ну, думали, теперь наши парни запросто русских пересидят, не только ж тем по двести суток над землей торчать.

И результат?

Братцы-астронавты за три смены выдали все запасы. И ладно выдали с перевыполнением. Конгресс уж как-нибудь наскреб бы на парочку добавочных «Аполлонов» с виски и содовой, однако как быть со сливом? Ну, в смысле, все ж понимаем. Закон сохранения, туды его в качель. Сколько ванли, столько ж и обратно прет. А космос вам не благодатная Земля, где за деревце отошел, под елочку спрятался, тут тебе и освободил организм для добавки. Мировое пространство, оно устроено просто таки по-дурацки. Ни тебе елочки, ни кусточка. Мало того, вообще просто так выливать нельзя. Все, понимаете, тут же леденеет — вакуум, что б его — а далее следует уже в виде сосулек. Когда-нибудь проходя под чердаком, под сосулечный град не попадали? Знаю, что не попадали. Кто попадал, тот уже до конца светлой жизни из травматологии ни-ни, да и осваивать сложный текст ему уже как бы нечем особо. А здесь сосульки под восемь км в секунду. (Благо на Землю-маму, все едино, выпадут лишь дождем). Однако не дело творить из космоса совсем уж необитаемость. Потому все, что накапливаем, бережем до спуска. «Скайлэб», он, конечно большая дура — восемьдесят тонн. Отсек для опустевшей посуды и всяческого переработанного добра десять кубометров. Но братья-астронавты увлеклись. Короче, вместо рекордов долго-жизни на орбите, пришлось срочным образом топить штуковину. Но братья-янки, все ж, погуляли на славу.

Некоторые странные спрашивают. Почему, мол, не летаем на Луну? Вон она, мол, совсем на глазах подвешена, не то, что Венера какая-нибудь. Дураки, что ли, или прикидываются? Как же туда долететь-то? Ребят

посылают на «Зонде». А они, с голодухи, — в смысле, наконец-то без начальства, без тренировок всяких в этих сурдокамерах, — за полтора суток выдают весь запас. Как дальше-то лететь? Хотите ЧП в космосе с последствиями?

Были ли американцы?

Вопрос, конечно, интересный. Но вы ж взрослые люди, должны понимать. Какой нормальный мужик сможет трое суток только туда? Где взять такой грузоподъемный корабль, чтобы донес достаточный запас? Вон, в «Аполлоне-13» едва живые вернулись. Так все ж до Луны долетели, но куда там садиться... Горючка ж кончилась еще на подходе. Ребят ели-ели спасли. Как они до Земли-то дотянули, не промахнулись в какой-нибудь Марс? Уж света белого не видели. Бедным на подобрывшем авианосце сразу — «За прибытие». Первых, с «Аполло-11», тех вообще «на карантин» — две недели, под врачебный контроль: до «белочки» дошли, наверное. Куда там помнить, были на той Луне, или мимо проскочили? Что-то вроде снимали. Где снимали, какой стороной камеру разворачивали, где пленка вообще? Нету, говорят, на кассете восходов-заходов Земли. Какая, на фиг, Земля? Они через день полета уже иллюминатор не видели в упор. Короче мороки с этой Луной. Ладно б в этих самых лунных морях хоть бы что-нибудь бы наливалось.

Наши, с «Роскосмоса», те вообще придумали: «двухпусковая схема». То есть, лететь в двух ракетах. Стыковаться уже около Луны. Типа в одной экипаж, и что бы ни-ни, а уж когда состыкуются, то там ящик «Столичной» приняттован.

Идиоты! В смысле, кто избобрел. А-то наши в открытый космос никогда не выходили. Еще товарищ Леонов всем показал. Так что ребятишки и без стыковки достали что надо. Ну и... В общем, опять не добрались. И «амеры» тоже, понятно. Потом, что б народ не косился, что-то в Голливуде после опохмелки отсняли. Но кто ж поверит? Разве не видно, что все чистенько, на трезвую голову? Разве так могло быть на Луне? Да там бы после прилета, только бутылок пустых — считать не пересчитать! Спьяну флаг установить? Да вы что! Он бы не только вибрировал без ветра, а и в вертикаль бы не поднялся. Короче, насмешили с этой Луной, прямо. К черту ее вообще. Правда, япошки, что-то обещают. Может, ихнее саке меньше весит? Не верится как-то. Или, может, они своих в анабиоз вначале, а там, после посадки, автоматика разбудит, нальет «за здравие», дабы снялись на поверхности? Ну, разве что, если так и в самом деле.

А вон янки заявили: «сразу на Марс, без всяких промежуточных!». Рисковые парни. Но готовятся загодя. Всякие «Пасфайндеры» по пустыне катаются, закапывают банковое виски, чтоб астронавты будущие по следам шли, с миноискателем, копали. Заодно — грунт. Короче, с тем, как там быть в отсутствии местного производства, понятно. Но вот как долететь? Вопрос однако.

Наши вон, уже шестиместный корабль готовят. Типа, если большой

толпой, то, может, будут друг дружку отговаривать, удерживать. Да и, опять же, шесть человек в два раза больше анекдотов расскажут, чем троица, отвлекут мысль от известной тропки, так что, может... Но вот мало верится. Может, сразу не рисковать, а делать на двенадцать персон? Там уж как-то покультурней будет. Тамада, то се. Может, у них на больший срок «топлива-то» хватит?

Нам бы, конечно, добраться бы до Юпитера. Вот там... Да не, спускаться не надо. Всякие там пять «жэ», магнитные поля. Речь о спутниках. Европа (спутник такой, надо же): там только пробуриться чуток ледорубом. Подо льдом сплошные водочные океаны. Дойдем потом, хоть до Плутона. Конечно, лед толстоват, что та Антарктида на выезде. Но ведь можно и не бурить. Если не на Европу, в смысле. Ио — тот просто кипит. Гляньте на снимки. Варится там самогон — на пол галактики хватит. Когда расшифровали первые фото с «Вояджера», пол центра управления в Хьюстоне рвали на себе волосы: чего «Вояджер» без экипажа? Они б сами все экзамены на астронавта сдали досрочно.

Конечно, предлагался способ. Послать вместо парней — женщин. Они, вроде бы, без водки вполне так могут день, или даже два. Бабы, правда, шампанское... Но, вроде, и без него могут некоторое время. Но, братцы дорогие! Без водки они, допустим, могут. Однако они и сутки... В сурдокамере, вон, эксперимент проводили... В общем, и сутки не могут без мужиков. А мужики, те, опять же, не могут...

Беда с этой космонавтикой, прямо!

Завидую, конечно, будущим потомкам — звездоплавателям. Вот служба-то настанет, когда доберутся до туманностей. Некоторые, по правильно-научным взглядам астрономов, состоят из чистого спирта. Представьте, десять-двадцать световых лет — сплошная лафа. Понятно, почему некоторые астрономы только изучением туманностей и занимаются: им бы хоть одним глазком посматривать периодически, и то на душе легче. А ученому народу уже не терпится: разрабатывают топливо-собиратель, в смысле, «уловитель спирто-молекул». Выглядит приблизительно так: большущая (километра два диаметром) воронка — ведь туманности, что б все знали, страшно разряженные штуки. И вот, воронка улавливает, сводит, так сказать, в фокус, а тут уж и змеевик... И сконденсированная жидкость — чистейшая космическая слеза — подается куда надо. Благодать просто. Нужно прибавить поток — ну там, день рождения у кого-то из команды (команды ж большие будут) — поддал газу. Звездолет понесся как угорелый, сбор «слезы» увеличивается. Требуется пауза — ну, передохнуть, оклематься пол суток хотя бы, — притормознули чуток.

Так бы и летал по этим облакам. Эх...

Вот не повезло же Земле напей. Идем сквозь какую-то пустоту. А ведь есть, наверное, везучие цивилизации. Им и летать-то никуда не надо. Дует их солнце прямо сквозь нужную туманность напропалую. Благодать прямо из

атмосферы осыпается дождиком. Быстрей бы, что ли, встретиться с этими братьями, обняться, отметить, как водится. Закусь у них, конечно, своя, специфическая; тут уж ничего не поделаешь: у кого чего на огороде растет, тот то и кушает. Но зато самое главное у всех нас что надо. А как же иначе? Ведь не зря же большой космос заполнен нужными облаками. Только с помощью них, и могут далекие братцы по разуму добраться друг до дружки.

Кстати! В процессе исследований данного вопроса, между делом, совершенно выдающееся открытие. Наконец-то разрешена извечная проблема, волнующая человечество вот уже лет двести, как минимум. Все-таки установлено, почему водку разливают в бутылки! Думаете, потому, что так удобнее наливать? Вовсе нет. Просто именно с помощью бутылки ее становится видно(!). Попросту видно. Ведь по своей природе она полностью прозрачна, и без бутылки ее никоим образом не обнаружить. Ибо без бутылки... Где водка? Подайте ее сюда! Где ж она? Жаждающие руки шарят в пространстве. Ну, никак не найти.

По поводу открытия, возникает удивительная мысль. Вдруг все мы просто окружены облаками вино-водочных субстанций? Просто не видим своего счастья. Быть может, мы давно уж, вместе с Землей, попали в эту самую межзвездную спиртовую туманность, и несемся через нее задарма, не зрим тутошней благодати? В самом деле, уже то, что мы обнаружили данные явления в десятках парсек и то удача. Они ведь вообще разряжены и видны чисто за счет своей бешеной протяженности.

Так может, это нам братья-то из шаровитых скоплений завидуют? У них же там, точно, никаких туманностей не проглядывается.

Значит, ждем гостей.

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

КОРОЛЕВСКАЯ КОШКА И КРАСНОБОРОДЫЙ МУЖ

Кошка была королевских кровей. Он понял это сразу. А то, что в хлеву жила... Мало ли, куда жизнь занесет?

Краснобородый Муж — охотник за королями, королевами и прочими августейшими особами — почесал бороду. Совсем даже не красную, а вполне себе черную с проседью. Королевскую кровь он всегда распознавал сразу и безошибочно. Поставь две девки рядом, наряди, причеши одинаково, манерам надлежащим выучи, и все равно не спутает он истинную КРОВЬ! Но — то девки. Что с девкой делать — хоть августейшей, хоть не очень — доблестный Муж знал хорошо. А как прикажете поступить с августейшей кошкой?

Муж присел на корточки, негромко позвал: «Кис-кис». Белоснежная киса — котенок совсем — обернулась. На удивленной мордочке красовалось темно-серое пятно. Впрочем, оно пушистую королеву совсем не портило. Муж протянул руку. Киса понюхала ее и... яростно ударила когтистой лапой. Несколько раз. После чего отскочила и презрительно воззрилась на Мужа. Тот, в свою очередь удивленно уставился на царапину. И как с ней быть? С кошкой в смысле? С одной стороны поступок ее вполне королевский, но с другой — неблагоприятный какой-то. Помочь ведь хотел. Решил, что хлев — не совсем подходящее место для подобного создания, и уже почти смирился с тем, что создание придется унести с собой, а оно — царапаться!

Кошка, все еще наблюдающая за странным седеющим человеком, вдруг встопорщила усы и гневно зашипела.

— Ну и пропадай в хлеву! — бросил в ответ Краснобородый Муж и вышел прочь.

Белая кошка лежала в углу, уткнув серую мордочку в пучок соломы. Ей было одиноко, неудобно и местами страшно. Она понятия не имела, как оказалась в хлеву с коровами — существами, несомненно, добрыми, но не слишком разумными. Однако точно помнила — когда-то у нее была ДРУГАЯ жизнь. Хлев ей не нравился. А от седеющего незнакомца пахло чем-то... давно забытым. Но не доверяться же первому встречному?

Киса вздохнула и, стараясь не обращать внимание на утробное «Му-у-у!», задремала.

Краснобородый Муж дремал на солнечной полянке, не забывая одним глазом поглядывать по сторонам: не пахнет ли охотой? Ведь если существуют охотники на королей, почему бы не отыскаться таковым и на Мужа? Хотя лично он на Высочеств с Величествами не то, чтобы охотился... Судьба доверила ему изучение вероятностей. Скажем, есть в некоем государстве король — так себе корوليшко, ни рыба, ни мясо, а у него — брат или даже жена с во-о-от таким потенциалом. Дай ей возможность — горы свернет! Тут-то и настает время Мужа — при вероятности удачи свыше 90% краснеет борода, каждая волосинка наливается алым цветом, и открывается доступ к нитям Судьбы. Немного коррекции — и не быть больше королем корوليшке.

А иногда и обрезать нить Судьбы приходится. А то и не одну. Если вероятность показывает, что король не только «гору», но и страну вот-вот к чертям свернет. Жаль только, не всегда Краснобородые успевают вовремя...

— Интересно, какой бы правитель вышел из пушистой негодницы? Кем она вообще была? Не признать... — думал Муж, провожая взглядом белое облачко.

Утром проснулась память, возвращая обрывки прошлой жизни. Любовь короля, замужество и вожделенная корона, расколотая надвое страна, кровь, казни, венценосный супруг, помешанный на рождении сына, заговоры и, наконец, эшафот.

Она не помнила всего, и это, несомненно, было к лучшему. Она вспомнила хоть что-то и не знала, мурлыкать ей от радости или рычать от отчаяния.

Взбужденная кошка выбежала из хлева, отряхнулась, лизнула пару раз шерстку и, задрав хвост, запагала навстречу Солнцу. Прошлая жизнь ей не нравилась. Будущая — посмотрим.

Его все-таки подстерегли. Окружили на рассвете. Их было много — не двое-трое, как прошлые разы — целый десяток. Охотники за Краснобородыми. Следить за королями ему поручила сама Судьба, а этим кто? Она же?

Муж плавно поднялся на ноги. Впрочем, это для него плавно — преследователи даже не поняли, когда он успел вскочить. Глаза в глаза. Когда вас так много, сложно заглянуть в глаза всем, но вы хоть не отводите взгляда, а ты что творишь, Судьба-мерзавка?

Глаза в глаза. Время остановилось, уступив место звону клинков и ярости. Люди, сражаясь на дуэли, стараются угодить шпагой в противника, Муж и Охотники — в нити жизни врага. Первых троих уложил за

считанные секунды. Оборвались ниточки, как миленькие. Со следующими двумя пришлось повозиться. А потом он начал слабеть. Силы утекали, дрожало все тело, а борода краснела с каждым мгновением, словно просчитывавая вероятности. Чьи?

Глаза в глаза. Вас уже четверо, но я по-прежнему один. Муж поднял затуманенный взгляд и... встретился с пустотой. Выжившие охотники вдруг замерли, уставились в одну точку. Тут бы их и добить, вот только не гоже в поединке убивать в спину. Это во-первых. А во-вторых, что-то изменилось. Что-то неуловимое. Он так и стоял, качаясь на ослабевших ногах, пока в лодыжку не ткнулось мягкое пушистое.

Охотники посмотрели на белую кошку, почти котенка, прижавшегося к ноге недобитого Мужа. Переглянулись, подобрали падших товарищей и пошли прочь. Таковы правила — нельзя трогать Краснобородого, за которого вступился убитый им же король. Или королева.

Кошка вскарабкалась Мужу на плечо, потерлась мордочкой о щеку. От изможденного человека пахло потом и жизнью. Муж взял неожиданную гостью на руки, заглянул в зеленые глазница.

— Так значит, ты одна из моих? Кто же ты? Не узнаю вас в гриме.

Кошка потянулась и мурлыкнула.

Какая разница — кто? Впереди — новая жизнь!

18.01.10

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

КАРАВАН НИОТКУДА

Орландо Паганини был специалистом высокого класса. Ему не повезло с фамилией — все, с кем его сводила судьба, через минуту после знакомства просили его сыграть на скрипке что-нибудь виртуозное. И бедному О. Паганини приходилось объяснять, что к Никколо он не имеет ни малейшего отношения, как, впрочем, к скрипке и вообще музыке, поскольку не обладает даже задатками музыкального слуха. Это ему было и не нужно, поскольку специальностью О. Паганини выбрал астрономию.

Я не исключаю и того, что именно из-за своей фамилии О. Паганини занялся тем, чем он занялся. Действительно, представители диких африканских племен вряд ли когда-либо слышали о существовании не только великого скрипача, но и такого музыкального инструмента, как виола.

* * *

Эта история стоит того, чтобы рассказать ее с самого начала — в хронологическом порядке. А началась она задолго до того, как ею заинтересовался О. Паганини.

Сначала — любопытный документ:

«...Сим довожу до сведения генерал-губернатора, что 18 мая 1867 года караван пришел в Анзеглуф без господина Лепру. Туземцы-проводники в один голос утверждали, что географа убили солдаты, одетые в европейскую форму, неизвестную им, что произошло это во время перехода от оазиса Хмара к оазису Орили. Во время нападения погиб также один из проводников, ливиец. По словам туземцев, господина Лепру и проводника похоронили в пустыне, и место захоронения вряд ли может быть найдено. Не только из-за невозможности найти маршрут среди песков, но скорее из-за репительного нежелания проводников. К сожалению, задача экспедиции так и не была выполнена...»

Из письма полковника Дежюса, командующего французским экспедиционным корпусом, генерал-губернатору Алжира господину Леверье. 20 мая 1867 года, Алжир.

* * *

И еще один документ — значительно более позднего времени:

«Экспедиция по наблюдению солнечного затмения, посланная итальянскими астрономами из обсерватории в Турине, закончилась неудачей.

Пятеро ученых, вооружившись небольшим солнечным телескопом, отправились 13 марта в Африку, чтобы к 12 мая достигнуть расчетного места в пустыне Сахара. По мнению ученых, это место идеально подходило для наблюдений, поскольку расположено точно посреди полосы движения лунной тени. Это позволяло следить за полной фазой затмения максимально возможное время — шесть с половиной минут. Кроме того, астроклиматические условия пустыни очень благоприятствуют получению качественных изображений небесных светил.

Однако итальянцам не удалось не только сфотографировать солнечную корону, но даже достигнуть цели маршрута. Группа вернулась в Оран 19 мая со сломанной аппаратурой. Руководитель группы доктор Р. Ронкони утверждает, что произошла авария. Однако, как стало известно нашему корреспонденту, с учеными происходили куда более странные и интригующие события, о чем мы непременно расскажем в следующих репортажах.»

«Свободный Алжир», 20 мая 1976 года

* * *

Между двумя годами — 1867 и 1976 — произошло еще несколько странных событий, связанных одним местом действия — областью с географическими координатами 26 градусов 18 минут северной широты и 4 градуса 48 минут западной долготы, расположенной на плато Эль-Эглаб, на высоте 640 метров над уровнем моря, в юго-восточной части Алжира.

Французский генерал-губернатор в свое время запретил публиковать какие бы то ни было сведения о том, почему погиб Лепру. Якобы потому, что нужно подождать результатов расследования. Однако расследование на самом деле и не велось. Время от времени из области Эль-Эглаба до господина Леверье доходили и другие странные сообщения, которые он, как и первое, прятал от греха подальше. Его преемник, Антуан Ферран, поступал точно таким же образом. Пресса, конечно, не дремала, изредка в газетах появлялись заметки, написанные по «горячим следам». Правда, выяснить, о чем писали алжирские газеты десятки лет назад, сейчас практически невозможно, однако, кое-что проникало и в прессу метрополии. Например, в парижскую «Монд» от 15 августа 1937 года:

«...Караван, выпедший с грузом соли и шерсти, так и не достиг цели. Вечером 13 числа в Оран прибыли г-да Дюбуа и Сегар, которые отбыли с караваном из Алжира месяц назад. Оба почтенных негоцианта вернулись в состоянии, близком к умопомешательству. Нашему корреспонденту удалось взять у г-на Сегара интервью перед тем, как г-н Сегар был госпитализирован. Из невразумительных рассказов удалось понять следующее.

Сначала все шло нормально. Караван вышел на плато Эль-Эглаба и шел через пески в направлении на Сирону, что на марокканской границе. Десять суток спустя между оазисами Хмара и Орили проводники заметили следы множества ног, а также верблюдов и, как они утверждают, то

ли автомобилей, то ли иных колесных механизмов. Следы шли с юга и поворачивали в сторону Орили, — туда же двигался и караван. Еще через сутки проводники сообщили, что слышат голоса, и несколько часов спустя караван вышел к оазису, не обозначенному на картах. Дальнейшие рассказы г-на Сегара, видимо, являются следствием бреда, возникшего в результате какого-то тяжелого потрясения.

Г-н Сегар утверждает, что у оазиса они встретились с корпусом наполеоновской армии, который отстал от основных сил и пробирался через пески к лагерю императора. Г-н Сегар утверждает, что лично насчитал восемь пушек, влекомых верблюдами, и около пяти сотен солдат, измученных тяжелым переходом, но, тем не менее, вполне живых, несмотря на то, что последний поход Наполеона в Африку отделен от нашего времени сроком в полтора столетия.

Что произошло дальше, понять вообще невозможно. Г-н Сегар полагает, что на караван напали наполеоновские мародеры, желая поживиться грузом шерсти. Во всяком случае, после короткой стычки многие были убиты, а г-дам Сегару, Дюбуа и двум проводникам из туземного населения удалось бежать. Как им удалось преодолеть три сотни лье обратного пути, г-н Сегар представления не имеет.

История эта весьма загадочна, однако, среди местного населения ходят легенды о том, что подобные встречи происходили и прежде. Доверчивость туземцев понятна, но что в действительности случилось с караваном?»

Еще одна цитата, теперь из дневника французского географа Рауля Гассенди. Отрывок был опубликован в 1914 году в парижской газете «La vie Parisien» — было это незадолго до начала мировой войны, и, возможно, поэтому публикация прошла незамеченной. Судьба Рауля Гассенди также неизвестна, хотя человек этот реально существовал — в научных журналах того времени есть статьи, подписанные этим именем.

«...Хотя Роберт Хоггард и англичанин, но более порядочного человека я не встречал. Мы славно провели время в Южной Сахаре, в области, где близко сходятся друг с другом границы Марокко, Алжира, Мавритании и Мали. Но все это неважно по сравнению с очень интересным феноменом. Местным жителям он давно известен, а европейцы воображают, что знают все на свете и потому слышать не желают о разных тайнах. В призраки и привидения я и сам не верю. Но Роберт показал мне следы, которыми нельзя пренебречь.

Было это между оазисами Хмара и Орили (опять эти названия!). Однажды вечером мы обсуждали с Робертом, могут ли в Европе начаться военные действия, и Роберт полагал, что это невероятно. Конечно, он наивен, но не в том дело. Во время спора зашла речь о прошлых войнах, и тогда Роберт сказал, что где-то в этих краях можно и до сих пор встретить какой-то из наполеоновских корпусов. Я посмеялся, чего никогда себе прежде не позволял. Я понимал обиду Роберта и готов был принести извинения, но Роберт сказал, что доказательства должны быть где-то рядом.

...Места здесь действительно уникальные. Полное безветрие стоит уже вторую неделю. Жара абсолютно сухая, гигрометр показывает влажность два процента! Наши следы сохраняются в песках несколько дней, а может, и больше. Сам обнаружил вчера собственные следы недельной давности. После того, как сделали дневной переход и стали лагерем, Роберт повел меня куда-то к востоку, хотя, по-моему, и сам не знал точного направления. Мы прошли около полутора лье, и здесь действительно произошла странная вещь, которой я пока не могу найти объяснения.

Взобрались на очередной бархан, и на вершине открылась цепочка следов — очень отчетливые следы крупного животного. Похоже на тигра, но вдвое больше. Роберт, вероятно, ожидал чего-то иного. Во всяком случае, следы его сильно напугали, и он захотел вернуться. А во мне разыгрался охотничий азарт. Я настоял, и мы пошли по следу. Прошли около половины лье — след оставался отчетливым, животное прошло часом раньше, это ясно. И тут, на вершине очередного бархана след оборвался. Просто животное сделало шаг — и исчезло. Я не могу этого понять. Роберт, видимо, понимает больше, но на вопросы отвечает неопределенно. Говорит что-то о вымерших саблезубых тиграх. Фантазер. Мы вернулись в лагерь...

...А ночью на нас напали. Постов мы, естественно, не выставляли — зачем они посреди пустыни? Я проснулся от страшного крика. Выскочил из палатки — вокруг сновали чьи-то тени, кто-то жутко кричал. И еще было рычание — какое-то совершенно невероятное. Что-то бросилось на меня, сбilo с ног, я почувствовал страшную боль в плече и потерял сознание...

...Очнулся днем — жара, и от этой неподвижности можно сойти с ума. Роберт сидел рядом со мной. Оказалось, что у меня правое плечо и рука до локтя разодраны почти до кости. Два проводника погибли, у одного из них голова почти оторвана. Кроме меня, ранен еще геолог Бакье. Никто толком это животное не разглядел. Один из проводников уверяет, что это дух какого-то местного божества, что, по-моему, полная чепуха — зачем божеству дух, и как может дух оторвать человеку голову?

Решено продолжать движение, несмотря на то, что...

Остальных страниц дневника, видимо, обнаружить не удалось. Что стало с автором? Английский ученый Р. Хогарт, кстати, погиб в 1923 году в Южной Сахаре. Точнее — пропал без вести, и с ним восемь человек, двое из которых были английскими историками. Почему историки отправились в опасную экспедицию? Чем привлек их Хогарт? Тем ли, что он рассказывал Гассенди? Это неизвестно.

* * *

А теперь вернемся к Орландо Паганини. Эта история происходила уже в наши дни, различные ее отрывки публиковали итальянские газеты в 2003 году, сам Паганини работал в обсерватории Турина и готов был рассказывать о своих приключениях каждому, кто желал слушать. Сомневающимся

он не любил. Погиб Паганини при странных обстоятельствах, но об этом — позднее.

Весной 2000 года правительство Алжира обратилось к французам и итальянцам с просьбой помочь в организации геологических и астроклиматических экспедиций в Южную Сахару. Откликнулись итальянские астрономы, которых заинтересовала возможность поставить несколько телескопов в этой интересной области. Высота более полукилометра, чистый воздух, отсутствие водных бассейнов — хорошая возможность для астрономических наблюдений. В Алжир прибыли трое сотрудников Туринской обсерватории. Паганини был в их числе.

2 мая 2000 года экспедиция отправилась в путь из селения Тиндуф в сторону хребта Игиди. Уже в то время Паганини был наслышан о странных историях, происходящих за этим невысоким хребтом — в области плато Эль-Эглаб. Собственно, все, что он знал из рассказов местных жителей, из найденных им редких записей европейцев и из официальных документов, сводилось к следующему:

Первое. На плато Эль-Эглаб можно встретить хорошо сохранившиеся следы людей и животных.

Второе. Там же люди постоянно слышат чьи-то голоса, крики и вопли. Не только животных, но и людей.

Третье. Есть сообщения о том, что на путников нападали животные, которых невозможно встретить нигде, кроме плато Эль-Эглаб.

И четвертое. Есть свидетели того, что на плато живут люди. Более того — солдаты. И самое невероятное — солдаты наполеоновской армии, судя по штандартам, форме и разговорам.

В отличие от своих коллег, Паганини обладал живым воображением и не боялся самых невероятных гипотез, полагая, что любую гипотезу нужно или надежно доказать или так же надежно опровергнуть.

Чтобы опровергнуть (в доказательства он все же не верил), Паганини отправился, сопровождаемый двумя проводниками-алжирцами, на плато Эль-Эглаб. В отличие от предшественников, он взял с собой кино — и телекамеру, два фотоаппарата и магнитофон.

Странности начались сразу, едва три путешественника вошли в пески Эль-Эглаба. Во-первых, подтвердилась версия о следах. Следов оказалось множество, не заметить их было невозможно. Все барханы были истоптаны. Огромные следы животных — предположительно, тигров, львов и даже слонов. Много следов людей — обутых и босых. И еще какие-то следы, будто по пескам волокли что-то тяжелое.

Во-вторых, голоса. На первой же ночевке Паганини записал на магнитофон разговор, который велся на французском языке, голоса слышались будто совсем рядом, но ничего подозрительного (кроме следов) в пределах видимости не наблюдалось. Говорили несколько человек:

— Послушай, смени Шарля, он хочет выпить...

— Эй, Шарло, иди сюда, есть хорошая история про ту бабу, помнишь, из Марселя...

— Сержант, проверьте посты к западу. Режюс видел там тигра.

— Слушаюсь!

— Господин Дюпон, вам не кажется, что завтра все же удастся выйти к перевалу? Запасы воды на исходе...

— Черта с два. Мы тут подохнем, а император и не почешется. Пески, чтобы им...

Утром проводники заявили, что дальше не пойдут. С них хватит. Они слышали, что тут нечисто, а теперь убедились сами. Если господин Паганини такой смелый, пусть идет сам.

Паганини пошел сам. Проводники остались ждать его в лагере — договорились, что астроном вернется через сорок восемь часов. Не позднее.

Паганини вернулся на три часа позже, когда проводники уже собирались в обратную дорогу. Он был ранен, из плеча сочилась кровь, телекамеру он бросил по пути, кинокамера была разбита, пленка, естественно, засвечена. Сохранилось только то, что удалось снять двумя фотоаппаратами. Этого тоже оказалось достаточно.

* * *

Покинув проводников, Паганини пошел на восток, навстречу солнцу. Направление он выбрал потому, что на восток вела цепочка следов, напоминавших следы сапог. Прошел час, другой, следы поднимались на барханы, спускались вниз, но оставались отчетливыми, будто были оставлены вчера. К полудню идти стало невозможно, Паганини решил подождать вечера. Особенно удручала полная неподвижность воздуха.

Сбросив с плеч рюкзак, он неожиданно услышал рев и увидел тигра, который несся к нему со скоростью гоночной машины. Оружие у астронома, естественно, было, но он успел подумать, что охотничья двустволка мало поможет — тигр был огромных размеров, даже издали видны были торчавшие из пасти изогнутые клыки. Саблезубый! Да они же вымерли черт знает когда!

Вместо ружья астроном взял в руки кинокамеру. И лишь когда животное приблизилось на расстояние пятидесяти метров, он, отбросив камеру, поднял ружье.

Но стрелять не пришлось. Тигр бежал не к астроному, а мимо него, преследуя добычу, которую Паганини так и не увидел. Животное промчалось в трех метрах, не обратив на итальянца никакого внимания. От тигра дурно пахло. И за ним оставалась четкая цепочка следов. Песчинки заполняли следы, но ненадолго — будто само время остановилось. Именно тогда Паганини пришло в голову это сравнение...

До вечера удалось отдохнуть. Запас воды был точно рассчитан, и, хотя жажда усиливалась, итальянец не позволял себе лишнего глотка. Когда

солнце опустилось почти до горизонта, отправился дальше. Теперь солнце светило в спину, и он шел быстро.

Избежать нападения ему не удалось — он даже не понял сначала, что на него напали. Чьи-то руки легли сзади ему на плечи, чья-то ладонь зажала рот, кто-то дал подножку, а потом ему на голову накинули мешок, и пока астронома куда-то несли, он думал о том, что не видит этого со стороны и не может зафиксировать на пленку.

Несли его, впрочем, недолго — минут десять. Потом его поставили на ноги, мешок сняли, и Паганини увидел, что стоит перед армейской палаткой, вокруг расположились солдаты в потрепанной полевой форме, которую Паганини смутно помнил по историческим фильмам. Коренастый загорелый офицер (так Паганини решил, разглядев знаки отличия) сказал по-французски:

— Кто такой? Что здесь делаешь?

Французский язык Паганини с грехом пополам понимал, но говорить на нем не решался. Сказал по-английски:

— Я итальянец. Астроном. Моя экспедиция имеет мирные цели.

— Если ты итальянец, — раздраженно сказал офицер по-итальянски, — то какого черта говоришь на языке островитян?

— О! — обрадовался Паганини. — Если вы знаете итальянский, все упрощается.

После чего, по его словам, уселся на песок и рассказал о себе все. Он прекрасно понимал, что во всей этой загадочной ситуации есть только один способ разобраться — быть предельно откровенным и рассчитывать на ответную откровенность.

Рассказ его был выслушан в полном молчании. Несколько десятков солдат сидели и стояли вокруг, переглядывались, а иные выразительно крутили пальцами у висков.

— Двадцатый век, значит, — с кислой миной сказал офицер. — Солнце тут жаркое, да... Пойдешь с нами, покажешь дорогу.

Он не поверил ни одному слову Паганини. Рассчитывать на ответную откровенность было бессмысленно. Но астроном все же попытался.

— А вы, — сказал он, обводя рукой вокруг, — как оказались здесь, среди песков?

Офицер помолчал, будто раздумывал, стоит ли разговаривать с этим психом.

— Экспедиционный корпус его императорского величества Буонапарте послан из Сальхуджи в Кантару. И год сейчас тысяча семьсот девяносто восьмой от рождения Господа нашего Иисуса. Запомни, если можешь. В пути мы вторую неделю и, видимо, сбились. Проводников вчера велел расстрелять, да... А ты пришел с запада, и по виду твоему можно судить, что идешь недолго. Значит, можешь вывести. С утра пойдем. И без глупостей.

Все-таки Паганини глупость сделал. Нет, не сбежал, об этом и мысли

не было. Но он-то, в отличие от наполеоновского офицера, прекрасно понимал, что происходит выдающееся событие, которому равных не было во всей человеческой истории. Нужно, чтобы важность момента понял и этот офицер. Зачем — нужно? Этого вопроса Паганини себе не задал, о чем потом жалел.

Он вытащил из рюкзака кинокамеру и сказал:

— Это кинокамера. Аппарат, с помощью которого можно снимать движущиеся картинки. Во времена Наполеона ничего подобного не было. Можете потрогать и убедиться. Век сейчас двадцатый.

Офицер взял камеру с опаской — видимо, боялся, что предмет взорвется у него в руках. Повертел, заглянул в объектив.

— Оптический прибор, несомненно, — сказал он, проявляя образованность. — А ну-ка, дай мешок.

Паганини не протестовал — глупо, когда стоишь под прицелом десятков ружей. Офицер перевернул рюкзак, высыпал содержимое на песок. Паганини открыл было рот, чтобы предупредить об осторожности, но в это время послышался шум, крики, со стороны постов бежали солдаты, потом и выстрелы раздались. Кто-то крикнул:

— Тигры!

Офицер быстро отдал какие-то распоряжения, Паганини не успел и шевельнуться, как был взят под руки двумя солдатами и препровожден в палатку, внутри которой не было ничего, кроме брошенной на песок тряпки, видимо, означавшей постель.

— Там у меня еда, — пробовал объяснить астроном, — и камеры испортите!

Но его не слушали.

Крики и стрельба продолжались минут двадцать. В палатке можно было только сидеть, что Паганини и сделал. Но хотелось есть и еще сильнее — пить. Он выполз из палатки и угодил в руки сторожившего его солдата. Тот быстро заговорил по-французски, а Паганини жестами показывал, что желает насытиться, как всякий уважающий себя европеец, к какому бы веку он ни принадлежал.

Его накормили. Без претензий, по-солдатски, из походного котла. Офицер ел со всеми, рядом с ним лежала кино— и прочая аппаратура.

— Эти тигры, — сказал он, обращаясь к Паганини, — никогда таких не видел, а я бывал в переделках. Огромные, господи... И клыки...

— Это саблезубые тигры, — пояснил итальянец. — Они вымерли несколько тысяч лет назад.

— А если вымерли, так какого черта они тут бегают? — резонно спросил офицер.

Паганини хотел было сказать, что и сам офицер должен был вымереть по всем законам природы лет двести назад, но вовремя придержал язык.

Он воображал, что, поев, офицер захочет продолжить разговор, он даже

представлял себе, как пробежит за приятной и познавательной беседой короткая летняя ночь, но у француза были иные намерения, и после ужина Паганини, несмотря на протесты, отконвоировали в его палатку.

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что пришлось тревожить часового, чтобы сходить по нужде. Спал астроном плохо, все пытался ответить на два вопроса. Во-первых, куда вести французов? На запад — к Тиндуфу? К людям? Но, черт, возьми, за двести лет блужданий, почему эти солдаты так и не вышли из пустыни? И тогда мысли плавно переходили к другому вопросу: что все это, черт возьми, значит? Какие наполеоновские солдаты в последний год двадцатого века? И еще саблезубый тигр, за чучело которого любой музей в Европе отвалит крупную сумму? Что еще водится в песках, которые, вопреки всем законам природы, сотни или тысячи лет хранят следы когда-то прошедших людей и пробежавших животных?

Кое-какие идеи на этот счет у Паганини уже были, но прежде он не был уверен в существовании самих фактов. Теперь же...

* * *

Разбудила его призывная труба. Господи, подумал он, неужели еще и флаг поднимать будут? Какой флаг — императорский?

Обошлось, впрочем, без официальной части. Астронома привели все к тому же офицеру, который так и не назвал своего имени, дали напиток и пожевать безвкусную бурду (на вопрос, где провиант из рюкзака, Паганини ответа не получил). И — в путь. Солнце только что встало, было не очень-то жарко, но по-прежнему не ощущалось ни малейшего движения воздуха.

Двинулись на запад. Паганини шел налегке и вертел головой по сторонам, пытаясь понять, куда дели его рюкзак. Столько уникальных кадров можно было сделать! Он задал вопрос офицеру, но получил в ответ лишь неопределенное пожатие плеч. Иди, мол, твое дело — провести, а там видно будет.

Паганини представлял — они выходят к перевалу, вчера он потратил на дорогу весь день, значит, к вечеру они должны увидеть лагерь, где его ожидают проводники. Вот будет представление!

Но получилось иначе.

* * *

Уже через час, когда солнце начало припекать основательно, Паганини начал замечать неладное. Среди солдат стихли разговоры. Отряд двигался в молчании, и единственными звуками были только скрип сапог и позвякивание у кого-то в заплочном ранце. В хвосте колонны несколько верблюдов тянули оружейные лафеты, но даже оттуда не доносилось ни звука.

А потом и позвякивание стихло.

Офицер не смотрел на него, шел, сосредоточенно глядя в какую-то, видимую только ему, точку на горизонте. На него вообще никто не

обращал внимания, и Паганини попробовал отстать. Офицер ушел вперед, не обернувшись.

Паганини остановился. Солдаты шли, людской поток обтекал его и смыкался. В какое-то мгновение астроному показалось, что происходящее не только кажется нереальным, но и является таковым. Он протянул руку и дотронулся до француза в пропыленной форме.

Как он и ожидал, рука прошла насквозь.

Паганини сел на песок и подождал, пока колонна пройдет мимо. Его уже не обходили, его просто не видели, а последний верблюд прошел сквозь него и проталил сквозь него лафет с оружием.

Паганини подождал, и когда призрачное войско скрылось за горизонтом, пошел через барханы назад, туда, где вечером стоял лагерь. Следы только что прошедших солдат ничем не отличались от других таких же следов, которых могло быть десять, сто или двести лет.

Паганини надеялся, что днем его не смогут загрызть саблезубые тигры или затоптать боевые слоны, даже если они водились здесь тысячи лет назад.

* * *

Найти лагерь, возвращаясь по следам, было нетрудно. Еще легче оказалось отыскать рюкзак со всем его содержимым. Точнее — почти со всем. Телекамеру пытались вскрыть, вряд ли ее смог бы починить теперь лучший мастер Турина. Кинокамеру вскрывали более аккуратно, и ею, в принципе, можно было бы пользоваться, но пленка была безнадежно засвечена. Два фотоаппарата — японские «Никоны» — оказались в порядке. Вот только отснято было очень мало.

Настроения Паганини не подняла даже находка обеих оставшихся фляг с водой и пакетов с провиантом.

Нужно было торопиться, иначе алжирцы-проводники снимут лагерь, а пройти в одиночку и почти без еды перевал Игиди нечего было и пытаться.

Может быть, удастся догнать французов?

* * *

Паганини пришел, когда алжирцы готовились уходить. Они предпочитали идти на запад всю ночь, лишь бы не оставаться на этом странном месте. Однако им пришлось смириться и отложить выход до утра — астроном был совершенно изнурен и хотел только одного: спать.

Вернувшись в основной экспедиционный лагерь, он проявил пленки. Тигр получился хорошо, но фотографии Паганини делал, когда животное уже убегало, и главной достопримечательности — саблевидных зубов — видно не было. Несколько снимков он сделал в лагере, они тоже получились достаточно выразительными, хотя и темными. Офицер протягивает руку. Солдат с ружьем. Панорама. Несколько фотографий как-то компенсировали потерю теле— и фотоматериалов.

Никого из коллег, впрочем, даже эти очевидные доказательства не убедили. Ибо материальные предметы не могут передвигаться во времени.

* * *

У Паганини была своя теория, которую он изложил, вернувшись в Италию, давая интервью корреспонденту туринской газеты «Nuovo voce». Интервью было опубликовано 2 сентября 2000 года и на следующий день перепечатано некоторыми другими газетами. Изложение могли прочитать и американские читатели в газете «Baltimore news».

«— Снимки убеждают. Но как все это объяснить?»

— Мне с самого начала казалось странным одно обстоятельство. Все в один голос утверждали, что на плато Эль-Эглаб никогда не бывает ни малейшего движения воздуха. И всегда абсолютная сухость. Вы понимаете, в пустыне восходящие потоки воздуха неизбежны. На границе плато и горной гряды неизбежны завихрения воздушной массы. Там должны быть ветры!

Объяснение одно: эта область замкнута, отгорожена от внешнего мира. Не знаю чем — слова «силовое поле» хороши в фантастике, а в реальности должно быть более простое объяснение. Я уже разговаривал с аэродинамиками, намерен сам заняться теорией этого явления. Вы представляете, что из-за полного безветрия следы здесь могут сохраняться тысячи лет! Как на Луне. И еще — область как бы законсервирована во времени. Эти солдаты... По их часам прошла всего неделя или чуть больше. И эта неделя повторяется для них уже два века. А для саблезубых тигров так и вовсе несколько тысячелетий! Это самая удивительная область на планете. В ближайшие недели я отправлюсь туда снова — мне удалось найти спонсора, это городской туринский фонд развития наук и искусств.

— Надеемся, что именно наша газета получит все права на эксклюзивное интервью.

— Без сомнения.»

* * *

Орландо Паганини, астроном, Томмазо Дзенуччи, геофизик, и Реджио Масконе, биолог, в сопровождении двух алжирцев, жителей Тиндуфа, вышли в сторону хребта Игиди 18 сентября 2003 года. Они не вернулись. Поисковые вертолеты алжирской армии двое суток искали людей в предгорьях Игиди и в песках Эль-Эглаба. Пилоты отмечали, что действительно видели с воздуха множество следов, и это было удивительно в пустыне, где любой след исчезает, занесенный песком, буквально через несколько минут.

Один из экипажей попробовал опустить машину, но это сделать не удалось. На высоте около двухсот метров вертолет перестал слушаться рулей, и пилот поднял машину вверх, где смог стабилизировать полет. Повторить эксперимент он не согласился.

Никаких наполеоновских солдат, саблезубых тигров, слонов с воздуха увидеть не удалось. Как и следов экспедиции Орландо Паганини.

Последняя статья этого ученого вышла в *Astrophysical Journal* в январе 2004 года и была посвящена вспышкам на красных карликовых звездах.

Чем он занят сейчас?

* * *

Может, завтра, а может, через сто лет какой-нибудь энтузиаст, выйдя на плато Эль-Эглаб, встретит в вечерних сумерках трех европейцев и двух алжирцев. Может, с ними удастся поговорить и рассказать, что случилось на планете после их исчезновения.

Боюсь, что вернуть их в большой мир не сможет уже никто.

АЛЕКСЕЙ КАРАБАЕВ

ВСЁ, ЧТО ВЫ ДУМАЛИ О КРИТИКЕ, НО СТЕСНЯЛИСЬ СКАЗАТЬ

В 2001 году в фэнзине «Семечки» были опубликованы ответы известных писателей и критиков на вопросы Алексея Карабаева, посвящённые критике фантастики. С тех пор прошло почти десять лет, многие опрошенные стали ещё более известными, но их ответы отнюдь не потеряли актуальности. Именно поэтому, мы сочли возможным предложить их сегодня вниманию читателей РФ. Материал публикуется с небольшими сокращениями.

Мы бесконечно рады предложить вниманию читателей результаты опроса по проблемам «фантастической» критики в России, проведенного среди писателей и критиков.

Нам хотелось провести своеобразную оценку разброса мнений по данному поводу. В данной подборке мы постарались привести самые разные мнения: от радикальных до умеренных. Мы намеренно не стали как-либо комментировать ответы, снабжать их «историческими справками» и толковать те или иные нюансы, коих искушенный фэн, без сомнения, и сам найдет достаточно.

Мы надеемся, что данная публикация, будет небезынтересна самому широкому кругу людей, которых волнует судьба фантастики в России.

Несколько чисто технических замечаний. Вопросы были нами условно разделены на две группы: «для критиков» и «для писателей», прекрасно осознавая схематизм и условность подобного деления. Впрочем, Сергей Переслегин ответил на «писательские» вопросы, предложенные Кириллу Еськову, когда гостил у того после Роскона. Борисы Натановичу Струтацкому, учитывая «легендарность» персоны, мы отослали вопросы в специальной редакции.

Мы искренне благодарим всех, кто откликнулся на нашу просьбу и нашёл время ответить.

Борис Стругацкий (Санкт-Петербург)

1. Как Вы оцениваете эволюцию литературной критики со времен «онных» по сей день? Стала ли она лучше, профессиональней?

Современная критика, как и вся современная литература, перестала быть казенной. И это — очень хорошо. Стала ли она профессиональней? Не знаю. Знаю только, что новых Белинских и Писаревых на горизонте не видно. Впрочем, может быть, их время вообще миновало?

2. Сейчас чрезвычайно много критических материалов и рецензий негативного характера. Как Вы думаете, вправе ли рецензент жестко отзываться о произведении? Если да, то каких норм «корпоративной» этики он обязан придерживаться?

Рецензент имеет право отзываться о книге сколь угодно жестко, с условием, однако, что остается при этом доказательным и убедительным. Беда в том, что если, не большинство, то во всяком случае многие и многие из критиков не понимают, что ОБЪЕКТИВНОЙ оценки литературного произведения не существует по определению. Никто не знает истины в искусстве, кроме, может быть, Господа Бога, но и тот, наверное, становится субъективен, когда превращается, скажем, в читателя. Поэтому так странно и так стыдно смотрится критик, разоряющийся на темы «бездарного текста» и не понимающий при этом, что демонстрирует он не столько бездарность рецензируемой книги, сколько собственную бездарность, или дурновкусие свое, или ограниченность. Кажется, Лихтенберг сказал (цитирую по смыслу): «Книга подобна зеркалу: если заглянул туда баран, трудно надеяться, что он увидит там ангела».

3. Среди издателей бытует стойкое и совершенно непробиваемое никакими аргументами мнение, что критический журнал, посвященный проблемам фантастики в России, пользоваться спросом не будет и пользы от него так же не воспоследует. Разделяете ли Вы данную точку зрения?

К сожалению, да, разделяю. Во всяком случае, такое издание наверняка будет убыточным. Увы. Надо искать спонсора!

4. Если вдруг размахнуться и помыслить глобально, а нужна ли она вообще, критика? Можно ли критическими статьями «перевоспитать» плохо пишущего автора? Да и вообще, рецензент ведь всегда субъективен, имеет ли он моральное право указывать автору КАК и ЧТО писать?

Сама постановка вопроса кажется мне странной. А нужна ли вообще литература? Музыка? Живопись? Литературная критика это литература о литературе. У нее свои герои — книги и писатели. Свои сюжеты. Свои завязки-кульминации-развязки. И в этом ее польза для читателя. А вот нужна ли критика рецензируемому? Это — вопрос. По своему опыту знаю, что пользы от нее мы, АБС, не видели никогда. Вред — да: когда

из-за ругательной или не в меру «объективной» критической статьи задерживалось прохождение в издательстве очередной книги. А вот пользы... Ну может быть, в тех случаях, когда ругань дурака-рецензента вызывала «творческий протест»: ах ты так? Ну так мы еще похлеще завернем, чтобы тебе, ослу, совсем поплохело.

5. На Ваш взгляд, каким основным критериям должен соответствовать критический материал (рецензия)?

См. выше. Фактически я уже ответил на этот вопрос.

Эдуард Геворкян (Москва)

1. Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посыл, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?

Относительно чувств. Мне, в общем-то, пока везло на рецензентов-препараторов, поскольку даже среди самых резких откликов откровенно злобные не попадались. Поэтому всегда интересно, когда раскладывают текст не по твоим «векторам смыслов», а по «конструкциям». То есть рецензент выступает в качестве экзегета, что, безотносительно знака истолкования, должно быть приятно любому автору — откровенная халтура вряд ли побудит воображение рецензента на акт сотворчества, не так ли? Разумеется, обиженный автор вправе дать волю эмоциям, но мне представляется, эмоции эти не должны выплескиваться наружу. В противном случае его реакция на некорректность становится адекватной уровню возмутителя его спокойствия. Банально, но так: лучший ответ на критику, пусть даже самую с его точки зрения несправедливую, — продолжать делать свое дело. Впрочем, иногда и в весьма резких суждениях можно найти повод для размышлений: раз этот вполне квалифицированный читатель что-то «недопонял», то не споткнулся ли именно в этих местах твоего произведения «широкие читательские массы».

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

Критик или рецензент имеет право делать что угодно и с кем угодно! Другое дело — нюансы. Если текст критика откровенно недоброжелателен, если от него на версту несет злопыхательством, если критик позволяет себе с оскорбительной пренебрежительностью давать необоснованные оценки — тогда, увы, он выводит себя из почтенной пильдии критиков

и литературоведов, и переходит в иную категорию, а тексты его могут рассматриваться лишь как «письма читателя». В конце концов любого автора можно так элегантно разделать в фарш, что даже самый обидчивый не найдет повода придаться — в этом, мне кажется, и есть искусство высшего пилотажа.

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи писателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?

Критика изначально не может быть объективной. Это тема отдельного большого разговора. Авторитет критика как и авторитет писателя нарабатывается годами, а потерян может быть в единый миг. Стандартный прием — раскрутится на скандале — сейчас, надеюсь, уже не срабатывает. Читатель нынче умный, он понимает, что «письма читателей» могут быть начертаны и на заборе. К тому же все эти скандалы не выходят за рамки фэндома, хотя немало споспешествуют его, фэндома, жизнедеятельности. А какой должна быть критика... Не знаю. Критики, как и писатели, никому ничего не должны. Для меня же — интересной, парадоксальной, позволяющей увидеть в капле — океан, то есть выявлять тенденции, а не служить инструментарием для тусовочных разборок. Раньше критик у нас играл роль идеологической прокладки между автором и читателем, он направлял и рулил в соответствии с курсом... Это пошло, наверно, еще со времен «неистового Виссариона» и отывается до сих пор.

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известно, были прецеденты.

Писателю полезны не критики, а гонорары. Это шутка. Если бы сейчас, когда литературных семинаров, школ, мастерских практически не осталось, критики реализовывали бы миссию некоего «коллективного наставника» — им цены бы не было! Правда, наблюдаются попытки как-то консолидировать критиков вокруг премии «Филигрань», но это именно попытки, поскольку есть у меня мрачное подозрение, медленно переходящее в уверенность, что в нынешние времена унитаризации книжного дела критики становятся последними носителями индивидуальности, самобытности... Жанры (вернее, жанрообразующие приемы, пардон за корявый термин) костенеют, шаги в сторону незамедлительно пресекаются... Не здесь ли корни свирепой ярости критиков, не находящихся достойных объектов для серьезных обобщений, философических рассуждений и т.п. Обратите внимание, как много стало критиков, а литературоведов, теоретиков — по пальцам пересчитать! Отдельная тема — творческие интенции критиков, но это вне рамок вопросов анкеты, хотя было бы интересно посмотреть, кто из ныне активно действующих

критиков пробовал или пробует свое перо в художественной словесности. Что касается халтурщиков, то их вряд ли можно довести до инфаркта. Доброму халтурщику любая критика впрок — бесплатный пиар, как сейчас модно говорить.

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Да, безумно раздражает, когда вместо нормального предисловия или хотя бы краткой справки об авторе идет аннотация, как правило, не имеющая никакого отношения к содержанию книги и представляющая собой набор рекламных слоганов. Это не кризис критики, поскольку «жанр» предисловий — особь статья, к критике отношения не имеющая. Ну, какой издатель позволит критику резвиться по поводу автора, которого он должен быстро продать? Очерк творчества — да! Панегирик — да! Но критика?.. Будущее критики — в журналах, но не в книгах. С другой стороны — если издатель начнет вкладывать деньги в критику, то очень быстро, практически мгновенно, он поймет, что дешевле вкладывать — в критику. И тогда разговоры о заказных статьях обретут зловещую правдоподобность. А что касается писателей, то умный критике рад, или же у него хватает ума притворяться, что рад, хотя на самом деле он с большим удовольствием сплясал бы ламбаду на братской могиле критиков и рецензентов.

Сергей Переслегин (Санкт-Петербург)

1. Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посылы, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?

По очевидным причинам пока не имел опыта. Теперь, после выхода в свет «Тихоокеанской премьеры», по-видимому, получу. С другой стороны, мне приходилось взаимодействовать с очень умным и въедливым редактором, который оформлял свои претензии в виде коротких (или не очень) издательских эссе. Так вот, две трети подобных замечаний шло по категории: «ну и дурак же он». Однако, по крайней мере одно из пяти заканчивалось реакцией: «какой же идиот я».

Что касается конструктов, то кто-то из великих (едва ли не сам Эйнштейн) сказал: «Мы должны писать не так, чтобы нас мог понять и дурак, а так, чтобы нас нельзя было не понять». Иными словами, если конструкт критика имеет право на существование, то есть — он был каким-то

образом заложен в произведение, представляя собой его «субличность», пусть и экзотическую — остается принять позицию критика: с радостью, с горем или с тоскливым сожалением — это уж по обстоятельствам. Если же ничего такого нет, остается лишь пожалть плечами. Если меня обвинят в безграмотности я, скорее всего, расстроюсь — особенно если критику удастся привести осмысленные доказательства. Если в пропаганде фашизма и межнациональной розни — либо обижусь, либо, напротив, возрадуюсь — в зависимости от личности критика. А если в гомосексуализме — пожму плечами.

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

Вредить. Здесь есть некий аналог этики врача. Критик не может причинить вред писателю или своим бездействием допустить...

Бывают книги, относительно которых срабатывает конструкт «не могу молчать». Иными словами, возникает внутренняя уверенность в том, что вред от книги превышает вред, который вы наносите ее автору (Борис Лапин «Первый шаг», Д. де Спиллер, Ю.Никитин...) Но и в этом случае, создавая разгромную статью, критик берет на себя функции судьи и тем самым портит себе карму.

В общем «создания мысли непрочно», и взорвать воздушный замок много легче, чем его построить.

В указанных морально-этических рамках каких-либо ограничений нет. Уж если я считаю, что это произведение наносит реальный вред и иду на формальное нарушение своего кодекса — это, несомненно, форма войны. А на войне «выживание противника не рассматривается как необходимое граничное условие развития операций».

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи читателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?

Нет, конечно. Хотя можно оценивать произведение по ряду вполне объективных критериев (шкала «Фанатазия 2» школы Альтшуллера), ширина семантического спектра и пр.

Объективными (по крайней мере, достаточно объективными) являются авторские формальные ошибки. (Реальный пример: военный историк, списывая с двух разных источников, не заметил, что в них пользуются разным поясным временем).

Критика (как и литература) ничего никому не должна.

Что касается критериев («объективных»), то критика должна быть информативной, интересной, и расширять спектр возможного прочтения вещей.

Что касается негативной критики то (см. выше), она должна в кратчайший

срок привести к полному уничтожению противника, как значимого информационного объекта.

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известны были прецеденты.

И это не может не радовать. В смысле — прецеденты.

Критика редко бывает полезна писателю (немногочисленные исключения подтверждают правило), но иногда полезна читателям и очень часто — другим (не критикуемым в данной статье) писателям.

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Нет. Но это весьма сильно вредит издателю, поскольку негативно сказывается накупаемости (личный опыт).

Кирилл Еськов (Москва)

1. Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посылы, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?

Нахожу это вполне нормальным и естественным. Художественный текст тем и отличается от научного, что его всяк волен воспринимать по-своему, «в меру своей испорченности, воспитанности и начитанности». Каждый из нас фактически пишет заново собственного «Гамлета», и я готов поручиться, что «Гамлеты» фюрера великой германской нации и французского летчика-сказочника имеют между собою весьма мало общего; а главное, что при этом сам Шекспир арбитром между ними выступать тоже не может, ибо его мнение — это просто мнение еще одного читателя... Если угодно, ученому платят за строчки, а писателю — за межстрочные пробелы, которые читатель должен заполнять по собственному вкусу и разумению. Так что когда рецензент пишет о твоём тексте полную (с твоей точки зрения) ахинею, не замечая в упор того, ради чего текст писан, и азартно нападая на то, чего в нём нет и в помине — расслабься. Рецензент не идиот (как тебе может показаться поначалу) и даже не шулер — просто он так заполнил вышеупомянутые пробелы; такая уж у него мера «испорченности, воспитанности и начитанности». А поскольку многозначность художественного текста относится к числу его неоспоримых достоинств — считай это за комплимент.

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

«Сетевая критика» (речь, как я понимаю, именно о ней) — штука довольно специфическая; она вполне адекватна специфичности народа, каковой в этих сетях обитает. Помнится, в свое время Сергей Переслегин остерег меня: «Если жизнь и рассудок дороги вам — держитесь подальше от этой Гримпенской трясины, сетей ФИДО... Понимаешь, я просто не могу общаться со средой, где обращение на «вы» почитают за оскорбление». Сама возможность напрямую, сей же час, обратиться к понравившемуся (либо не понравившемуся) тебе автору порождает у некоторых читателей-сетевиков довольно специфический стиль общения с писателем: полное отсутствие естественного чувства дистанции и амикошонство, плавно переходящее в откровенное хамство; «сетевая критика» же этот стиль общения культивирует и доводит до полного логического завершения. С другой стороны — вольно же самому писателю поддерживать такого рода отношения («А ты зачем пришел в наш садик, пра-ативный!»)... Что же касается — «чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент», тут ответ вполне очевиден: как и в любой иной дискуссии, не следует переходить на личности (что в «сетевой критике» имеет место быть сплошь и рядом). Не следует хотя бы потому, что публично оскорбленный писатель может при случае просто дать такому «критику» в торец — не в виртуальный, а в натуральный. Есть пре-це-денты...

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи читателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?

Я, собственно, так и рассматриваю критику — как совокупность читательских мнений: есть поумнее и поглупее, пооригинальнее и побанальнее; все они имеют право на существование, а некоторые (вы таки себе будете смеяться!) даже интересны автору... С моей точки зрения, лицам, полагающим себя «критиками», следует просто не забывать употреблять в своих текстах волшебное слово «ИМХО» (или его эквиваленты) и помнить, что их рецензия — просто одно из многих читательских мнений, и не более того... Мне лично даже более интересными, чем собственно рецензии, представляются читательские дискуссии. Во всяком случае, дискуссии по «Кольценосцу» я читал довольно внимательно, и многие мнения (в том числе и резко-отрицательные) нашел для себя весьма назидательными. Ну, понятно, что если во первых строках написано «симпатии автора на стороне Темных Сил» (с большой буквы) — дальше можно не читать; зато когда натыкаешься на что-нибудь вроде «А вот чего ты не поняла — так это того, что у Еськова «боевик» — обертка от конфеты, а книга-то вовсе не о том» — прям-таки именины сердца: все-таки, выходит, не зря трудился...

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известно были прецеденты.

Наверное, это зависит от писателя... Мне, например, критика (как совокупность читательских мнений) интересна: я ведь пишу не для троих литературоведов и не для Вечности, а именно что для читателей. К этим мнениям можно относиться по-всякому: можно им следовать, можно их игнорировать, можно делать обратное тому, чего от тебя ожидают — но быть в курсе этих мнений в любом случае стОит. ИМХО... А насчет «инфаркта» — это все-таки, надо полагать, истории из тех времен, когда за критическим разносом автоматом следовали оргвыводы, и, прочтя о себе ругательную статью, можно было сразу сушить сухари. Нынче, слава те, Господи, времена не те. Ну, написал, к примеру, хороший писатель Рыбаков странноватую (мягко скажем) вещь «На чужом пиру»; Арбитман ее изругал, Володихин расхвалил, а Еськов по ее поводу отстебался; Рыбакову, надо полагать, как первое, так второе и третье — в должной степени по барабану. И правильно: «с высоты его происхождения...» Сам я, к примеру, из всего писанного по поводу «Кольценовца» как бы не самым ценным нахожу довольно ядовитую Свиридовскую пародию: это — признание, а оно не бывает хорошим или плохим, оно либо есть, либо нету...

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Честно сказать, я никогда не находил особого проку во всех этих предисловиях и послесловиях; всё это было просто проявлением глобального совдеповского патернализма: а то ведь дурак-читатель сам не разберется, кто у нас луч света в темном царстве, а кто зеркало русской революции... И потом — «кто девушку ужинает, тот ее и танцует»: сейчас издательство в любом случае будет заказывать в качестве предисловия не объективный разбор вещи, а рекламный ролик для увеличения продаж, нечто вроде чуть расширенной аннотации на обложку. По мне уж лучше вовсе без предисловия, чем с таким...

Святослав Логинов (Санкт-Петербург)

1. Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посылы, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?

Меня ни разу не препарировали, каким-то образом я выпал из внимания критики. Была пара благожелательных заметок, одна ругательная, но и там никто ничего не разбирал, а просто отругали и всё. У меня даже создалось впечатление, что автор заметки не читал моей книги, а ограничился аннотацией. Подобная критика чувств недостойна.

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

Рецензент не должен переходить на личности и не должен передёргивать фактов. Работает он только с текстом, что написано, то пусть и разбирает. А степень жёсткости зависит только от самого критика.

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи писателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?

Объективная критика, разумеется, невозможна, да она и неинтересна. А вообще, хотелось бы видеть критику не общественно-политическую, а литературную. Анализировать следует в первую очередь литературную составляющую книги, и сама критика должна быть написана хорошим русским языком, чтобы её было приятно читать. Увы, этого сейчас нет совершенно. Стиль автора, приёмы им используемые, никто не разбирает; такое понятие, как художественность идёт в качестве разменной монеты. В результате критика становится способом сведения счётов между тусовками.

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известно, были прецеденты.

Та, что есть сейчас — попросту бесполезна. Нужно быть очень мелочным и самолюбивым человеком, чтобы греть сердце похвалами или огорчаться филиппиками нынешних зоилов.

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Не думаю. То есть, кризис, конечно, есть, но отсутствие справки об авторе ещё ни о чём не говорит. Предисловие также имеет смысл давать только для собраний сочинений. А вот серьёзный разбор... Впрочем, для серьёзного стилистического разбора нужно быть специалистом, а специалисты предпочитают писать диссертации, посвящённые давно умершим знаменитостям, которые уже ни в коем случае не смогут оспорить критических выводов. Получается, что писатели сами по себе, литературоведы — сами по себе,

каждый спрятался в свою норку и всюду царит мёртвая тишина. Печально всё это.

Василий Владимирский (Санкт-Петербург)

1. Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголом жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?

Какой-то онтологической разницы между критикой и прочей литературой я, честно говоря, не вижу. В чем различие между писателем, паразитирующего на не им созданной реальности, и критиком, отталкивающимся от чужого текста? Так что и задачи не различаются. Если бы я был верующим, сказал бы, что каждый пытается по-своему докричаться до Бога. Просто у кого-то лучше получается так, у кого-то — этак.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самодеятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги... книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Серьезные работы «о состоянии дел в жанре», написанные не в последние годы, тоже можно пересчитать по пальцам не разуваясь. Так что есть смысл говорить о грандиозном отставании нашей критики от, скажем, американской, но не о деградации фантастиковедения в России.

3. На Ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «рынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «фасейский» подход или нечто иное?

Категорически не согласен с формулировкой. Что значит — не сложился рынок? Я регулярно читаю развороты, посвященные фантастике, в центральных газетах «Книжная обозрение» и «Ex Libris НГ», статьи и рецензии в «Литературке», объемистый раздел критики и публицистики в журнале «Если», а с прошлого года еще в двух журналах фантастики. Продолжают то и дело появляться издания и издательства, заинтересованные в материалах такого рода (правда, большинство предпочитает получить нахаляву или почти нахаляву). Сам, в конце концов, уже год веду рубрику «Фэн-клуб» в ежемесячном журнале «Питерbook» с тиражом 5000. Только что появилась новая партия заказов на книжные предисловия-послесловия — такая, что не знаю, за что хвататься. А в Инетрнете вообще каждая третья статья/рецензия так или иначе имеет отношение к НФ&Ф. Словом, если это кризис, то каков должен быть рассвет?..

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Критик никому ничего не должен. Sic.

5. Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?

См. ответ на первый вопрос.

Олег Дивов (Москва)

1. Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посыл, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?

Сошлюсь на личный опыт. Зачастую я сам не понимаю своего «мессэджа» (а то и просто не уверен, есть ли он в тексте вообще). Это делает процесс отслеживания критических отзывов чрезвычайно увлекательным. Такие интересные вещи узнаешь... Да, очень досадно оказаться непонятым. Еще досаднее быть понятым с точностью до наоборот. Но согласитесь: излишне вольная трактовка, а то и притягивание текста за уши к готовому «конструкту» не есть специфическая проблема критики. Так же свободно обращается с книгой и рядовой ее потребитель — тот, на кого непосредственно я работаю, и на чьи рубли покупаю хлеб. Когда я впервые прочел в интернете лозунг «Выбраковка — не фантастика, а руководство к действию!»... Ну, потом как-то легче было пережить обвинения критики в потакании быдлу и отработке заказа Лубянки. Потому что и по ту, и по другую сторону я видел одинаковых, в принципе, людей — усталых, испуганных, остро нуждающихся в защите, ощущающих себя маленькими и беспомощными. Они живут на одной планете, читатель и критик. А значит, оба имеют совершенно равное право быть и козлами, и симпатягами. Как я могу, оставаясь в здравом уме, обижаться на человека, пишущего: «Самое фантастическое у Дивова — запредельная крутизна персонажа по имени Олег Дивов»?..

Обвиняя критиков в недомыслии, передергивании и натяжках, мы слишком часто упускаем одну вполне очевидную вещь. Коммерческий автор по определению человек «при деле». Худо-бедно, он постоянно что-то создает. Худо-бедно, но стабильно зарабатывает. То есть в социальном плане он более прикрыт, нежели средней руки критик, обязанный постоянно «крутиться» (либо основную часть личного бюджета формировать вне литературного поля). А значит, между автором и критиком существует изначально заданный разрыв в мировоззрении и мироощущении. Причем

критик по этим параметрам гораздо ближе к «читателю обыкновенному», нежели к автору. Плохо ли это? Не факт.

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

В идеале хорошо бы ему постараться абстрагироваться от своих личных проблем. Если у критика сегодня эмоциональный запрос на эскапистскую книжку — а он по долгу службы обязан препарировать текст, активизирующий сознание, — ничего особенно хорошего рецензент не напишет. Кстати, дружный многоголосый вопль «Вы всё пишете не так и не то!» — один из множества симптомов надвигающегося на Россию системного тупика. Люди требуют «программных» и «идейных» текстов, не понимая, что они сейчас просто не в состоянии их переварить. Даст Бог, мы в этом тупике приляжем и как следует отдышимся. Но могут ведь и метания начаться. В первом случае просто возрастет запрос на голый «эскейп». А вот как крутиться во втором — не знаю. Разве что в оправданы переквалифицироваться.

Между прочим, что такое «проглядели интернет» я просто не очень понимаю. Психотерапевтическая и коммуникационная роли Сети для меня безусловны. Ладно, а даль ше-то что? Киберпанк рулез, фидорпанк маздай — согласен. И всё?! Дамы и господа, поверьте мне — настоящая, полноценная Сеть возникает там, где кончается электроника и начинается психокинетика. Однажды я об этом восторге и ужасе напишу. Может быть даже через год-два.

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи писателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?

Стопроцентно объективная критика возможна. Только это уже будет не критика, а литредактура. Абсолютная фиксация на проблемах языка и стиля. То, что более всего интересует конкретно мою скромную персону, давно озачиненную вопросами самозаточки и шлифовки. Но такая критика потеряет свою важнейшую составляющую — она будет интересна разве что авторам. Читатель хочет получить из критической статьи некое общее представление о тексте. Ну, и ладушки. Если оставить в стороне критику злонамеренную, этически некорректную или э-э... клиническую, то пусть так оно все и живет.

Конкретизирую — если кто еще не сообразил: чтобы изменилась критика, нужно изменить этот мир. По возможности к лучшему.

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известно были прецеденты.

Насколько мне известно, коллеги по фантастическому цеху достаточно адекватно оценивают свои возможности. И фраза «У меня огромные тиражи, значит, я чертовски хорош» — всего лишь неосознаваемая попытка занять глухую оборону. Но даже самого отстойного автора больно ранит несправедливый упрек. Людям иногда достается просто не по делу. Их обвиняют в том, чего они вообще не совершали.

Кроме того, у меня вызывают большие сомнения расплывшиеся нынче безмерно попытки доморощенного психоанализа авторов. Боюсь, некоторые критики, активно осваивающие эту плодородную ниву, не отдадут себе отчета в том, что и они сами могут быть подвергнуты не менее нелицеприятному «взлому мотиваций». Имея на руках достаточное количество тенденциозных рецензий, сделать это не просто, а очень просто.

Вообще, фидбэк нужен любому автору, он без него тихо погибает. Фидбэк в смысле «эмоциональный ответ». Если ты наваял чего-то, метнул свое великое творение в ту же сеть, и навсегда забыл о нем — налицо случай графомании с ударением на последнем слоге (кто понял, тот понял). Но фидбэк фидбэку рознь. Иллюстрирую живым примером. Я поддерживаю тесные контакты с читателями (ребята сами «неофициалку» сделали на narod.ru, спасибо им), организую с их помощью нечто вроде бета-тестинга. Но это никоим образом не замещает мою потребность в профессиональной или хотя бы полупрофессиональной критике. Опять-таки, мне хорошо, москвичу: я могу всучить свежую книгу Харитонову, Ройфе, Байкалову, Синицыну, потом спросить — ну?! — и схлопотать честный ответ прямым и неполиткорректным текстом. Могу на литсеминар «Бастиона» зайти, где любого отчехвостят, невзирая на возраст, пол и регалии. Но это лично мое такое везение, бонус автора, вписавшегося в тусовку. И то, признали более-менее своим года через два после старта, где-то на четвертой-пятой книге. А неофиту кто поможет?

Отчасти поэтому я приветствую создание любых изданий и структур, которые могут как-то покрыть запрос автора на эмоциональный ответ. Чтоб больше критики, хорошей и разной. Больше встреч авторов с читателями. Пусть даже в московском ЦДЛ, который лично мне отвратителен — кажется, носом чувствуешь запах тлена... Больше частных литературных салонов. Да, если шуровать по всем запрудам «частым бреднем», в нем окажется немалое графоманов. Но и золотые рыбки тоже найдутся — главное их из тины выковырять. Такого обилия бездарей, как на сходках Союза литераторов России, я нигде еще не видел. Что ж теперь, Союз прикрывать? Там ведь и приличные авторы есть...

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Ошибочно полагать, будто кризис начинается там, где кончаются деньги. Скорее там, где кончаются идеи. Какая страна, такая и критика. Естественно, чтобы вырвать из зубастой пасти издателя немного зелени, его нужно сначала очень мощно замотивировать. Доказать каким-то образом что критика позитивно влияет на продажи. В принципе издатели это и без нас знают. Но сегодня они кровно заинтересованы в «коротких» деньгах — а значит, ни о какой финансовой поддержке критики (в классическом понимании этой литературной дисциплины) не может быть и речи. Максимум, на что способен издатель — немного подтолкнуть своих авторов простенькими рекламными акциями на бартерной основе.

А вообще, боюсь, фиксируя внимание на деньгах, вы задаёте неверную посылку. Насколько я знаю, ЭКСМО перестало оплачивать послесловия в августе 1998 года, и таковые надолго исчезли вообще. А сейчас возродились. То есть, за них вроде бы и теперь не платят, но все-таки снова начали вставлять в книги.

И между прочим, развернутая информация об авторе интересует далеко не каждого читателя. Ну, список публикаций — ещё куда ни шло. А биографическая справка или большая обзорная критическая статья... Впрочем, тут многое зависит от самих текстов. Чем ниже их уровень, тем меньше и интерес читателя к персоне автора. Хотя бы в силу того, что такой читатель не приучен заглядывать в предисловия-послесловия по жизни. Максимум, что ему нужно — аннотация: «Наконец-то супергерою Сопливному улыбнулась удача — он добрался до мерзавца Гунявого и крепко взял его за яйца! Давайте же узнаем, в какую именно сторону он будет их крутить...».

Уфф... Спасибо за внимание, сейчас перекурю и возьмусь снова за работу. Чес-слово, для автора это единственный адекватный ответ на все проблемы и напасти.

Алексей Корепанов (Кировоград)

1. Если вдруг заняться безнадежным делом и определить задачи литературы, то одной из наиболее привлекательных представляется «глаголом жечь сердца людей». А в чем состоят задачи критики?

Возможно, задача критики — минимизировать последствия ожогов, которые нанесены читателям этими самыми «глаголами». Глаголы-то бывают разными, а в наше время, и особенно в области того, что называют фантастикой, — и вовсе неудобоваримыми. А прочитав обалдевший от очередного опуса читатель критическую статью, которая в пух и прах разносит данное «творение» — и полегшает ему, родимому.

Но это как один из вариантов.

Вспоминается по этому случаю вольтеровское: критики-де напоминают

ему тех мошек, которые гнездятся в заднем проходе коней; коням это нисколько не мешает бежать.

А вообще лично мне читать критические статьи очень интересно, потому что я узнаю о произведении много такого, до чего сам никогда бы не додумался.

В общем, задача критики — критиковать, на то она и критика. А еще — вскрывать некие глубинные смыслы, проводить параллели и т. д., то есть заявлять о том, что писатель не то что не имел в виду, но о чем даже и не подозревал.

2. Сегодня добрые две трети критических материалов — рецензии и самодеятельные отчеты о конвентах. Серьезные работы о состоянии дел в жанре редки, а уж книги... книги за последние десять лет можно пересчитать по пальцам двух рук, и пальцев более чем хватит. Что же — мельчает критика?

Мне трудно судить о положении дел в России, но я думаю, что солидных критических работ нет только потому, что на рынке на них нет спроса. Массовому читателю книжки подавай, а не критику. А в убыток себе ни один издатель ничего издавать не будет — даже если это работа какого-нибудь современного Белинского или Писарева.

3. На Ваш взгляд, отчего в России не сложился, несколько утрируя, «фынок» критической литературы? Нет специализированного журнала, в большинстве своем издательства отказались от вступительных статей и послесловий. Информацию о молодых авторах приходится собирать «с миру — по нитке». Иной раз невозможно даже узнать отчество, потому как в конце книг их писать перестали. Что это — обычный «фасейский» подход или нечто иное?

Ответ см. в п. 2 — нет спроса. А вступительные статьи и послесловия — это дополнительные расходы, это утерянное время, да и без них книжка пойдет — так зачем же уродоваться? Думаю, таков, примерно, ход мысли издателей. Впрочем, я могу ошибаться.

Лично я всегда с удовольствием читаю и предисловия и послесловия — после того, как прочту саму книгу. И об авторе мне интересно знать как можно больше.

4. Как Вы считаете, чего ни в коем случае не должен делать критик в своих работах?

Советовать автору, как следовало бы строить сюжет. И еще — обвинять в том, что идеи автора не весьма хороши с точки зрения прогрессивного человечества. Вот над средствами художественного выражения поиздеваться можно — потому что они в очень многих случаях — никакие; в этом многие произведения современных фантастов напоминают мне комиксы или же пересказ компьютерных игр и видиков. Ну, и навешивать ярлыки и оскорблять автора тоже, по-моему, не стоит. Ведь сколько людей — столько мнений.

5. *Критик и писатель. Многие склонны рассматривать эту диаду как «творец и паразит». А как бы определили ее Вы?*

«Критик и писатель» — это симбиоз. Любому писателю интересно, что о нем скажет критик, а критик без писателя просто останется без работы.

Вячеслав Рыбаков (Санкт-Петербург)

1. *Критика! Кому как не писателю в полной мере ощущать ее воздействие! Какие Вы испытываете чувства, когда препарируют Ваши произведения? Когда рецензент не понял посыл, вложенного Вами в книгу, и с блеском разделался с «конструктом», созданным исключительно его, рецензента, воображением?*

Дело в том, что фантастический вид литературы, к которому традиционно меня относят, напротив, отнюдь не избалован вниманием критики. Напротив. «Высокая» критика, упражняющаяся на главных произведениях так называемого «основного потока», фантастики не замечает вовсе, а если под горячую руку мимоходом ляпает что-то в ее адрес, то это делается настолько безграмотно и нелепо, настолько, что называется, «не подумавши», что это воспринимать иначе как со смехом нельзя. Ну, вот, помните, как в начале девяностых вдруг начали ведущие демократы от литературы поносить Стругацких за приверженность тоталитаризму, концепции «сильной личности» и невнимание к проблемам маленького человека.

С другой стороны, как бы профессиональная критика именно фантастики, сосредоточенная в сети, фэнзинах и иных включенных в «фантастическое гетто» изданиях ударились в другую крайность и занята, как правило, чистой схоластикой типа «сколько ангелов может поместиться на острие иглы». Бурный обмен мнениями о том, правильно или нет изобразил некий автор действие некоего магического заклинания, или понадобится ли и впрямь надевать некие спецкостюмы при погружении в виртуальную реальность, а потом обнаруживать себя в них, заполненных собственными экскрементами — тоже ведь к ЛИТЕРАТУРНОЙ критике отнести нельзя. С прискорбием наблюдаю, как ущелье между двумя этими «критиками», совершенно разными, но одинаково не нужными никому, кроме самих со вкусом и сладострастием оттягивающих критиков, становится все более глубоким, широким и непреодолимым. Именно то, что критик не додумывается, а лишь оттягивается, вызывает то, что вы вполне верно назвали «непониманием посыла». За редкими исключениями его никто и не старается понять — задачу граждане ставят себе иную. А если кто-то пытается понять, то куда чаще это делают просто искренне заинтересованные в том, чтобы понять автора, а потом высказывающие свое мнение читатели, не обуреваемые комплексами полноценности и стремлением вскарабкаться на любую возникшую на горизонте вершину, попировать там и

оставить для грядущих поколений опустошенную бутылку с записочкой внутри: «Здесь был Я».

2. Сейчас нет недостатка в чрезвычайно жесткой, «негативной» критике в адрес писателей. То не о том пишут, то не так, то совершенно проглядели Интернет. На Ваш взгляд, чего ни в коем случае не должен делать критик или рецензент, разбирая произведение?

Думать о себе. И, как частный случай этого — пребывать в уверенности, что он заведомо умнее и эрудированнее писателя.

3. А возможна ли она вообще — объективная критика? Тысячи читателей — тысячи мнений. И какой она, по Вашему мнению, вообще должна быть — критика?

Ничего объективного в такой субъективной сфере, как искусство, в принципе быть не может. Опять-таки, у критики никак не может быть задачи сформулировать некое совершенно объективное мнение о чем-либо. Максимум, что возможно — но этот максимум и нужен людям — это продемонстрировать вот что: таким-то людям такое-то произведение кажется написанным вот о чем, и, исходя из этого, они видят в нем такие-то достоинства и такие-то недостатки. А вот таким людям кажется, что это произведения написано совсем об ином, и это иное получилось вот по каким параметрам, а вот по каким — не получилось. Любой критик — не более чем рупор определенной группы объективно существующей группы единомышленников (пусть они субъективно ни разу не встречались и знать не знают о существовании друг друга). Никакой критик не может претендовать на звание Господа Бога, все видящего сверху. Но в том-то и беда, что от лености ума, гипертрофированного мнения о своих интеллектуальных способностях и инстинктивного стремления везде видеть избитые концепции, на которых легче всего оттягиваться, такая критика будет видеть ЛЮБОЕ произведение написанным хрен знает о чем. В «Войне и мире» будут подвергнуты саркастическому поношению крайне слабо написанные сексуальные сцены, в «Пикнике» — неправильное употребление спиртных напитков или физическая недостоверность работы суставов у «живых мертвецов», а, скажем, в рыбаковском «На чужом пиру» — квасной патриотизм...

4. Как Вы считаете, полезна ли критика писателю? Ведь по меньшей мере наивно думать, что она заставит халтурщика писать лучше, а до инфаркта довести может вполне. Как известно были прецеденты.

Задача критики — обеспечить бесперебойное срабатывание обратных связей между писателем и читателями. Тому писателю, которому реакция читателей не важна, критика не нужна. А вот когда критик сознательно или полусознательно ставит перед собою задачу научить халтурщика писать лучше (были, как вы верно говорите, прецеденты) или довести до инфаркта (тоже были, правильно) такая критика,

разумеется, никому не нужна. Потому что не имеет к обратным связям ни малейшего отношения.

5. Сейчас в редкой книге есть предисловие, справка об авторе или послесловие. В конце многих книг исчезло даже отчество писателя. Не говорит ли это косвенно о некотором кризисе критики, когда издатели совершенно не видят смысла вкладывать в нее деньги? Не вредит ли это в какой-то степени самому писателю?

Все, о чем вы упоминаете в этом вопросе — лишь частные случаи общей нашей нынешней тенденции. Она состоит в усыхании и зачастую полном исчезновении уважения друг к другу. Вообще человека к человеку, вне зависимости от того, писатель это или кто. А отсутствие взаимного уважения вредит всем. Всему обществу. И, в свою очередь, является следствием, признаком куда более серьезных социальных болезней, о которых здесь говорить не время и не место.

(окончание в следующем номере)

АЛЕКСЕЙ ИОНОВ

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Дэвид Марусек. Счет по головам. — М.: АСТ, 2010. — 478 с.

Представьте себе, что вы закрыли глаза и моментально переместились на столет в будущее.

Вы попадаете в удивительный, полный чудес мир, где существует столько всего нового, что какое-то время мозг отказывается воспринимать целостную картинку. Поначалу вы видите только захватывающие дух отдельные полотна — устремившиеся вверх башни, покрытые защитными куполами, спасающими вашу жизнь от различных зараз. Вам показывают заседание совета правления могущественной корпорации, на котором вживую присутствует только один человек, все остальные же — лишь искусно сделанные заме-

нители или имитаторы. Вы встречаетесь с искусственными разумами, ни в чем не уступающими людям. Над вашими головами не спеша движутся величественные корабли, которые понесут колонистов к далеким звездам. Из дверей крупного жилого корпуса напротив вас каждое утро на работу выходят сотни и тысячи одинаковых лиц — клоны заняли все должности. Однако со временем все эти кусочки мозаики складываются в целостную картину, и вы осознаете все масштабы удивительного мира будущего. Представили? Примерно такие же чувства испытал я, когда только открыл роман Дэвида Марусека «Счет по головам».

«Счет по головам» — это просто замечательная вещь, научная фантастика высшей пробы во всей своей красе. Марусек создал мир, абсолютно не похожий на наш сегодняшний, но абсолютно логично из него вытекающий. За сто лет способности человечества возросли во много раз, но дорогой ценой. Планета серьезно пострадала в ходе глобальных войн, уцелевшие люди скрываются от биологических, бактериологических и прочих угроз под куполами множества городов, но даже там они вынуждены платить высокую цену за свою безопасность. Постоянно каждый человек подвергается проверкам на предмет зараженности всякими гадостями, за всеми неблагонадежными личностями пристально следят силы безопасности. Состоятельные граждане, именуемые аффами, получили возможность продлевать свои жизни практически до бесконечности, но такая прихоть по карману далеко не всем. Рабочих вакансий не хватает на сильно разросшееся население, к тому же, многие должности занимают специально выведенные для них клоны типовых моделей. Обычные люди остались или в странах бывшего третьего мира, или объединились в так называемые чартеры — клановые формирования — для выживания. Впрочем, не все чартеры существуют на грани нищеты, некоторые из них на равных соперничают с клонами на рынке труда. В повседневной жизни наравне с клонами и людьми участвуют и ментары — крайне сложные и развитые искусственные разумы. А есть еще куча крупных и мелких роботов, следящих устройств, голограмм, чего только нет в этом удивительном мире!

И тем не менее, весь этот увлекательный мир служит лишь декорацией, на фоне которой развивается достаточно динамичная история о борьбе за жизнь наследницы крупной финансовой империи и за контроль над самой империей. Имена главных злодеев вроде бы и известны с самого начала, но, в то же время, напрямую это нигде не говорится, и читатель наряду с героями до самого конца остается в неведении, кому же стоит доверять.

Несмотря на то, что книга увлекает с самой первой страницы, поначалу события развиваются медленно и постепенно. По сути, первые две сотни страниц — это лишь прелюдия к основным событиям, предназначенная для знакомства и адаптации с описываемым миром. Прелюдия в свою очередь делится на две части. Первая — это своего рода пролог, предыстория основной. В ней читатель знакомится с миром глазами одного из главных героев. Затем события переносятся на сорок лет в будущее, и на протяжении последующих ста страниц мы становимся свидетелями события, грозящего значительно изменить существующий мир. Параллельно автор знакомит нас с остальными действующими лицами истории и вкратце рассказывает о расстановке сил в обществе.

Но больше всего в романе привлекает даже не сюжет. У меня

создалось впечатление, что и мир, и увлекательный детективный сюжет послужили лишь средствами, использованными автором, чтобы построить и опробовать действующую и реалистичную модель общества будущего. Какие проблемы будут самыми актуальными для людей будущего? Как изменятся семейные отношения в мире, где рождаемость строго ограничено и разрешение на рождение ребенка дается одной паре из тысячи? В какие сферы двинутся люди, если практически на всех должностях будут работать клоны? Возможно ли создать даже в рамках одной модели полностью идентичных клонов, и как они будут меняться под воздействием сугубо личного опыта? На что готов пойти клон ради успеха своей модели и чем готов пожертвовать искусственный интеллект, чтобы спасти своего спонсора? На все эти вопросы Марусек пытается дать ответы в романе, и, нужно признать, это получается у него хорошо.

И прослеживающаяся через весь текст основная идея романа заключается в том, что в мире будущего человек уязвим все время, пока он один. Аффы, отгородив себя от всего остального мира, окружают себя искусственными слугами и имитациями всего мирового общества. Обычные люди объединяются в чартеры, целью которых является выживание всей семьи и помощь каждому нуждающемуся члену семьи. У каждой модели клонов есть свое братство, профсоюз или объединение. Даже ментары создают себе резервные копии на случай неполадок основной версии.

Примечателен тот факт, что в своем романе Марусек отказался от идеи изображения государства будущего «большим братом», контролирующим все аспекты жизни общества. В «Счете по головам» государство, по сути, выполняет функции «ночного сторожа», следящего за безопасностью жителя и отслеживающего всевозможные угрозы. Вся же реальная власть сосредоточена в руках владеющих гигантскими корпорациями аффов. Даже ответственность за неприятности, пережитые в начале книги главным героем, следует возложить именно на аффов, а не на силы правопорядка, руками которых было осуществлено злодейство.

Финал же всей этой истории является настолько же потрясающим, насколько и неоднозначным. Постепенно развивающиеся события по ходу романа навевали мысли об эпическом финале, концовка же получилась очень динамичной и, в то же время, неоднородной, разбитой на отдельные небольшие эпизоды. Оно и понятно — в конце Марусек свел воедино все сюжетные линии, и каждый персонаж сыграл свою роль в общем сюжете. А при общей скорости развития событий, чтобы держать в уме всю картину, текст было просто необходимо разбить на небольшие эпизоды «здесь и сейчас». В то же время масштабность автора его же и подвела. Некоторые сюжетные линии оборваны на полуслове,

оставшиеся же сжаты до невозможности, что немного портит впечатление от романа.

На русском языке книга вышла в серии «Сны разума», в очередной раз подтвердив высокую планку качества, изначально заданную для публикуемых в этой серии произведений. Стильное оформление, белая бумага, хороший перевод — что еще нужно для счастья ценителю настоящей научной фантастики? Изначально хороший качественный авторский текст? «Счет по головам» — именно то, что нужно.

КОЛЕСНИК КОНСТАНТИН

МАРИОНЕТКА КЛИО

Майка Флинн. В стране слепых. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. — 512 с.

В то время, когда все прогрессивное человечество читает «Эйфельхайм» Флинна, я, наконец, добрался до его первого романа «В стране слепых» и остался очень доволен этим фактом. Перед нами — некий гибрид детектива с элементами боевика и научной фантастики, вот только наукой, о которой идет речь в романе, оказалась не традиционная физика, математика, астрономия, а история. Собственно говоря, главная идея романа и состоит в том, является ли история настоящей наукой, то есть можно ли точно предсказывать грядущие исторические события и влиять на них неким образом в свою пользу. Подобные идеи вообще уже успешно выска-

зывались, например, Азимовым в Фонде/Академии, но в применении этих идей к реальной земной истории, да еще не с помощью перемещений во времени, а с помощью точечного воздействия на ключевые события и соответствующего формирования будущего, Флинн является одним из первопроходцев. Естественно, подобными воздействиями занимаются некие тайные общества, и главная героиня романа Сара Бомонт совершенно случайно оказывается в центре их борьбы.

Наиболее интересна первая часть романа, которая выглядит как неплохо закрученный детектив. Едва ли не у любого читателя ёкнет сердце, когда

Сара поднимается по лестнице заброшенного здания и обнаруживает на его верхнем этаже документы загадочной организации и удивительные протокomпьютеры, которые в нашей реальности были спроектированы, но так и не созданы знаменитым математиком Бэббиджем. Собственно, история тайных обществ и описание их попыток влияния на историю — пожалуй, самое интересное, что есть в романе.

Хотя и здесь Флинн, конечно, не обошелся без грубых ляпов и без явной америкоцентричности. Как вам, например, такая идея: Тайное общество спровоцировало гражданскую войну в США, чтобы ускорить развитие Америки и чтобы Америка обогнала Германию с созданием атомной бомбы 80 лет спустя? Перестарался автор и с количеством тайных организаций. Одно тайное общество, влияющее на историю — это действительно страшно. Десяток подобных организаций будут, естественно, только мешать друг другу. А уж идея о том, что подобные организации могут больше века не знать о существовании друг друга и только потом додумаются отслеживать и постороннее влияние на исторические события, не выдерживает никакой критики. Прimitивны и представления автора о способах подобного воздействия. Далеко не всегда принцип: нет человека — нет проблемы, является оптимальным. Порой на ключевую историческую фигуру можно повлиять гораздо проще, с меньшим риском и затратами. Впрочем, первый блин всегда комом, а автор заслуживает большого уважения хотя бы за то, что поднял столь непростую и неоднозначную тему.

В самом же романе к второй части происходит постепенный переход от детектива к боевику. Погоня, взрывы, убийства — всему этому найдется место на страницах книги. В итоге произведение явно стало более эффективным, но заметно проиграло в реалистичности. Впрочем, поклонники триллера наверняка будут довольны. Прямо хоть снимай по книге голливудский блокбастер.

За всеми этими внешними эффектами несколько потерялись герои романа. Сара и Ред старательно выполняют функции продвижения сюжета и даже вызывают определенную симпатию, но чего-то в них все же не хватает. Любовная линия показалась мне очень наивной. Злодеи и вовсе получились слишком схематичными. Зато второстепенные, порой, даже эпизодические персонажи нередко радуют.

Несколько удачных эпизодов связаны с размышлениями на тему жизни под чужой личиной, изменения своей судьбы, попыткам приспособиться к обстоятельствам. Причем, далеко не всегда эти эпизоды связаны с главными героями романа.

В результате у Флинна получился достаточно крепкий конспирологический триллер, за яркими сценами которого несколько потерялась основная идея романа. Впрочем, спасибо автору за то, что он хотя бы поднял столь сложную проблему влияния на историю. Возможно, сказать больше ему не позволили бы тайные общества.

АЛЕКСЕЙ САЛЯЕВ

ВАМПИРЫ КАК ОНИ ЕСТЬ

Йон Айвиде Линдквист. Впусти меня. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 512 с.

В то время пока весь мир читает и смотрит «великую вампирскую сагу» Стефании Майер и последующие клоны и пародии, в России выходит и вызывает гораздо меньший резонанс дебютная книга шведа Йона Айвиде Линдквиста «Впусти меня». Поскольку я слежу за литературными переводными новинками, я узнал об этой книге сразу после выхода, но только трейлер голливудской экранизации Мэтта Ривза с совершенно потрясающими Коди Смит-МакФи и Хлоей Моретц в главных ролях, а также весьма высокие оценки весьма уважаемых людей, сподобили меня приобрести книгу.

Что я могу сказать. По литературному исполнению этот роман ближе к романам Райс и Стокера чем к творениям известной американки.

В нем нет инфантильного романтизма и сексуальных вампирских торсов, а есть описание спального района Стокгольма с рядами старых и грязных малогабаритных многоквартирных домов, и бесконечных трудовых будней обычных людей которые, скорее всего никогда в жизни не вытащат счастливый билет.

Вам это ничего не напоминает?

Именно в таких условиях живет главный герой книги тринадцатилетний подросток Оскар.

Ушедший из семьи отец, вечно уставшая мать, неспособность вписаться в свой класс приводят к тому, что мальчик в полной мере начинает осознавать, что такое одиночество и брэнность бытия.

Как и всем подросткам, ему хочется понимания и уважения, но вместо этого он вынужден терпеть издевки и нападки одноклассников и быть на периферии любых школьных событий.

Оскар живет своей тайной жизнью, ворует из магазина сладости, склеивает в альбом заметки о маньяках и убийцах, ходит в лес и кромсает ножом старые деревья, представляя что это его школьные учителя.

И вот однажды однообразие дней Оскара нарушает встреча во дворе со странной девочкой Эли, которая со своим отцом переехала в соседний от Оскара подъезд.

Ни в коей мере не желая раскрывать сюжет романа, я хочу остановиться на его достоинствах и недостатках.

Начнем с достоинств.

Линдквист достаточно достоверно и занимательно описывает атмосферу бедной Швеции 80-х годов. В его романе все поступки и мысли героев, о которых ведется повествование, мотивированы и логичны. Им веришь и понимаешь на протяжении всей книги.

Временами эта книга вызывает оторопь и страх, как и должно, быть при просмотре и чтении хорошего хоррора. После вечера проведенного за этой книгой вы рискуете проснуться ночью с иррациональным чувством страха или увидеть кошмар.

Это бесспорно огромные достоинства но...

Автор несколько прямолинеен. Здесь нет стилистических изысков, существенных оригинальных находок и глубоких образных метафор.

По ощущению это напоминает детективы Акунина или Марининой. Вроде как почитать можно, и временами (в случае с этой книгой почти всегда) даже интересно, но ты почти уверен, что никогда не будешь это перечитывать. Да и незначительные нестыковки и недосказанности тоже присутствуют.

Возможно, я не совсем прав и после эстетских «выкрутасов» таких авторов как Рушди, Суси и Сарамыга прямолинейные пусть и внятно написанные книги кажутся мне пресными в качестве пищи для мозгов, но опять же с другой стороны это более чем хорошая книга для читателя без предварительной эстетско-литературной подготовки.

И именно этот фактор, как мне кажется, способствовал популярности данного романа во всем мире и его последующих экранизаций.

Вот только молодым барышням я его не рекомендовал бы. Особенно романтически настроенным и впечатлительным. Еще побегут обниматься с белым братом, как прожженные алкоголики и потеряют романтический настрой.

Мне-то что, я привычный (в смысле к литературному трэшу).

ЛЕВ ГУРСКИЙ

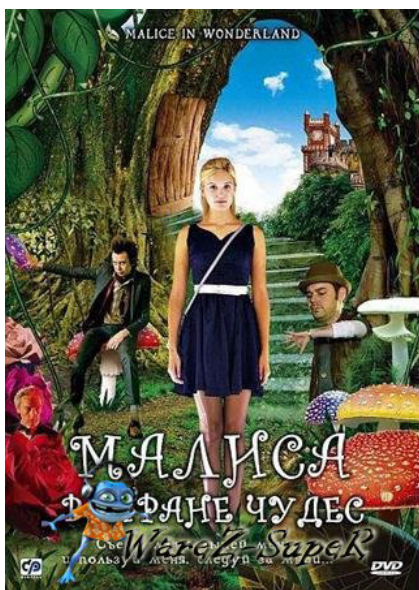
ЖЕНЩИНЫ НА ГРАНИ И ЗА ГРАНЬЮ

З аглавие этих заметок — сознательная отсылка к фильму Педро Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва» и фантастическому сериалу «За гранью» — главным героем которого, кстати, тоже является женщина. Так уж исторически сложилось, что в фантастическом кино внимание его создателей, как правило, приковано к мужчинам. В сегодняшнем обзоре все будет наоборот. Изменим правила. Пусть в кино будет, как и в реальной жизни: женщины — на первом месте, и все вертится вокруг них...

В погоне за белым кро...

Не первый и не последний раз британское кино вспоминает о Льюисе Кэрролле. Вот и Саймон Фэллоуз — туда же: срежиссировал ленту «Малиса в Стране Чудес» (Malice In Wonderland, Великобритания, 83 минуты, «СР

Диджитал», 2010). Действие классической детской книги перенесено в современный Лондон. Место английской девочки Алисы заняла вполне взрослая девушка-американка Алиса Доджсон (Мэгги Грейс). Она приехала в Лондон вместе с родителями-миллионерами, которые хотят подыскать ей в английской столице приличествующую партию. Однако девушка не желает выходить замуж за неизвестно кого, а поэтому убегает, сталкивается с такси, ударяется головой и теряет память. Таксист Уайти (Денни Дайер — «В отрыв») вынужден взять девушку на борт, хотя ему — как и Белому Кролику у Кэрролла — очень некогда. Он опаздывает. Правда, не к Герцогине, а к не менее влиятельному в этой

части Лондона гангстеру Гарри Ханту (Натаниэль Паркер — «Гамлет»), который празднует освобождение из тюрьмы и требует от своих подданных подарков. Тем временем родители Алисы объявляют о ее похищении и предлагают выкуп в 10 миллионов долларов. Но таксист к этому времени уже успел привязаться к девушке, поэтому его интерес к ней вовсе не определяется суммой выкупа... Авторы фильма находят многим персонажам Кэррола двойников в современном Лондоне, причем некоторым персонажам — даже нескольких (к примеру, Герцогиня — это и упомянутый Гарри, и богатая мадам-затворница, понаставившая вокруг своего дома видеокамер). В этом мире Траляля и Труляля оказываются охранниками вечеринки Гарри, следящими за дресс-кодом, а роль Чеширского кота исполняет ди-джей Феликс Честер (Гари Бидл). Таинственные снадобья и микстуры с надписями «Съешь меня» и «Выпей меня» здесь наличествуют в виде психотропных препаратов: принимая пилюли, Алиса постепенно излечивается от амнезии. В финале выясняется, что она — приемная дочь Доджсонов, а ее истинная мать — женщина-бомж из подземного перехода. Она-то в финале способна спасти нашу героиню (в этот момент в сюжете, помимо детективных моментов, появляются и элементы научной фантастики), подарив ей пятнадцать секунд из прошлого. Алиса возвращается в начало истории, НЕ сталкивается с такси, и с ясной головой и в полном сознании может действовать дальше... Идея фильма возникла еще в 2003 году, когда главную роль планировали доверить Келли Осборн, дочери Оззи Осборна, но, в силу ряда обстоятельств, проект тогда не состоялся, а шесть лет спустя создатели картины

посчитали, что на главную роль куда лучше подойдет Мэгги Грейс, чью известность, в частности, обеспечило участие в сериале *Lost* и в фильме Пьера Мореля «Заложница». Кстати, в картине Феллоуза, как и в картине Мореля, есть эпизод, где героиню пытаются вынудить работать в подпольном борделе. Но если в «Заложнице» на помощь дочери приходит отец-суперагент, то Алиса из картины Феллоуза справляется с сутенером сама. Чай, не маленькая...

**Живем только дважды?
Трижды? Всегда?**

Когда фильм режиссера Кристофера Смига называется «Треугольник» (*Triangle*, США — Австралия, 99 минут, «Вольга», 2010)

и на оригинальном постере появляется блондинка с топором, можно подумать, будто речь идет о треугольнике любовном. Когда на постере, предназначенном для русскоязычного зрителя, мы видим корабль в окружении электрических зигзагов молний, можно решить, будто авторы ленты намекают на треугольник Бермудский. На самом деле ни то, ни другое предположение к сюжету фильма Кристофера Смита никакого отношения не имеет. Блондинка — отдельно, корабль — отдельно, а про то, связаны ли молнии с главной интригой ленты, можно лишь гадать... Итак, в самом начале картины мы знакомимся с блондинкой, которую зовут Джесс (Мелисса Джордж — сериал «Шпионка») и у которой есть сын-аутист. Через несколько секунды мы увидим ту же блондинку (без сына), входящую по трапу на яхту ее приятеля Грега (Майкл Дорман). Кроме них двоих, на яхте окажется супружеская пара: Дауни (Генри Никсон) и Сэлли (Рейчел Карпани). Плюс Хизер (Эмма Ланг), подруга Сэлли. Плюс Виктор (Лайам Хемсворт) — матрос на яхте. Если не считать безымянного таксиста в финале, других персонажей в фильме не будет. Да и по ходу картины число действующих лиц сократится. А потом вернется статус кво — за счет **ТЕХ ЖЕ** персон... Когда фильм по жанру — мистический триллер, рецензент обязан соблюдать особую осторожность, чтобы раньше времени не раскрыть деталей сюжета. Поэтому фабулу обозначим скупое. Шторм. Катастрофа яхты. Появление на горизонте лайнера «AEOLUS», загадочного пустого. И когда промокшие пассажиры яхты перебираются на корабль, и начинаются подлинные ужасы, выходящие за пределы «нормального» триллера... Ладно, выдадим одну тайну: главный движитель сюжета — обожаемая фантастами «временная петля». Помните одну из новелл в «Звездных дневниках Йона Тихого» Лема, где заглавный герой, угодивший в такую петлю, столкнулся с самим собой? В картине Кристофера Смита этот феномен присутствует, и в немалых масштабах, отчего невнимательный зритель к середине ленты может и спутать, КТО именно сейчас бежит по корабельному коридору, — главная героиня? Ее alter ego? Ее alter alter ego? Впрочем, сценарист фильма (все тот же Смит) строит сюжет очень грамотно, так что при желании зритель разберется, кто в данный момент жив, кто умер, кто из «я» героини «сегодняшний», а кто «вчерашний». К финалу станет понятно, для чего Джесс подвергнута чудовищным испытаниям и, хотя концовку едва ли назовешь «хэппи-эндом», у зрителя есть надежда, что героиня все-таки сможет победить «петлю». Не в этот раз, так в следующий. В запасе у нее не три попытки, а бесконечное число попыток. Когда-то должно сработать. И ради этой призрачной надежды кровавый кошмар можно пережить и снова, и снова, и вновь ступать на борт яхты... Кстати, «Треугольник» — это всего-навсего ее название.

Девушка и птеродактиль

Те, кто еще не забыл «Затерянный мир» Артура Конан Дойла, наверняка помнит и финальную сцену романа, когда птеродактиль, пойманный главными героями на плато Меппл-Уайта и привезенный в Лондон,

взлетает над головами ошарашенных британских ученых и исчезает за окном. Если бы Конан Дойл был Люком Бессоном, он бы рассказал о приключениях птеродактиля в Лондоне, но поскольку автор «Затерянного мира» завершил книгу раньше, Бессон взял птеродактиля напрокат и отправил его в Париж начала XX века... Строго говоря, Конан Дойл в бэкграунде нового фильма постановщика «Пятого элемента» не значит-ся, а значит-ся комикс Жака Тарди (1972). И поскольку в основе картины «Необычайные приключения Адель» (Les aventures extraordinaires d'Adèle Blanc-Sec, Франция, 105 минут, «СР Диджитал», 2010) оказался не слишком серьезный по тональности графический роман,

бессоновское произведение получилось совсем уж отвязным — так что на фоне приключений Адель Блан-Сек (Луиз Бургун) и конан-дойловский Челленджер, и спилберговский Индиана Джонс выглядят академическими персонажами. Адель Белое-Сухое (так буквально переводится ее фамилия) настолько безбашенна, что вполне может называться Адель Кальвадос. Девушка стремительно влетает в Египет, отбивается от разбойников, выкрадывает мумию прямо вместе с саркофагом, перевозит краденное в Париж... и все это, конечно, не корысти ради и даже не ради чистого авантюризма, но с благородной целью: вывести из комы свою родную сестру Агату (Лор Де Клермон-Тоннер), пострадавшую во время матча по теннису. Вы спросите: при чем тут краденая мумия? И какое отношение к этому ко всему имеет птеродактиль? Ха, смешной вопрос. Все связано со всем. Ведь мумия, по мысли Адель, принадлежит личному целителю фараона Рамзеса Второго. Если, мол, оживить целителя, то этот целитель спасет сестру Адель. Есть, правда, одна проблемка. Единственный человек в Париже, который умеет воскрешать мертвых, престарелый профессор Мари-Жозеф Эсперандье (Жаки Нерсесян), на досуге вернул к жизни яйцо птеродактиля (вот и он!), а чудище Юрского периода, вылупившись, от радости уронило в Сену автомобиль с тремя пассажирами. Поэтому сам профессор приговорен к смерти, и из-под гильотины его в последний момент утащит птеродактиль... Уфф! Даже при кратком пересказе сюжета фильм выглядит эдакой свободно вихляющей конструкцией, которая не имеет стержня и

может крениться, не падая, в любую сторону. Так что ближе к концу, когда несколько мумий, без акцента говорящих по-французски, отправляются на экскурсию по Парижу, уже не удивляешься, и очень не веселишься. Все дозволено, нет преград, а когда персонажам чересчур много «можно», пропадает саспенс. У героев так много степеней свободы, что за них пересташь волноваться и пересташь им сопереживать. Заранее понимаешь, что никакие обстоятельства не позволят неприятному полицейскому инспектору-обжоре Леону Капони (Жиль Леллуш) насладиться жратвой, гнусному во всех отношениях охотнику Жюстену де Сент-Юберу (Жан-Поль Рув) — уколошить птеродактиля, а самой Адель — потерпеть неудачу. Даже когда в финале зловещий профессор Дельво (Матье Амальрик) отправляет нашу героиню в круиз на «Титанике», мы знаем, что и там с ней ничего фатального не случится: либо откуда-то возьмется молодой Ди Каприо и бросит Адель спасательный круг, либо, на худой конец, за ней прилетит все тот же птеродактиль и исполнит роль вертолета МЧС. А, может, корабль просто возьмет — да и не налетит на айсберг...

ОЛЕГ СИЛИН

ВЕСЬ ПАРТЕНИТ — КОНВЕНТ, А ЛЮДИ В НЁМ — ФАНТАСТЫ

*«А 14-го к нам фантасты заезжают!»
Из разговоров персонала ЛОК «Айвазовское».*

И 14 октября фантасты действительно заехали в «Айвазовское». Фестиваль «Созвездие Аю-Даг» открылся уже в четвёртый раз.

В этом году погода благоволила оргкомитету: тепло, но не настолько, чтобы совершать длительные прогулки; температура воды позволяет окунуться, но долго на пляже не полежишь. Да и сами мероприятия на равных конкурировали с крымскими искушениями.

Фестиваль, как и в прошлом году, был тематическим. На сей раз участники смогли увидеть взаимодействие фантастики и театра. Тон мероприятиям задавали актёры луганского театра «ДЕЕР» и его режиссер Александр Баркар. Доклады, семинары и мастер-классы предварялись небольшими вставками из спектакля «Игры демиургов», а в вечернем блоке стояли полноценные спектакли.

Программу открыл доклад Генри Лайона Олди «Сценичность произведения: как оживить персонажа?». Олег и Дмитрий обрисовали ряд контроверсивных приёмов, при помощи которых можно добиться глубины при описании персонажа. Доклад не был строго структурирован, скорее был похож на небольшой разговор со зрителем на кухне, поскольку для изложения всех тонкостей и нюансов понадобился бы не один день.

Открытие фестиваля было совмещено с вручением премий альманаха «45-й меридиан» и «Бронзовый Икар». Традиционный ход мероприятия изрядно разбавили театральные вставки, из-за чего тот приобрёл вкус кэрролловского чаепития: и журналисты из фантастических изданий с каверзными вопросами, и «Эминем», исполнивший песню о Г.Л.Олди, и нахождение истины в вине... Тем не менее, фестиваль открылся, а премии нашли своих обладателей.

После открытия зрители могли посмотреть первый из фестивальных

спектаклей — «Искусство быть вместе» театра «DEEP». Спектакль поставлен по рассказам Сергея Лукьяненко, Леонида Каганова, Юрия Семёцкого и других авторов. На «Созвездии Аю-Даг» была представлена моно-версия, единственную роль сыграл Александр Баркар.

Вечером, по доброй традиции, состоялись поэтические чтения при участии Поэтического Содружества Информантиков, Сергея Битюцкого, Олега Ладыженского и всех желающих.

Следующий день был посвящен работе с молодыми авторами. Утром состоялись мастер-классы по научно-фантастическому рассказу (ведущий — Андрей Балабуха) и «Страна Фантазия» (ведущий — Дмитрий Казаков). К сожалению, Андрей Дмитриевич не смог приехать на фестиваль, потому его заменил Антон Первушин, а письменные рецензии мастера зачитал Александр Баркар. После обеда состоялся мастер-класс по фантастической критике под руководством Дмитрия Володихина. Кроме образовательных мероприятий, желающие могли послушать доклад Елены Первушиной «Кинофантазии об отношениях мужчин и женщин 60-х, 80-х и 2000-х годов».

Любопытной оказалась дуэль между Антоном Первушиным и Игорем Гринчевским под девизом «Писать надо лучше? Читать надо лучше!» В своём выступлении Первушин посетовал на отсутствие стимула к работе «в полную силу», поскольку квалифицированный читатель, способный оценить старания автора и поддержать их отзывом (и рублём), практически исчез. Проще гнать вал для средних читателей и не утруждать себя излишней, ненужной читателю работой.

Игорь Гринчевский не оппонировал Первушину, как можно было предположить из названия мероприятия, а большей частью согласился с его тезисами, рассмотрев другой болевой аспект вопроса: денежную компенсацию за потраченное автором время. В конце к дискуссии присоединились все желающие, и лишь начало спектакля заставило свернуть обсуждение, расплывшееся затем в кулуары.

Во второй вечер были сыграны два спектакля: короткая постановка Сергея Битюцкого «Евангелие от Зверя» и спектакль-концерт группы СП «Бабай» «Наш Высоцкий».

Моноспектакль «Евангелие от Зверя» несколько напоминал древнегреческий театр масок. В полной темноте Сергей Битюцкий произносил стихи, и к концу четвертой-пятой строфы зрители впали в полутипнотический транс.

Санкт-Петербургская группа поставила довольно серьёзный творческий эксперимент. Тема наследия Владимира Семёновича вообще сложно поддается обработке и анализу, слишком многое зависит от эмоционального восприятия каждого конкретного человека. Пожалуй, наиболее сходная ситуация наблюдалась перед харьковским концертом «Queen» в 2008 году, когда многие отказывались идти на концерт, потому что «без Фредди — это не Queen». Однако в группе остались Мэй и Тейлор, а Владимир

Михаил Новицкий и Татьяна Голубчик

Высоцкий — он один такой.
На всех.

Михаил Новицкий (гитара) и Татьяна Голубчик (скрипка) представили своё восприятие песен знаменитого артиста. На сцене, увешанной коллажами из советских газет и увенчанной портретом Высоцкого, они сыграли несколько песен и прочитали несколько стихотворений, оформив их в виде театральных мини-сценок. На

мой взгляд, именно питерские артисты в наибольшей степени сумели передать дух произведений Владимира Высоцкого своей манерой исполнения и огромной отдачей.

Между двумя спектаклями состоялось награждение участников мастер-классов. В этом году их решили не мучить до следующего дня и объявили имена победителей сразу же вечером. Однако «не мучить» не означает «не мучить совсем». Участники мастер-класса Балабухи ждали, пока найдётся конверт с именами победителей, а он каждый раз ускользал от одного человека к другому. Участники мастер-класса Казакова тоже пережили несколько сладких минут, пока зал ел конфеты и выяснял, в какую же завернута бумажка с именами победителей. Не обошла чаша сия и «володихинцев»: перед вручением двое смелых на сцене поиграли в «писателей-фантастов», по аналогии с «городами». Игра грозила затянуться, но над молодыми критиками смиростивился ведущий церемонии.

Третий день был в большей степени посвящен докладам и презентациям. Наталья Мазова представила доклад «Фантастика на современной музыкальной сцене», Дмитрий Володихин рассказал о ранней романтике в творчестве А. и Б.Стругацких. Юрий Иванов и Юлия Андреева представили новое издательство «Шико» и серию нереалистической прозы «Петаэдр» соответственно. Также Дмитрий Федотов (главный редактор издательства «Вече») и Людмила Синицына (главный редактор журнала «Наука и жизнь»)

Призы фестиваля

провели семинар, посвященный научно-фантастическим очеркам.

Торжественное закрытие не обошлось без испытаний для лауреатов. Надо было откопать свой приз, доказать, что не бот и, одновременно, быть ботом оставшегося в Красноярске товарища, побывать в шкуре ассистента у фокусника и узнать человека на портрете. И только после преодоления всех терний выяснился список прорвавшихся к звёздам:

Спектакль театра «DEEP»

Точку в фестивальной программе поставил спектакль «Пусть будет так!» театра «DEEP». Постановка по мотивам сказок Сергея Козлова и Тоона Теллегена рассказывает о приключениях четырёх друзей — Ёжика, Медвежонка, Слона и Белки в волшебном лесу и, одновременно, в аллегорической форме повествует о расцвете и ярком закате группы «Beatles». Спектакль одновременно хорошо воспринимают и дети, и взрослые, он наполнен простыми человеческими истинами, о которых так часто забывают в современном мире, а почитатель творчества легендарной четвёрки найдёт в нём нечто большее, чем просто истории о загадочных зверях-друзьях. Минимализм на сцене — всего четыре разноцветные стремянки, но лутанской четвёрке актёров (Дмитрий Момот, Александр Баркар, Яна Литвишко и Екатерина Максимова) надо и того меньше, чтобы сотворить настоящее чудо.

Завершился фестиваль красочным фейерверком над ночным морем, банкетом и Олдёвой дискотекой от ди-джея Дмитрия Громова.

Точка поставлена, но, как пел другой легендарный исполнитель: «Шоу должно продолжаться!» И на следующий год директор фестиваля Глеб Гусаков обещает новую тему и новые чудеса.

(фото автора)

ПРЕСС-РЕЛИЗ

Четвёртого крымского открытого фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»

Четвёртый крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоялся с 14 по 17 октября в пгт Партенит (АР Крым). Фестиваль проводился на базе лечебно-оздоровительного комплекса «Айвазовское» на берегу моря. На территории комплекса находится парк с реликтовой маслинной рощей, возраст которой более двух веков;

водопады, каскадные ручьи, живописные уголки и 200 видов экзотических растений.

В мероприятиях фестиваля в общей сложности было задействовано более ста тридцати участников из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Перми, Твери, Нижнего Новгорода и др.), Украины (Киева, Харькова, Днепропетровска, Запорожья, Донецка, Николаева и др.), Белоруссии, Германии, Латвии и собственно Крыма.

В фестивале приняли участие писатели: Олег Ладыженский и Дмитрий Громов (Г.А. Олди, Харьков), Дмитрий Казаков (Нижний Новгород), Ольга Громыко (Минск), Дмитрий Володихин (Москва), Игорь Минаков (Москва), Дмитрий Федотов (Москва), Вадим Кирпичёв (Москва), Антон Молчанов (Ант Скаландис, Москва), Василий Купцов (Москва), Александр Юдин (Москва), Николай Степанов (Обнинск), Антон и Елена Первушины (С.-Петербург), Наталья Мазова (Санкт-Петербург), Юлия Андреева (Санкт-Петербург), Дмитрий Скирюк (Пермь), Яна Дубинянская (Киев), Симона Вилар (Харьков), Ярослав Веров (Донецк), Игорь Вереснев (Донецк), Владислав Русанов (Донецк), Юрий Иваниченко (Симферополь), Леонид Панасенко (Симферополь), Максим Хорсун (Симферополь), Андрей Гальперин (Евпатория), представители издательств «ЭКСМО» (Москва), «Вече» (Москва), «Снежный Ком М» (Москва), «Шико» (Луганск), журнала «Наука и Жизнь» (Людмила Синицына), альманаха «45 меридиан» (Наталья Гук), а также критики, редакторы, начинающие авторы и просто поклонники жанра.

В рамках фестиваля состоялись мастер-классы Андрея Балабухи (ведущий — А. Первушин) «Научно-фантастический рассказ», Д. Казакова «Страна Фантазия», Д. Володихина «Фантастическая критика», семинар Д. Федотова и Л. Синицыной по фантастическому рассказу «НФ-очерк. Как правильно писать НФ-рассказ», семинар Е. Первушиной «Фантастика женским почерком», доклад Г.А. Олди «Сценичность произведения: как оживить персонажа?», доклад Д. Володихина «Ранняя романтика в творчестве А. и Б. Стругацких», доклад Н. Мазовой «Фантастика на современной музыкальной сцене», литературная дуэль писатель против читателя: «Писать надо лучше? Читать надо лучше!» (А. Первушин против И. Гринчевского).

В этом году фестиваль проводился под девизом «Фантастика и театр», поэтому, кроме литературных семинаров, мастер-классов и докладов, были представлены спектакли «Искусство быть вместе» и «Пусть будет так!» театра-студии «DEEP» (Луганск), моноспектакль «Евангелие от Зверя» С. Битюцкого (Ростов-на-Дону), музыкальный спектакль «Наш Высоцкий» группы «СП Бабай» (Санкт-Петербург).

В традиционных поэтических чтениях приняли участие представители Поэтического Содружества Инфоромантиков (Н. Калинин, И. Минаков, Н. Батхен), С. Битюцкий, О. Ладыженский, а также все желающие.

Официальные мероприятия сопровождалась мини-постановками театра «DEEP», а также дегустацией настоящего кофе с астероида Церера от спонсора фестиваля Игоря Гринчевского.

От спонсора фестиваля издательства ЭКСМО каждый участник получил по экземпляру сборника «Настоящая Фантастика»-2010 с рассказами победителей семинаров и мастер-классов прошлогоднего фестиваля.

Увенчалось мероприятие роскошным праздничным фейерверком с последующим банкетом.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ФЕСТИВАЛЯ

1. Премия им. А. Грина «Золотая Цепь» — Дмитрию Федотову за роман «Огненный глаз Тенгри».

2. Премия им. Л. Козинец «Фиолетовый Кристалл» — Яне Дубинянской за роман «Глобальное Потепление».

3. Премия «Бегущая по волнам» за лучший женский образ в фантастическом произведении — Нику Горькавому за образ Никки в романе «Астровитянка».

Первый диплом мастер-класса А. Балабухи — Николай Немытов (Симферополь) за рассказ «Ойц, ваш космос!»

Второй диплом мастер-класса А. Балабухи — Елена Красносельская (Запорожье) за рассказ «На границе миров. Числа».

Первый диплом мастер-класса Д. Казакова — Наталья Лескова (Пермь) за рассказ «Без целн, без надежды».

Второй диплом мастер-класса Д. Казакова — Максим Тихомиров (Красноярск) за рассказ «Крылья».

Первый диплом мастер-класса Д. Володихина — Сергей Чебаненко за статью о Георгии Мартынове.

Второй диплом мастер-класса Д. Володихина — Артём Гуларян за статью об Александре Беяеве.

Дипломы семинара Д. Федотова и Л. Синициной (по итогам интернет-конкурса фантастического рассказа «Научно-фантастический очерк»):

— Константин Ситников (Йошкар-Ола) за НФ-очерк «Достоверно и правдоподобно»;

— Сергей Чебаненко (Луганск) за НФ-очерк «Пиратская копия»;

— Сергей Васильев (Санкт-Петербург) за НФ-очерк «Современная наука»;

— Дэн Шорин (Тула) за НФ-очерк «Как изменить прошлое, чтобы тебя не поймали»;

— Ярослав Кудлач (Ганновер) за НФ-очерк «Полцарства за повидло»;

— Александр Юдин (Москва) за НФ-очерк «За ушко да на солнышко»;

— Владимир Юрченко (Красноярск) за НФ-очерк «Снятся ли котам семантические сны».

Рассказы победителей мастер-классов и конкурса будут опубликованы в итоговом сборнике фестиваля «Настоящая фантастика»-2011. Кроме того, НФ-очерк К. Ситникова уже опубликован в № 10 2010 журнала «Наука и Жизнь». Участвовавший в конкурсе, хотя и не победивший в нём, НФ-очерк Н. Немытова «Око земное» принят к публикации в журнал «Наука и Жизнь». Авторы премированы годовой подпиской на журнал.

Кроме того, на фестивале вручены следующие премии:

Премия «Бронзовый Икар» СП Москвы и журнала «Наука и жизнь» («За настоящую научную фантастику»)

— в номинации «Лучшее художественное НФ-произведение» — Генри Лайон Олди и Андрей Валентинов за трилогию «Алюмен».

— в номинации «За общий вклад в возрождение, развитие и пропаганду традиционной научно-фантастической литературы» — Александр Тюрин.

Премия конкурса фантастического рассказа альманаха «45 меридиан»:

Первое место: Джон Маверик (Саарбрюккен) за рассказ «Серое небо»

Второе место: Юлиана Лебединская (Киев-Харьков) за рассказ «Лишняя»

Третье место: Екатерина Каретникова (Санкт-Петербург) за рассказ «Лаборантка».

Премии «Стремительный Домкрат» от оргкомитета премии (М. Головки и М. Черниковский) удостоена Ольга Громыко за лучший фантастический ляп, допущенный в романе «Год Крысы. Путница».

Орденом «Поросячьей доблести» от творческого объединения «Пространство» и оргкомитета фестиваля «Созвездие Аю-Даг» за лучшие проявления свинства на конвентах награждены:

— Евгений Константинов — за самый свинский мастер-класс по рыбалке на фестивале «Фантор»-2009;

— Дмитрий Казаков — за систематическую свинскую порчу тортов на фестивале «Звёздный Мост»;

— Юрий Баркан — за свинское раздолбайство на конвентах.

ВЛАДИМИР ЛАРИОНОВ

«БРОНЗОВЫЙ ИКАР» — ШЕСТОЕ ВРУЧЕНИЕ

Международная премия «Бронзовый Икар», присуждаемая за достижения в области научной фантастики была учреждена в 2005-м году с целью возрождения, развития и пропаганды традиционной НФ. В состав учредителей на данный момент входят Союз писателей Москвы, журнал «Наука и жизнь», писатель Ант Скаландис и ваш покорный слуга. «Бронзовый Икар» вручается ежегодно в нескольких номинациях, в том числе за лучшее художественное произведение и за общий вклад в развитие НФ. География вручения премии необычна, в разные годы премия вручалась на разных фантастических конференциях России и Украины: на ассамблее фантастики «Портал-2005» и европейском конгрессе НФ «Еврокон-2006» в Киеве, на «Интерпрессеконе-2007» и «ФанТОРе-2008» в Санкт-Петербурге, на фестивале «Созвездие Аю-Даг-2009» в Партените (Крым, Украина). В числе лауреатов «Бронзового Икара» — писатели Павел Амнуэль, Сергей Жарковский,

Виталий Забирко, Антон Первушин, Вячеслав Рыбаков, Татьяна Семёнова, Ирина Свенцицкая, творческий дуэт Ярослава Верова и Игоря Минакова, журналы «Мир фантастики» (в лице Николая Пегасова), «Полдень, XXI век» и многие другие.

Таким образом, до нынешнего года премия вручалась уже пять раз и все пять — на разных конференциях. Но в 2010 г. мы снова провели церемонию вручения на фестивале «Созвездие Аю-Даг». Уж больно место хорошее. И хозяева гостеприимные. И премия «Бронзовый Икар» за научную фантастику на этом фестивале как раз к месту — вокруг писатели нф-возрожденцы...

В состав жюри (наградной комиссии) премии «Бронзовый Икар» входят:

В.А. Ларионов, критик, председатель жюри, Сосновый Бор.

Е.Ю. Сидоров, первый секретарь СП Москвы, сопредседатель жюри, Москва.

А.В. Молчанов, секретарь СП Москвы по фантастике, сопредседатель жюри, Москва.

В.Г. Жовнорук, писатель, сценарист, Киев.

И.В. Бестужев-Лада, писатель, футуролог, действительный член Российской академии образования, Москва.

Е.А. Войскунский, писатель, Москва.

В.А. Гопман, критик, Москва.

Л.А. Синицына, писатель, зав. отделом научно-художественной литературы и научной фантастики журнала «Наука и жизнь», Москва.

В номинации «За общий вклад в возрождение, развитие и пропаганду традиционной НФ-литературы» премия присуждена писателю, родившемуся в Одессе, в прошлом — петербуржцу и члену семинара Бориса Стругацкого, ныне живущему и работающему в Германии, автору НФ-романов «Каменный век», «Волшебная лампа генсака», «Последнее оружие», «Человек технозойской эры», «Точка уязвимости» и др. произведений писателю Александру Тюрину. Несколько слов о Тюрине. Александр хотел, но, к сожалению не смог приехать в Партенит. Он сейчас живёт в Германии в городе Зинбург, но в России хотя бы раз в год обязательно бывает. О себе говорит (цитирую строки из его письма мне): *«Кроме писания книг и статей, занимаюсь подготовкой к писанию книг и статей — учитывая, что я много времени провожу в общественном транспорте, у меня всегда есть возможность углубиться в тему. Но еще больше времени я убиваю на зарабатывание денег, изображая из себя программиста. А еще больше времени уходит на воспитание трех дочерей, причем все равно ничего не получается»*. В последние годы Тюрин активно работает в области исторической публицистики (см. его книги «Война и мир Ивана Грозного» и «Правда о Николае II»). Премия «Бронзовый Икар» Александр Тюрин получил с формулировкой «яркому, самобытному писателю, стоявшему у истоков «русского киберпанка» и в течение долгих лет хранящему верность канонам научной фантастики».

В своём ЖЖ (<http://tyurin.livejournal.com/>) Тюрин пишет: *«...литературным трудом занимаюсь уже давно (твердая НФ, киберпанк, нанопанк), пишу понемногу на исторические и футурологические темы. Политические взгляды — сторонник народной монархии (хотя начинал как либерал :) — для страны, находящейся в пути, нет лучшей политической формы. В общем и целом я — информационщик; если вижу, что стране не хватает будущего, то пишу киберпанк, если вижу, что стране пытаются изуродовать прошлое, то пишу о прошлом. А страну*

я представляю, как такой большой пространственно-временной организм, в котором по сути всё прекрасно; она не может быть не права, как не может быть неправым материк или море. Наверное поэтому, в исторических воззрениях, я опираюсь на географический детерминизм».

Напоминаю шорт-лист «Бронзового Икара» в номинации «За лучшее художественное НФ-произведение»:

1. Амнуэль П. И сверкнула молния... // Полдень, XXI век. — 2009. — № 10.
2. Амнуэль П. Что-нибудь светлое... // Если.— 2009. — № 6.
3. Буркатовский С. Война 2020. Первая космическая. — М.: Яуза, Эксмо, 2009.
4. Геворкян Э. Чужие долги // Если.— 2009. — № 10.
5. Горькавый Н. Теория катастрофы — М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2009.
6. Громов А. Шанс для динозавра. — М.: Эксмо, 2009.
7. Дубинянская Я. Глобальное потепление — М.: ПРОЗАиК, 2009.
8. Олди Г.А., Валентинов А. Алюмен: Трилогия. — М.: Эксмо, 2008-2009
9. Прашкевич Г. Другая история Вселенной // Если. — 2009. — № 7
10. Синякин С. Младенцы Медника // Полдень, XXI век. — 2009. — № 1, 2.
11. Успенский М. Райская машина. — М.: Эксмо, 2009.
12. Хорсун М. Ушелец. — М.: Эксмо, 2009.

В номинации «За лучшее художественное НФ-произведение» премия присуждена Генри Лайону Олди (Дмитрию Громову и Олегу Ладыженскому) и Андрею Валентинову (Андрею Шмалько) за крепкий исторический замес науки, философии и мистики, масштаб-

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский

ную эпопею «Алюмен», в которую вошли романы «Механизм Времени», «Механизм Пространства», «Механизм Жизни». Премия вручена с формулировкой — «авторам, создавшим произведение, которое по праву может быть названо научной фантастикой нового поколения, настоящей научной фантастикой XXI века».

Об этих замечательных писателях отдельно ничего рассказывать не буду, люди они более чем известные, просто с удовольствием их поздравляю!

Ура лауреатам «Бронзового Икара-2010»!

Огромное спасибо за содействие и финансовую помощь директору фестиваля «Созвездие Аю-Даг» Глебу Гусакову, председателю оргкомитета фестиваля Светлане Поздняковой, отдельное спасибо спонсору фестиваля Игорю Гринчевскому!

Редакция журнала «Реальность фантастики» с удовольствием присоединяется к поздравлениям!

РАЗНЫЕ ПРЕКРАСНЫЕ НОВОСТИ

World Fantasy Award

С 28 по 31 октября в Колумбусе, штат Огайо, состоялся 31 октября состоялся конвент World Fantasy. А по окончании конвента, как полагается, был банкет, на котором вручили World Fantasy Award этого года.

Романом года стал «Город и Город» Чайны Мьевиля

Лучшей повестью признана «Море-Сердца» Марго Лэнеган.

Лучший рассказ — «Бар «Пеликан» Кэрен Джой Фаулер.

Антологией года стал двухтомник «Американских фантастических рассказов: От По до Лёгкого чтения/От 1940-х до наших дней».

Однако настоящие неожиданности подстерегали в разделе «авторский сборник». Тут, кроме ожидаемого сборника лучших рассказов Джина Вульфа, победил и совершенно неожиданный сборник «Жила-была женщина, которая пыталась убить ребенка своих соседей: Страшные сказки» Ларисы Петрушевской. Не часто на заокеанских конвентах в принципе награждают переводную литературу.

Художником года стал Чарльз Весс.

Специальные награды получили Джонатан Страэн за редактирование антологий (премия профессионалу) и Сюэзен Мэри Гроппи за онлайн-издание «Strange Horizons» (премия любителю).

Galaxy National Book Award

Терри Пратчетт и Мартин Эмис получили по премии «Гэлекси» за выдающиеся достижения с формулировкой «За непревзойдённый вклад в издательское дело». Терри Пратчетт так прокомментировал это событие: «Я потрясён. Ты находишь себе дело по душе, делаешь его с удовольствием, не прекращаешь им заниматься, а потом тебе неожиданно дают премию. Хотя всё, что я делал, я просто получал удовольствие».

Премия Endeavour

На состоявшемся в Портленде конвенте Orycon вручили премию Endeavour. Её получил Дэвид Марусек за роман «Разум над кораблём», являющийся продолжением его романа 2005 года «Счёт по головам». Марусек был награждён стеклянной бутылкой с гравировкой и тысячей долларов.

В ноябре также традиционно вручают Детскую премию Британской академии кино и телевизионных искусств (BAFTA). В этом году она досталась замечательному мультиту «Вверх!» компании «Пиксар».

Тони Моррисон стала офицером ордена Почётного легиона

Выдающаяся американская писательница, лауреат Нобелевской премии Тони Моррисон стала офицером ордена Почётного легиона.

Принимая её в ряды организации, министр культуры и информации Фредерик Миттеран сказал: «Вы воплощаете самые прекрасные черты Америки». С ним трудно не согласиться.

20 ноября 2010 года в 18:30 в рамках Четырнадцатого Конгресса фантастов России «Странник» и восьмой конференции «Форум Будущего» прошло вручение премий «Странник-2010» в номинациях:

Лучший сюжет — Марина и Сергей Дяченко, «Цифровой, или Brevis esb».

Блистательная стилистика — О'Санчес, «Хвак».

Необычная идея — Мариам Петросян, «Дом, в котором...».

Образ Будущего — Андрей Лазарчук, «Абориген».

Меч «Рыцарь фантастики» получили: Сергей Лукьяненко за книгу «Недотепа» (за новое развитие подросткового романа); Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын.

Также были вручены премии «за организацию легендарного конвента «ИнтерПрессКон» Александру и Татьяне Сидоровичам и «за выдающееся владение словом» Вадиму Жуку.

Четвертый Крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» прошёл с 14 по 17 октября 2010 г. в пгт Партенит, что в Крыму. Там тоже вручили премии:

Премия «Золотая цепь» досталась Дмитрию Федотову за «Огненный глаз Тенгри».

Премию «Фиолетовый Кристалл» вручили Яне Дубинянской за «Глобальное потепление».

А премию «Бегущая по волнам» отдали Николаю Горькавому за «Астровитянку».

Romanian Science Fiction&Fantasy Society Awards

В Румынии тоже вручили награды. Они достались людям мало нам известным, но от этого не замечательным.

Лучший автор — Кристиан Михаил Теодореску

Лучший художник — Алекс Попеску

Лучший переводчик — Михай Дан Павелеску
Лучший журналист — Стефан Гидовяну
Лучшее издательство — «Немира Паблишинг Пресс».

Крупнейший онлайн-магазин «Amazon» опубликовал список из 10 лучших фантастических и фэнтези книг уходящего года. Возможно, вы решите заказать себе что-нибудь из этого списка, поэтому названия и фамилии авторов мы решили не переводить, а оставить как есть.

«The Golden Age» by Michal Ajvaz
«How to Live Safely in a Science Fictional Universe» by Charles Yu
«Redemption in Indigo» by Karen Lord
«The Half-Made World» by Felix Gilman
«The Hundred Thousand Kingdoms» by N.K. Jemisin
«The Orange Eats Creeps» by Grace Krilanovich
«The Dream of Perpetual Motion» by Dexter Clarence Palmer
«Who Fears Death» by Nnedi Okorafor
«The Fixed Stars» by Brian Conn
«Kill the Dead» by Richard Kadrey

Время ужаться

Одно из крупнейших издательств мира «Random House» решило немного сократить расходы и сдать в субаренду часть занимаемого им здания «Random House Tower». Издательство занимает ни много ни мало, а целых 60 тысяч квадратных метров на 27 этажах, однако времена нынче трудные, да и сокращения недавно прошли. Так что примерно треть этой огромной площади ищет надёжных арендаторов. По всем вопросам обращаться по адресу 1745 Broadway/230 West 56th Street, New York City.

Издательские новости

Сайт издательства «АСТ» новинками не поделился, а сайт «Эксмо» рассказал, что недавно вышли романы «Мертвецы не танцуют» Макса Острогина, «Шаг в преисподнюю» Василия Горя и «Ричард Длинные Руки — эрцгерцог» Гая Юлия Орловского.

Как-то скромно выступила и «Армада». Из неперезданий замечены только книги «Чужак. Барон» Игоря Дравина, «Слотеры. Песнь крови» Виталия Обедина, «Блокада» Сергея Малицкого, «Сэр Троглодит» Виталия Башуна, «Царский сплетник» Олега Шелонина и Виктора Баженова и «Частная магическая практика» Елены Малиновской.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 11 (87), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 744-77-36,
e-mail: malahov@mercury.dp.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 799-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.

Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.